

ПУТЕШЕСТВИЕ КРИТИКИ

или

Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем.

Сочинение

Л. фон Ф

1818

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКОВСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

*

1951

ПАМЯТНИК РУССКОЙ *САТИРИЧЕСКОЙ* ПУБЛИЦИСТИКИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

ПУТЕШЕСТВИЕ КРИТИКИ

или

Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем.

Сочинение

Л*фон*Ф

1818

Труд свой по изучению и публикации книги „Путешествие критики" посвящаю незабвенной светлой памяти Николая Леонтьевича Бродского.

Ответственный редактор
проф. А. В. КОКОРЕВ

«ПУТЕШЕСТВИЕ КРИТИКИ» — СОЦИАЛЬНАЯ САТИРА ПИСАТЕЛЯ-РАДИЩЕВЦА

I

Проблема развития русской литературы конца XVIII и начала XIX века вплоть до последнего времени не подвергалась серьезному изучению. Буржуазные литературоведы XIX и начала XX века касались этого вопроса вскользь, ограничиваясь изложением отдельных фактов, эпизодов; они много говорили о борьбе сторонников сентиментализма и классицизма, о борьбе карамзинистов и шишковистов, но в сущности своей литературный процесс оставался совершенно невыясненным.

Характерно откровенное заявление акад. Истрина о том, что разобраться в литературном движении начала XIX века он не в состоянии. Он писал: «Это была какая-то особая сфера, совершенно непонятная нам теперь. С психологической стороны нам понятнее, т. е. доступнее для нашего восприятия, сфера даже XV—XVI веков, или эпохи Петра, потому что настроение этих эпох может быть охарактеризовано резкими чертами, но эпоха последних десятилетий XVIII и начала XIX века носит какой-то особый стиль» [1].

Литературоведы XIX—начала XX века не могли уяснить подлинных начал, которыми определялись социально-экономические, политические и культурные процессы. Переходные эпохи, в которые, вследствие усиления борьбы между новым и старым, указан-

[1] Акад. В. М. Истрин. Опыт методологического введения в изучение русской литературы XIX века, вып. 1, СПб, 1907, стр. 71.

ные процессы становились особенно сложными, ставили буржуазных ученых втупик.

Литературный процесс начала XIX века буржуазные литературоведы рассматривали абстрактно: классицизм, сентиментализм определялись ими, как заимствования с Запада, своеобразие этих направлений на русской почве не учитывалось. Литературные произведения, заключавшие в себе ростки нового, казались им по своим жанрам и по тематике незначительными, мелкими, второстепенными и даже третьестепенными («Бова» Радищева, произведения В. Попугаева и др.).

Только советская историческая и литературоведческая наука, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, владея гениальным учением И. В. Сталина о борьбе между старым и новым, о неодолимости победы нового, передового, смогла выяснить и правильно оценить процессы социально-экономические, а также процессы в области культуры и литературы.

Тормозом в изучении истории СССР в течение ряда лет являлась вульгарно-социологическая школа Покровского, а в области литературоведения, кроме того, большой вред принесли формалисты, вульгарные социологи, последователи школы А. Н. Веселовского. Радищев, центральная фигура того времени, трактовался как писатель-одиночка, не связанный с русским литературным движением ни предыдущего, ни последующего времени. Мнение Пыпина о том, что «протест, некогда выставленный Радищевым, оставался неподдержанным» и что «его критическое направление не нашло продолжателей даже в смягченной форме» [1], не встречало отпора.

В последнее время — с выходом в свет работ Д. Д. Благого о Радищеве и Вл. Орлова о русских просветителях 1790—1800 годов — проблема развития русской литературы начала XIX века в основном получила правильное освещение. В работе Вл. Орлова верно определены основные силы, вступившие в идейно-политическую борьбу, и с большой убедительностью доказывается, что борьба начал «радищевского», с одной стороны, и «карамзинского», с другой, определила литературный процесс начала XIX века.

Дело Радищева не умерло с его трагической кончиной: оно было поддержано и продолжено довольно значительной разносословной группой молодых писателей, поэтов, ученых, объединившихся в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств

[1] А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I, изд. 3, СПб, 1900, стр. 263.

(Пнин, Попугаев и др.); наиболее радикальные из них получили название радищевцев.

Вл. Орлов прав, когда говорит в своей книге: «Боевой наступательный «плебейский» дух, выразившийся в защите гражданских прав и в утверждении морального достоинства «низших классов», включая и крестьянство, проникает идеологию наиболее радикальных радищевцев»[1].

Радищевцы не отрывались от реальной русской действительности, поэзия их злободневна: рабство, нищета, неправосудие — темы многих произведений радищевцев, и всякому было ясно, что речь шла о русской жизни, о русской действительности. Даже в тех случаях, когда действие произведения переносилось за пределы России («Негр» Попугаева), читателям легко было понять, что автор имеет в виду русских угнетателей — крепостников и русских рабов — крепостных. Нет сомнения, что радищевцы своими печатными и рукописными произведениями оказали большое воздействие на современников. Факт опубликования хотя бы избранных сочинений Радищева говорит о стремлении радищевцев к открытому выступлению с пропагандой идей поэта-революционера[2].

Без учета творчества Крылова невозможно иметь правильного представления о развитии русской литературы начала XIX века. Крылов был самым близким к Радищеву по своей общественно-политической направленности писателем, он шел по той же столбовой дороге, по какой шел и Радищев. Легенда о том, что в XVIII веке Крылов был один, а в XIX веке — другой, должна быть бесповоротно похоронена. Отметим характерный, почему-то не учитываемый факт: как только Крылов возвратился из своей фактической ссылки, он немедленно выпустил в свет второе издание «Почты духов» (СПб, 1802), с изменениями и дополнениями. Творческий путь Крылова в XIX веке и нужно начинать с «Почты духов», тесно связывая его предыдущую и последующую деятельность в единое целое, помня, что еще Белинский предупреждал: «Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца: мы видим в нем нечто большее».

Деятельность Радищева, а также Крылова, радищевцев мы рассматриваем в плане развития борьбы нового со старым, в плане развития дворянской революционности.

[1] Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Гослитиздат, 1950, стр. 59.

[2] Мы держимся той точки зрения, что одним сыновьям Радищева было не под силу издать сочинения своего отца.

II

Настоящей публикацией мы ставим задачей ввести в круг научного изучения новые литературные материалы. Художественное прозаическое произведение под названием «Путешествие критики», по нашему мнению, будет полезным при дальнейшем изучении литературного процесса начала XIX века, так как оно, мы полагаем, должно быть зачислено в литературный фонд радищевцев.

«Путешествие критики или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем» — библиографическая редкость. Книга эта до настоящего времени остается незарегистрированной ни в одном из библиографических справочников и научно не изученной, — она известна только небольшому кругу лиц. Впервые в печати эта книга была отмечена Н. П. Сидоровым и Н. Л. Бродским.

Н. Л. Бродский, приветствуя настоящую публикацию, незадолго до смерти писал в Издательство Московского университета: «...Эта книга, вышедшая в 1818 г. продолжала радищевские традиции в начале XIX века, являлась ярким антикрепостническим документом в аракчеевские годы, свидетельствовала о наличии освободительных идей в русском обществе, где уже вызревали ранние декабристские настроения. Переиздание этой книги чрезвычайно полезно: историки русской общественной мысли, литературоведы с выходом в свет этой забытой книги включат в свои обзоры ценную страницу для характеристики исторического периода накануне пушкинской «Деревни».

«Путешествие критики» напечатано в Москве, в типографии Селивановского в 1818 году, хотя цензурное разрешение было подписано Алексеем Мерзляковым 14 марта 1810 года. Но и получив визу цензора, автор в течение восьми лет не мог опубликовать своей книги. Лишь в 1818 году, благодаря кратковременному облегчению для печати после выступления Александра I в Польском сейме, Селивановский решился отпечатать ее в своей типографии. Автор этой книги, скрывшись под инициалами С. Фон-Ф., остался неизвестным [1].

[1] Имеется некоторое основание предполагать, что автором «Путешествия критики» мог быть С. П. Фонвизин, племянник Д. И. Фонвизина.

«Путешествие критики» — это ряд бытовых очерков в эпистолярной форме (34 письма), в которых дается широкий охват русской жизни начала XIX века: в них ставятся вопросы, касающиеся суда, администрации, семьи и брака, воспитания детей. Бо́льшая часть очерков посвящена двум вопросам — разложению провинциального поместного и городского дворянства и тяжелому положению крепостного крестьянства.

Поместное и городское провинциальное дворянство изображено автором «Путешествия критики» самыми мрачными красками. В дворянском обществе царят всевозможные пороки: невежество, грубость, семейный деспотизм, обман, вымогательство, воровство, жестокое обращение с крепостными.

Отсутствие каких-либо человеческих интересов, полное моральное разложение — вот характерные черты дворянского общества. Один за другим проходят перед нами представители привилегированного «первого» сословия.

Вот помещик Н. — кутила, пьяница, мот, картежник, продающий своих крестьян оптом и врозницу то в рекруты, то фабрикантам.

Это — зверь в человечьем облике. Крепостных крестьян он не считает за людей. Когда крепостные обратились к нему с просьбой не продавать их в розницу за тысячи верст, а продать какому-либо помещику поблизости, это вызвало у него припадок бешенства и неистовый вопль: «Ваше дело молчать и делать то, что я приказываю, а я приказываю то, что мне хочется или сию же минуту палок, плетей... спину мягче брюха сделаю».

А вот другой зверь — помещик М. Буквально каждый день он совершает жесточайшие экзекуции над несчастными крепостными: «Не пройдет ни одного дня, в который бы он не отдул одного, а иногда пятерых из людей своих кнутьями и не влепил бы каждому ударов ста по три».

В «Записках охотника» Тургенев рассказывает о наказании помещиком-аристократом Пеночкиным камердинера Федора за то, что вино подано было ненагретым: «Насчет Федора... распорядиться, — проговорил Аркадий Павлыч вполголоса с совершенным самообладанием».

В «Путешествии критики» имеется аналогичный рассказ о жестоком крепостнике-помещике М. Один из слуг за то, что, по мнению г. М., подал любимой его борзой собаке слишком горячие щи, сначала получил от самого барина сто пощечин, а затем под непосредственным наблюдением и руководством барина был высечен кнутом. Помещик М. в своей свирепости неукротим; жена его пре-

дупреждает гостя, хотевшего просить о «пощаде бедного человека», чтобы он не делал этого, так как муж ее такого нрава, что если теперь и оставит несчастную жертву, то «после замучит». Безграничная власть над крепостными так развратила господина М., что кровавые экзекуции стали для него насущной потребностью. Утром, отправляясь на прогулку по своей усадьбе, он откровенно завляет: «Похожу по двору, не найду ли кого-нибудь, к кому б можно было придраться, до-смерти хочется постегать кого-нибудь». И, конечно, жертва была найдена: «Не прошло еще четверти часа, как уже слышен был вопль и стон».

Тургенев о Пеночкине говорит, что, отправив камердинера Федора на расправу, он пришел в веселое расположение духа.

Другой крепостник — помещик Стегунов, изображенный Тургеневым, при звуке мерных ударов плети, доносившихся из конюшни, с наслаждением начал вторить ударам: «Чуки-чуки-чук! Чуки-чук».

А автор «Путешествия критики» повествует о г. М.: «По окончании экзекуции, возвратился к нам хозяин, сел за стол и начал кушать с большим против прежнего аппетитом». Автор «Путешествия критики» и Тургенев подметили характерные, устоявшиеся черты психики помещика-крепостника. Далеко уступая Тургеневу по художественному мастерству, автор «Путешествия критики» смело и откровенно изображает звериную психологию крепостников-помещиков и их издевательства над крепостными. Со страниц «Путешествия критики» несутся стоны, рыдания истязаемых крепостных.

В письме 22-м — «Хороший эконом или белый, торгующий белыми»—нарисован отвратительный образ помещика—специалиста по торговле крепостными душами. В течение 12 лет приобрел он путем перепродажи 950 душ и 125 тысяч рублей наличными деньгами. Слезы несчастных отцов, матерей, лишающихся навсегда своих детей, доставляют этому чудовищу развлечение. «Забавное зрелище,— говорит Н. своему собеседнику,—если бы вы поглядели на них в это время или хоть издали послушали, как ревут тогда женщины, верно бы насмеялись вдоволь».

Насилия над крепостными девушками со стороны помещиков были в то время обычным явлением. Отдельные писатели, например Николев, пытались заявить протест по этому поводу, но голос их звучал одиноко и довольно робко. Но вот впервые в «Путешествии из Петербурга в Москву» раздался грозный протест против насилий развратных злодеев («Зайцово», «Медное»). Автор «Путешествия критики» продолжал дело Радищева. Он насытил свой

рассказ о помещике-насильнике таким горячим чувством негодования, так обнажил растленную психику насильника, угрожающего своей несчастной жертве, что образ этого помещика-злодея встает перед нами, как живой.

Страстная жажда наживы широко охватила дворянское общество: неограниченная власть над трудом, имуществом крепостных и низкий интеллектуально-моральный уровень крепостников приводили к самым уродливым проявлениям скупости.

Вот один из скопидомов — г. А. Деревня его и крестьяне являли собою печальное зрелище: «развалившиеся хижины, похожие более на хлевы, чем на домы»; крестьяне, шедшие на господскую работу, «покрыты были разодранными рубищами».

Ярко нарисовано угощение, каким потчевал г. А. своего гостя: «Обед состоял в пустых щах, гречневой каше и ржаном пироге с морковью», а десерт — «из репы, моркови и загнивших яблок, изрезанных в самомалейшие кусочки». В заключение подан был стакан «бражки», такой, что наш рассказчик, прихлебнувши слегка, сказал сам себе: «Этот стакан вылить на бешеную собаку и та облезет». Еще более ужасное впечатление произвел неожиданно появившийся друг г. А.: «Сертук его, казалось, был сшит из одних дыр, которые по местам были соединены между собой маленькими суконными лоскутками». При виде этого помещика у нашего автора родилась мысль, что «это сама скупость странствует на земле во образе человека».

Нравственная распущенность среди дворянства дошла до самых крайних пределов: мужья обманывают своих жен, жены — мужей, молодые люди обманывают доверившихся им девушек, они «почитают хвалиться пороками своими — пороками непорочными, т. е. модными» (письмо 34); сводни, сеющие разврат, — почтенные, уважаемые дворянским обществом люди (письмо 32); брак сделался предметом открытой купли и продажи (письма 13 и 15).

Автор «Путешествия» коснулся воспитания детей в дворянском обществе и снова рисует безотрадную картину: родители прививают своим детям с юных лет самые низменные наклонности — лень, своеволие, жадность, жестокое обращение с крепостными (письма 21 и 30). Результаты такого воспитания налицо: десятилетний сын помещика П. говорит своему старшему одиннадцатилетнему брату: «Как я буду настоящим барином, так стану сечь людей еще больше, нежели батюшка». «Так и должно, — ответил другой, — я часто слыхал, что без побой от них и добра не видать, а бить их ничуть не грех — лакей хуже собаки» (письмо 21).

Автор «Путешествия критики» считает, что уродливое воспитание так глубоко развращает детей, что они безнадежны; он не соглашается с Правдиным, что Митрофанушек и им подобных может исправить военная служба: «По моему мнению, дети г. П., ежели проучить их под ружьем, могут сделаться несколько оборотливее, вежливее, но ничуть не человеколюбивее» (письмо 21).

«Путешествие критики» знакомит нас и с другими образами помещиков, показывая их в самом отталкивающем виде: перед нами проходят фигуры шулеров-картежников, пустых щеголей—развратных прожигателей жизни, тупых хвастунов — псовых охотников, жалких сплетников и т. п.

В «Путешествии критики» нарисовано чиновничество, администрация — печальная картина: городничие — Вральманы, гости городничего — тоже Вральманы (письмо 31). Вральмана многие «любят и почитают за человека весьма разумного», потому что для них «заморская и грязь дорога».

Суд тоже не на высоте: судьи кривят душой, дела в судах тянутся целые годы и решаются в пользу проходимцев-плутов, напоминающих Праволова из «Ябеды» (письмо 32); в качестве судей восседают часто Шемяки (письмо 31).

Картина дворянско-крепостнического общества, нарисованная автором «Путешествия критики», поистине ужасна. Отовсюду, со всех сторон показываются фигуры Бесчестовых, Беспорядковых, Высокомеровых, Свисталовых, Надуваловых, к ним присоединяются Шемяки, Вральманы, а также различные безыменные чудища, какие-то свиные рыла (письма 3, 4 и др.). Только изредка на этом сплошном черном фоне появляются светлые точки: умный, честный, покрытый ранами полковник К., уличивший судей в формализме и бесчеловечии (письмо 31); молодой офицер, полюбивший крепостную девушку, давший слово на ней жениться; добродетельная барыня, воспитывавшая крепостную девушку, как родную дочь.

III

Очерки, посвященные крепостному крестьянству, неизменно проникнуты гуманностью, искренним сочувствием к несчастной доле крестьянской.

«Путешествие критики» открывается жуткой картиной: помещик Я. продал всех молодых крестьян своей деревни какому-то фабриканту, который живет, по словам старика-крестьянина, «от

сюда тысячи за три верст там, где-то неподалеку от каторги». Этих крестьян помещик «перехватал, сковал в железы», велел запереть в домах и приставил к ним караул. Плач, стоны, рыдания наполнили все село, с часу на час они ожидают приезда помещика с фабрикантом и отправки несчастных арестованных навсегда в далекие места. Вот отдельные образы страдальцев-крестьян. Старик с опухшими от слез глазами просит себе смерти: «Жена, — говорит он, — померла от горя, было два сына, молодец молодца чище, я любовался, глядя на них, а теперь обоих не стало: одного по зиме продал в рекруты, а другого продает теперь». Ярко нарисованы этим стариком-крестьянином ужасы крепостного состояния — беззащитность, полная зависимость от злой воли барина: «Как вздумаешь про него,— говорит он, — так волосы дыбом становятся. Десять лет, как мы ему достались в руки, десять лет он гнетет нас страшными налогами, десять лет сосет кровь нашу. Работаем и день и ночь — и всё на него, он же последний кусок ото рту отнимает от нас».

С большой силой нарисовал автор «Путешествия критики» образ матери, исстрадавшейся от горя и слез. Плач малюток, «увивающихся около брата своего, который заступал у них место отца и матери», наш автор, вероятно, слышал в жизни, не сочинил, а лишь записал его: «Родимый ты наш братец, на кого ты нас покидаешь, кто нас будет поить, кормить, без тебя натерпимся мы и холоду и голоду». Автор «Путешествия критики» назвал этот плач «жалобною песнию» и добавил: «Какое разительное красноречие!». И он прав.

С особенным волнением нарисовал автор «Путешествия» образ крепостной девушки, изнасилованной помещиком (письмо 10).

Автору «Путешествия критики» удалось изобразить тяжелые переживания этой несчастной девушки: доля ее напоминает судьбу крепостного интеллигента, нарисованного Радищевым в очерке «Городня». Но ее доля еще тяжелее — положение ее безвыходное. Автор «Путешествия критики» сумел показать в лице несчастной жертвы «прихоти развратного злодея» стойкость натуры крепостной девушки: упорно боролась она за свою честь, находясь в полной власти зверя-помещика, решительно отказалась от положения наложницы (письмо 10).

Автор «Путешествия критики» показывает дикий произвол и сумасбродство помещиков-крепостников; он рассказывает, например, как по распоряжению помещика были высечены восемь крепостных крестьянок без всякой вины, «по ошибке»: бабы принесли восемь блюд ягод, а барину показалось, что два; испуганные до крайней степени окриками и барскими пощечинами крестьянки не смогли

ничего разъяснить. По распоряжению барина всех их выпороли. После порки, когда выяснилось «недоразумение», барин милостиво заявил, что бабы «сами себя бьют».

У автора «Путешествия» глубокий подход к проблеме крепостного права. Он смотрит открытыми глазами на этот вопрос, у него сложилось твердое убеждение в том, что помещик ненавистен крестьянам независимо от того, добрый он или злой: «Люби сено в стогу, а барина в гробу», — говорил народ.

В одном из очерков повествуется об убийстве крестьянами своей помещицы. Помещица была «очень достойна любви и почтения: она была умна, ласкова, добросердечна, не горда, управляла подчиненными своими, как мать». И, однако, крестьяне убили ее: собрались ночью целой толпой во главе со старостой, взломали окно, схватили барыню, отвезли за десять верст от села и утопили в реке; получалось такое впечатление, что крестьяне совершили бессмысленное жестокое «смертоубийство». Автор «Путешествия» дает в конце очерка объяснение. В селе, в котором была убита помещица Е., до нее помещики никогда не жили, крестьяне платили оброк, они представляли себя как бы свободными, и вдруг появилась помещица — иллюзия свободы у крестьян с появлением барыни в их селе исчезла. На суде они объясняли: «барыня расположилась поселиться в нашей деревне навсегда. Жить в одной деревне с своей помещицей нам показалось что-то дико, потому что прежде ее ни один помещик в нашей деревне не живал; больше нечем ее винить» (письмо 24).

IV

Автор «Путешествия критики» в заглавии своей книги подчеркивает, что будет описывать то, «очевидным свидетелем» чего был. Он выполнил свое обещание: факты, явления, описанные им, не вызывают сомнения относительно их реальности; от очерков нашего автора веет правдой. Изображение жизни и быта дворянского крепостного общества и крепостного крестьянства соответствует подлинной исторической обстановке. Так, например, продажа помещиком Я. крестьян фабриканту с переселением их, изображенная во втором письме, происходила на основе действовавших тогда законоположений: указом Павла от 16 марта 1798 года разрешено было фабрикам и заводам покупать крестьян с переселением. Торговля рекрутами с конца царствования Екатерины II, с

1792 года, приняла особенно широкие размеры, когда существовавшие до этого времени некоторые ограничения были отменены [1].

Наш автор — враг «карамзинистов»: он язвительно высмеивает их слащавую, далекую от жизни приторную сентиментальность, неестественную природу, существующую только на бумаге, в сочинениях «чувствительных» поэтов: «Как несходно изображение природы с природою! На месте зелено бархатных лугов увидел я просто зеленые луга. Это заставило меня выбросить из головы все описания, какие я только знал. Для чего изображать нам ее в бархатных, атласных и прочих уборах? Она их никогда не носит» (письмо 1).

Особенно остроумно высмеивает наш автор «карамзинистов», населявших свои произведения хорами резвых пастухов и пастушек и «счастливых пейзан». «Вообразив, что на прекрасной долине, которая была перед глазами моими, непременно должны быть хоры резвых пастухов и веселых пастушек, я повсюду искал взорами сих счастливых любимцев природы, но нигде ничего не видно. Наконец, к несказанному удовольствию моему увидел я стадо, увидел самого пастуха — и в то же мгновение, едва переводя дыхание свое, приложил внимательно ухо, чтобы насладиться нежными звуками свирели или восхитительным пением его. Но вообрази удивление мое и досаду! Я услышал один пронзительный свист и хриповатые вскрикивания: «Эй... куда! Я тебя!»

Наш автор метит в определенных, конкретных лиц, конкретных «чувствительных путешествователей», — он имел в виду В. Измайлова, кн. Шаликова, Невзорова и др. Описание природы В. Измайлова претило автору «Путешествия критики»: «Как мы были упоены и голубым цветом неба и зеленым бархатом лугов и шумом ручейков и красотою весны... Нежность ландшафта, который, если смею так сравнить, улыбается у подошвы горы, как страстный юноша у ног нежной красавицы. Там покоимся мы на мягких коврах, расстилаемых роскошною природою, — свист птичек служит нам музыкой» [2].

А вот описания жизни счастливых пастушков и пастушек, которые возмущали автора «Путешествия критики»: «Счастливое семейство, нежнолюбящаяся чета, пастушок, которой на свирели

---

[1] См. В. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1, СПб, 1908, стр. 167.

[2] В. Измайлов, Путешествие в полуденную Россию, ч. 1, М., 1802, стр. 8—9.

поет тайну души своей, хоровод сельских красавиц, группы детей, нежная улыбка, трогательный взгляд».

Или: «Смотря на покоющихся овечек, на пасущих пастухов, на травки и цветочки, путешественник чувствует небесное вдохновение и хочет схватить сельскую свирель, чтобы петь с Геснером счастие пастухов и пастушек» [1].

«Карамзинисты» наперекор друг перед другом изображали счастливых, радостных поселян: «Они истинно благополучны, несмотря на то, что мы называем их бедными. Ах! Мы во сто раз их беднее... Мы посреди роскоши и забав скучаем...» [2].

Всем этим «чувствительным» поэтам, изображавшим русскую крепостную деревню в виде счастливой Аркадии, автор «Путешествия критики» бросает в лицо горькие слова правды: «Весело чувствительному празднолюбцу смотреть на работающих: каково-то работать?».

Автор «Путешествия критики» не признает и дидактической литературы, считает ее отвлеченной, бесполезной; он извиняется перед своим другом, когда незаметно для себя переходит на роль моралиста: «Поелику поучения — должно убегать пороков — очень обыкновенны и каждому известны, то я не скажу тебе из них ни одного слова».

Автор наш стоит за показ жизни такой, как она есть, он стоит за реалистическое изображение действительности. При изображении явлений жизни нужно руководствоваться опытом: «Опыт есть самый лучший учитель».

«Путешествие критики» написано простым русским языком. Большой заслугой автора является то, что ему удалось передать крестьянскую речь и без слащавости, какую придавали ей «карамзинисты», и без того натурализма, какой стремились привнести писатели XVIII века (Попов, Лукин и др.). Характерна усиленная тяга С. Ф. к народной пословице, поговорке: они рассыпаны по всей книге.

Об авторе «Путешествия критики» некоторые сведения можно получить из его же произведения. Наш автор — дворянин, молодой человек, родился в Москве, где и прожил безвыездно до своего

---

[1] В. Измайлов. Путешествие в полуденную Россию, ч. 1, М., 1802, стр. 50.

[2] Сочинения кн. Шаликова, ч. 1, М., 1819, стр. 49.

путешествия. Он человек образованный, культурный, вдумчивый, стремящийся разобраться в социально-политических вопросах своего времени. Элементы автобиографичности в «Путешествии критики»— налицо, и потому мы можем проследить эволюцию социально-политических взглядов нашего автора. В начале путешествия он выступает как наивный, доверчивый гражданин «Александровской весны»: он верит в благодетельность правительственных установлений начала царствования Александра I, верит в добропорядочность представителей власти — исправников, заседателей; взаимоотношения между помещиками и крестьянами он мыслит в рамках патриархальных отношений между отцами и детьми, между начальником и подчиненным: помещик поставлен над крестьянами начальником для того, чтобы сделать их счастливыми. Но опыт жизни, опыт, полученный во время путешествия, быстро разбивает его иллюзии.

Бесчеловечные поступки помещика Н. нарушили царивший в его душе покой: он не может примириться с жестокостью, а тут еще он вспомнил о прочитанном им: о таковых же бесчеловечных поступках белых с черными. Однако наш автор надеется еще, что г. Н. раскается, «почувствует угрызения в душе своей и ужас в сердце своем». И в то же время у него начинают появляться сомнения в самой законности крепостного права, как государственного установления.

Наш автор в самом начале своего путешествия думает, что помещик Н. — исключение, но он все более и более убеждается в дальнейшем, что людей недостойных, порочных в дворянском обществе везде очень много. Уже в 5-м письме он пишет своему другу: «Судьба как бы нарочно водит меня в путешествии моем большею частию по таким местам, где вижу я одно развращение человеческое, высказывающееся в различных видах». Судьба несчастной крестьянской девушки-крепостной привела в смятение нашего автора, он пишет своему другу: «Охоты к путешествию, сколько она ни была велика, теперь во мне очень мало; ежели часто будут встречаться подобные сему случаи, то не премину, бросся все, убраться поскорей домой».

Автора «Путешествия» все еще не покидала надежда встретить умных, честных людей: «Если есть порочные, то должны быть и добрые», — рассуждал он. Надежды не оправдались: даже старшая сестра его, жившая в городе, оказалась в лагере порочных; она деспот в своей семье, препятствует личному счастью дочери, требуя от нее согласия на выход замуж за пустого, развратного, но богатого кутилу.

Путевые впечатления принесли автору «Путешествия» большую пользу.

Автор освободился от своих колебаний и сомнений, он на опыте убедился в том, что жизнь современного ему дворянского общества полна всяких мерзостей и «теперь никакая сила человеческая не может разуверить его в этом».

«Путешествие критики» тесно связано с прогрессивной русской литературой XVIII века. Автор широко пользуется образами комедии Фонвизина: в его очерках в качестве действующих лиц выступают Митрофанушка, Вральман, Простаков; он полемизирует с Правдиным, вспоминает Скотинина.

Автор «Путешествия критики» воспользовался опытом Новикова и Крылова в показе жизни, быта помещиков и крестьян. Картина деревни, нарисованная С. Ф. в 3-м письме, напоминает «Деревню разоренную» из «Отрывка путешествия в*** И... Т...». Сцена из жизни пастухов и пастушек в «Путешествии критики» явно напоминает аналогичную сцену из «Каиба» Крылова [1]. Результаты дворянского воспитания и образования С. Ф. подтверждает почти дословно цитатой из «Трутня» Новикова: «Дети г. П. в школу твою вступили поросятами, а из нее выйдут взрослыми свиньями» (ср. у Новикова: «Известие о молодом российском поросенке, возвратившемся из-заграницы совершенною свиньею»).

Изображение темноты, невежества, интеллектуально-морального разложения дворянства в «Путешествии критики» напоминает изображение дворянского общества в сатире Новикова и Крылова; автор «Путешествия критики» следует лучшим традициям сатирической литературы XVIII века. Но он рисует жизнь дворянского крепостнического общества на другом этапе: Вральман «вырос» в городничего, Митрофан — в отставке, хотя «остался таким же, каким был в недорослях».

Автор «Путешествия критики» стремится продолжить изображение Радищевым жизни и быта феодально-крепостнического общества России начала XIX века, и это в некоторой степени ему удалось, однако до призыва к революции он не подымается.

Время, охватываемое в «Путешествии критики», определяется с достаточной точностью: в 1-м письме высмеивается «Путешествие в полуденную Россию» В. Измайлова, напечатанное в 1802 году,

---

[1] Ср. Полное собрание сочинений И. А. Крылова, Огиз, т. 1, 1945, стр. 367 и «Путешествие критики», стр. 4.

а во 2-м письме описывается продажа крепостных фабриканту на вывоз, запрещенная указом Александра I в 1802 году.

Таким образом, время событий, описываемых в начальных двух письмах, можно определить: это 1802 год. В 10-м письме упоминается молодой офицер, который находится в отлучке в течение двух лет; отсюда можно заключить, что он был в действующей армии во время войны с Наполеоном, т. е. примерно в 1805—1806 годах. Вообще есть основания утверждать, что в «Путешествии критики» изображена жизнь русского общества первого десятилетия XIX века.

Время написания «Путешествия» можно таким образом определить 1802—1809 годами.

«Путешествие критики» — произведение писателя-просветителя начала XIX века, радищевца. Он верит в великую силу просвещения, которое «располагает сердцами людей с неограниченным полномочием». С. Ф. поднялся до сознания того, что одного просвещения для изменения жизни мало, необходимы «дела»: «можно иметь просвещенный разум, возвышенно мыслить, благородно чувствовать — и подло делать».

Автор «Путешествия критики» говорит о том, какой должна быть деятельность человека,— она должна быть проникнута «людкостью», гуманностью. Простые, непросвещенные люди, говорит он, могут равняться с образованными: «простое рубище так же удобно может покрывать великого человека, как пышный наряд подлого и гнусного».

В заключение мы повторим высказанную нами в начале статьи мысль: в «Путешествии критики» с позиций русских просветителей-радищевцев изображается дворянско-крепостническое общество. «Путешествие критики» дает нам ценные материалы для изучения литературного процесса начала XIX века.

А. Кокорев

Книга «Путешествие критики или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем» воспроизводится с редкого издания, вышедшего в Москве в 1818 году. Текст перепечатывается с соблюдением особенностей стиля и орфографии, за исключением буквы ять и твердого знака в конце слов.

Редакция

ПУТЕШЕСТВІЕ КРИТИКИ

ИЛИ

Письма одного путешественника, описывающаго другу своему разные пороки, которыхъ большею частію самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

Сочиненіе С. фонъ Ф.

Quid rides? mutato nomine fabula de te narratur. Horat.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1818.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Марта 14 дня, 1810 года. Книгу сію читалъ Ординарный Профессоръ и Цензоръ *Алексѣй Мерзляковъ.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Друг мой никогда не имел желания быть страдальцем учености, или, просто сказать, автором. Писавши ко мне письма сии, он не предполагал, что из них со временем составится порядочной величины книжка и, что всего страннее, книжка печатная. Да и я со своей стороны никогда не решился бы выдать их в свет, естьли бы не убедили меня к тому друзья мои. Они уверяли меня, что сочинение сие не безделица; что оно назидательно для нравов, и потому очень полезно.

Впрочем я не знаю, какую оно может принести пользу. Ежели предположить, что люди, коих пороки здесь описываются, прочитавши письма сии, ужаснутся преступлений своих и исправятся, так их давно уже и на свете нет; ежели же почесть пользою то, что современники наши и потомки, прочитавши их и почувствовав отвращение к описываемым в них порокам других, почувствуют, может быть, отвращение и к порокам собственным: так пороки в мире всегда есть и всегда будут. Следовательно всегда и всякой может видеть их в

натуре. Но это постороннее: благоразумные читатели сами могут судить полезно ли сочинение сие, или нет.

А я с своей стороны по долгу издателя должен усердно просить и прошу всех умеющих читать, или только слушать с понятием и без понятия, чтобы удостоили благосклоннаго принятия сии письма. Друг мой писал их не с тем, чтобы злословить других и не с тем, чтобы делать другим нравоучение. Короче сказать, он писал только для моего удовольствия; а я вздумал поделиться сим удовольствием с другими. Впрочем, ежели кому нибудь захочется из пороков других поучиться добродетели, тот пусть учится.

Письмо I

Теперь я не удивляюсь, любезный друг! почему многие путешественники наводят на читателей тягостную дремоту сочинениями своими, состоящими большею частию в длинных описаниях и скучных разсказах о всем том, что они видели и слышали во время путешествия своего.— Собственный опыт удостоверил меня, что и сами они, переежжая из одного места в другое, не безпрестанно восхищаются новостию зрелищ: но иногда, или позабыв, что они от природы весьма любопытны, или утомясь от любопытства, подобно обыкновенным смертным зевают, дремлют и нередко засыпают со скуки.— Не везде миртовыя аллеи; не везде прекрасныя равнины, усеянныя благоуханными цветами; не везде резвые ручейки с нежным журчанием пробегают по камешкам; не везде слышно сладкогласное пение соловья. Есть места дикия, каменистыя, пещаныя, безводныя, где ничего не слышно, кроме отвратительнаго карканья галок и ворон.

Выезжая из М. и без сожаления прощаясь с шумными веселостями, я не о чем более не думал, как о тех сладостных удовольствиях, которыя буду вкушать в

объятиях деревенской природы.— Родясь в городе, и никогда почти из оного не выезжая, я знал природу по одним только описаниям; и сердце мое, как бы недоверяя сим описаниям, стремительно искало тех пленительных предметов, коих изображение произвело в нем весьма сильныя и приятныя впечатления. Не без причины недоверяло оно, (ежели только недоверяло) как несходно изображение природы с природою! На месте зелено-бархатных лугов увидел я просто зеленые луга. Это заставило меня выбросить из головы все описания, какия только я знал. Пусть сама природа напечатлевает образ свой на сердце моем, сказал я.— Для чего изображать нам ее в бархатных, атласных и прочих уборах? Она их никогда не носит; свой собственный и ей одной приличный наряд служит ей всегдашним украшением.— Да и что может значить зеленый бархат в сравнении с простою зеленью? О природа! какая неизъяснимая красота в самом безобразии твоем! Какое величие в простоте твоей!

Вообразив, что на прекрасной долине, которая была пред глазами моими, непременно должны быть хоры резвых пастухов и веселых пастушек, я повсюду искал взорами сих щастливых любимцев природы; но нигде ничего не видно.— Наконец к несказанному удовольствию моему увидел я стадо, увидел самого пастуха — и в то же мгновение, едва переводя дыхание свое, приложил внимательное ухо, чтоб насладиться нежными звуками свирели, или восхитительным пением его. — Но вообрази удивление мое и досаду! я услышал один пронзительный свист и хриповатыя вскрикивания: эй!... куда! Я тебя!—

Далее представилось взору моему обширное поле, на котором видно было множество земледельцев. Я захотел в последний раз испытать верность чувствительных путешествователей и готов был божиться за их честь, предположив за верное, что земледельцы более постоянны, нежели пастухи и пастушки. Следовательно я буду иметь удовольствие слышать веселыя песни их; но к сожалению узнал, что и они веселятся, занимаясь трудною работою, в одном воображении писателей, известных в публике под именем чувствительных.— Весело чувствительному празднолюбцу смотреть на работающих: — каково-то работать? Весело и работать, но с прогулкою и для про-

гулки. А работать для того, чтобы трудами своими доставлять пропитание не только себе, но и сим чувствительным сочинителям, есть действие столько же несообразное с негою и веселостью, сколько и сама праздность несходна с трудолюбием.

Наконец я вникал и в самые нравы сельских жителей, желая найти в них ту простоту и невинность, которую воспевают стихотворцы. Не льзя сказать, чтоб сии добрыя качества были совершенно потеряны; но к сожалению и самые малые остатки их — остатки истиннаго величия человеческаго во многих обезображены, или, так сказать, подавлены грубостию и невежеством в такой же точно степени, как у жителей большаго света — учтивством и ловкостию. Человек везде одинаков, везде малыя совершенства его помрачены множеством слабостей и недостатков. Астреин век прошел. Зло владычествует над всем миром — только что не во всех местах с равною силою и могуществом. Там, где более просвещения и людкости — где, по словам одного писателя, утвержден престол его, оно располагает сердцами людей с неограниченным полномочием; напротив менее оказывает могущества там, где природа не потеряла права свои, или лучше не перерождена искуством. По сему между людьми не совершенно грубыми и не совсем образованными, особливо между такими, которые живут в отдаленности от городов, в полном смысле просвещенных, несравненно менее приметно пороков, нежели там, где они совсем неприметны, то есть где их чрезвычайно много; но где умеют их, нарядя в одежду добродетели, тонкаго вкуса и совершенной приятности, делать любезными, необходимыми. Между людьми необразованными пороки тем более приметны, что они всегда являются в собственном безобразном виде своем. По видимому сим самым удобно могли бы они возбуждать отвращение к себе и ненависть: не смотря на то люди, кажется, столько же любят их, сколько и гнушаются ими.— Такова участь человека! Модное просвещение и закоренелая грубость хотя кажутся быть друг другу совершенно противными: однако же они действуют ко вреду человека согласно, соединенными силами — только что в различных направлениях. И то и другое (сказать языком Экартсгаузена)

раскрывает в человеке качество зверской натуры. Первое, обманчиво возвышая разум его выше обыкновенных суждений, выше человечества, доводит его до состояния зверя, рождая в сердце его коварство лисиц, притворство и лютость гиенны и крокодила. А последнее, под видом опасения уклониться от простых правил природы, неприметным образом производит в нем свирепость медведя, алчность к хищничеству волка и кровожданость тигра.

Так, друг мой! большая часть людей переходит всегда из одной крайности в другую.— Один чрезвычайно груб, упорен, закоснел в предразсудках и зол. Другой имеет просвещенный разум, возвышенно мыслит, благородно чувствует — и подло делает. Истинно просвещенные, истинно добрые очень редки. Очень немногие умеют образовать разум свой так, чтобы, освобождая его от суеверия и ложных мнений, не освобождали вместе от познания тех высоких истин, которыя составляют прямое достоинство человека. Впрочем не подумай, чтобы сии великие люди были только в местах просвещенных. Природа во всем наблюдает порядок и равновесие.— Образованные люди блистают нарядами и словестностью — чем же могут равняться с ними простые, непросвещенные, естьли не духом и делами? Поверь, друг мой! простое рубище так же удобно может покрывать великаго человека, как пышный наряд подлаго и гнуснаго. Сим оканчеваю я письмо мое.

Впредь буду писать к тебе чаще, или реже, смотря по тому как будут позволять обстоятельства.

Письмо II

Сие пишу я к тебе, любезный друг! из одной деревни, в которой, остановясь обедать, пробыл я долее обыкновеннаго, и охотно согласился бы пробыть еще долее; но естьли бы судьба меня не привела в нее, то никогда бы не согласился не только быть в ней, но даже и знать об ней. Как сладко утешать нещастных, и вместе как горест-

но видеть нещастных, не имея возможности отвратить от них нещастие! Сие-то самое было причиною того, что я желал быть и не быть в этой деревне.

Какая разница, друг мой! между нещастными, которых мы видим на театре, и нещастными в самом деле! Там угнетаемый бедствиями, желая возбудить в зрителях сожаление, силится выжать из сердца своего слезы; но сердце его каменно, глаза сухи. Здесь страждущий, желая скрыть скорбь свою от других, силится удержать слезы; но слезы стремительными потоками текут из глаз его.

Подъежжая к сей деревне, приметил я на улице во множестве собравшийся народ. При виде меня, или лучше сказать, повозки моей толпа сия пришла в безпокойное движение. Многие, как казалось, побежали по домам. Я подъежжаю ближе. Горестныя рыдания поражают слух мой. Что это значит? спросил я извощика.— Они верно почли вас за Исправника, или за Заседателя, ответствовал он хладнокровно. Да разве вы боитесь Исправников, да Заседателей? подхватил я с живостию.— Кого же нам еще так бояться, как не их? Ежели один из нас виноват, он для оправдания своего оклеветывает десятерых, коих всех потащут к ответу; и мы люди как безграмотны, так и робки, от чего нередко сами на себя надеваем кандалы.— Да они по окончании дела невинных оправдают.— Ах сударь, вить часто невинный от робости своей страждет за виновнаго смельчака, и Земской судья не святодух: как же их не бояться.

Разговаривая таким образом, подъехали мы к самому тому месту, где народ, кажется, предуведомленный о нашем прибытии, нарочно собрался и ожидал нас.—Они все униженно кланялись мне, окидывая меня печальными взорами. Сердечная скорбь живо была начертана на лицах их.— Здравствуйте добрые люди! сказал я им, так же кланяясь. Здравствуйте сударь! говорили они сквозь зубов. Вы, кажется мне, что-то печальны? спросил я. Чему батюшка! радоваться, коли Господь послал на нас такую страшную планиду? ответствовал мне один старик. Казалось, он хотел еще что то прибавить, но горестныя всхлипывания попрепятствовали ему говорить более.

Причина грусти их мне была неизвестна; но при виде сего седаго старца, которой от старости и с печали едва

стоял на ногах, насилу мог я остановить в глазах моих слезы, которыя вытекли уже из моего сердца — Бог столько же и милостив, сколько правосуден. Он послал на вас невзгоду, Он же может и отвратить ее, сказал я с сострадательным видом. Вера-та неймется, батюшка! отвечал мне другой старик, у коего глаза покраснели и опухли от слез.— Я прошу у Вас гостеприимства. (Надобно знать, что эта деревня стоит не на большой дороге.) Стар. Милости просим! Но скажи нам, батюшка, как далеко остался барин наш и скоро ли к нам будет? — Я. Я вовсе не знаю, кто таков барин ваш. Следовательно не могу знать и того, как далеко он едет и скоро ли будет.— Так ваша милость кто же? спросил он, несколько поободрясь. Я дал ему в коротких словах знать о себе. Ах! батюшка! как ты нас напужал! вскричал он: мы думали, что ты тот самой, который приедешь к нам с барином нашим. Теперь с нас как гора какая свалилась. Потом, обращаясь к товарищам, продолжал: еще таки, братцы Господь до нас милостив! еще таки хоть денек, хоть часок, хоть минуточку побудем мы вместе с детьми своими, друзьями и братьями.

Я. Как зовут вашего барина?

Ст. Н. М. Я. Вы не знаете его?

Я. Нет! да почему он вам так страшен?

Ст. Да так-то, батюшка! страшен, что как вздумаешь про него, так волосы дыбом становятся. Десять лет, как мы ему достались в руки; десять лет он гнетет нас страшными налогами, десять лет сосет кровь нашу. Работаем и день и ночь — а все на него. Он же последний кусок ото рту отнимает у нас. Да уж добро бы хоть жил он, как люди-то: а то в дому у него собаки нечем выманить. Хошь бы денек когда вздохнули, хоть бы на минуту кручина отвязалась от нас. И не знаем, что такое за радость; поглядим на добрых-то людей, так и Господи тошно! живут, как милой свет — только тешатся. А у нас ложишься плачешь; встаешь — опять за то же.

Я. И при всем том он беден?

Ст. Беден, батюшка! как Ирха*.— Умком-то,

* Под словом Ирха крестьянин вероятно разумел Ира, а может быть и прямо Ирху. В простом наречии очень употребительно выражение гол, как Ирха.

вишь ты, ветрен. — Бегуны, псовая охота — да уж вот больно, картежная та игра сматила его! Проигравшись кругом, до последней нитки, вздумал знать за ум схватиться: хочется, видно, долги-то кое-кому заплатить: так по зиме то пятнадцать человек продал в рекруты. А ныне поднялся на новыя фигли: всех до одного молодых-то ребят перехватал, сковал в железы — да и карауль мы же деток-то своих!

Я. Что же он намерен с ними сделать?

Ст. Продает какому-то фабриканту.

Я. Как зовут этаго фабриканта?

Ст. Не знаем; слышали только, что он живет отсюда тысячи за три верст—там где-то неподалеку от каторги, и держит суконную фабрику. С ним-то барин наш ныне или завтра обещался приехать к нам.

Я. И разлучить вас на всегда с детьми вашими?

Ст. На всегда... на всегда... на веки!

Заговорившись со мной, они, казалось, несколько позабыли горесть свою; но последния слова напомнили им об ней, и она поразила их с большею против прежняго жестокостию.— Они так сильно смутились, что, казалось, были совершенно вне себя.

Дав время несколько поутишиться первому жестокому движению, спросил я их: не можете ли вы как нибудь пособить горю своему?

Ст. Как бы могли, так бы не стали доводить себя до такой напасти!

Я. Не в состоянии ли вы, как говорится, хоть себя урвавши оплатить долги его?

Ст. Мы бы последния с себя рубашки продали, да и головы-то свои закабалили: но все не того коштвует. А хоть бы мы, примером, и заплатили, он через неделю наживет долгов еще больше. Тогда что будешь делать?

Я. По крайней мере вы можете просить его, чтобы он позволил вам самим выбрать для себя господина, которой бы вас купил у него.

Ст. Такой ли у него обычай, батюшка! дастся ли он на подлад: как что задумал, то и будь по его. Мало ли мы просили его и об этом!

Я. Что же он вам сказал?

Ст. Вот что! ваше дело молчать и делать то, что я

приказываю; а я приказываю то, что мне хочется, или сию же минуту палок... плетей!..: Спину мягче брюха сделаю!

Я. Видно он мало знает Бога?

Ст. Какой, батюшка, Бог! он и знать не знает, что за Бог. У меня таки было два сына, молодец молодца чище. Я любовался, глядя на них. А теперь обоих нестало. Одного по зиме продал в рекруты, а другова продает теперь. Жена недавно померла с печали. Да вечная ей память! теперь умирать же бы... А и похоронить-то нечем.— Я остаюсь без всякого призрения — с одной нищетой, безсилием и тоскою. Не токмо что работать, и помиру-то ходить мочи нет. Ах! если бы Господь услышал молитву мою, да прибрал меня поскорее! Говоря слова сии, он устремил взор свой на небо.— Слезы были сопутниками сердечной молитвы его.

Я. Добрый старик! ни одна слеза твоя не пропадет понапрасну: оне со временем все соберутся в один состав, превратятся в пламень и будут пожирать сердце виновника горестей твоих. Ты и теперь нещастлив, но еще в тысячу крат будешь нещастливее, естьли станешь воображать себя нещастным. Бог по испытании твердости твоей, может быть, успокоит старость твою.

Ст. Я желаю, чтобы он успокоил меня в гробе.

Я. А еще бучше, естьли бы он успокоил тебя в блаженной вечности.

Ст. Буди Его святая воля!

Тут спросил я их, где содержатся узники, и могу ли я их видеть.

Ст. Они заперты в трех домах, в каждом по десяти человек.

Я. В трех домах! и в каждом по десяти человек! — Поведите меня скорее к сим нещастным жертвам ветрености господина вашего, чтобы я мог смешать слезы свои с слезами вашими. Иду в сопровождении их в один ближайший дом, который они мне указали. Подхожу — звук цепей, вопли нещастных поражают слух и сердце мое. Слезы стремительно полились из глаз моих. Боже мой! это хозяева, заключенные в собственных домах своих!— Тем ли заслужили они такую горькую участь, что и денно и ночно трудились для доставления продовольствия господину своему? — Отворяю дверь — какое зрелище! Там страж-

дущая мать томится в объятиях сына, и душа ея, кажется, удерживается в бренном теле до тех только пор, когда начнут безутешнаго сына исторгать из объятий ея. Тут трое малюток увиваются около брата своего, который заступал у них место отца и матери. «Родимой ты наш братец! на кого ты нас покидаешь? кто нас будет поить, кормить? без тебя натерпимся мы и холоду, и голоду» умоляли они брата своего, который, взирая на них наполненными слез глазами, тем более, кажется, чувствовал нещастие свое, что оно сделается источником горестей и страдания для оставляемых им сирот. Между тем они не перестают повторять жалобную песнь свою. Какое разительное красноречие! Я закрываю руками лице и опрометью бросаюсь вон, не в силах будучи долее выдерживать скорбь.

Тут представились в памяти моей таковые же точно безчеловечные поступки белых с черными. Как живо прошедшее изображается в настоящем! Это ли человек, сотворенный для человека; это ли человек, поставленный над другими господином для того, чтобы делать их щастливыми? — Нещастный! что должно почувствовать сердце твое, хотя бы оно было жеще самаго камня, при виде тобою ощастливленных!! Пусть сама природа в благородное существо твое влила непреодолимое отвращение к низкорожденным; пускай ты, не умевши, или не могши еще чувствовать того, что существует, научен уже был презирать усердно прислуживающих тебе; пусть самое первое лепетание языка твоего было назвать дядьку своего: малой! пусть первое телесное действие твое было носящей тебя на руках своих изъявить благоволение свое пощечиною: ты не можешь не чувствовать упрызения в душе своей и ужаса в сердце, когда неумолимая смерть в твоем присутствии начнет посекать отцов и матерей, немогущих перенести разлуки с детьми своими; когда увидишь обремененныя оковами руки, кормившия тебя; когда из уст нещастных узников, коих головы так дерзновенно ты ставил на карту, услышишь горькия жалобы к Царю Царей!

Вы, которые поставляете себя в праве называть рабами своими существ подобных вам (я не говорю, придите посмотреть) не поленитесь представить в мыслях своих

сие печальное зрелище. Оно может послужить для вас важнейшим уроком. Вы сами знаете, что не всегда собственныя ваши достоинства, ваши заслуги; но большею частию право рождения, которое вы называете правом благородства, делает вас владельцами людей, которые потому только неблагородны, что вы благородны. Вы знаете... Но я забылся! Прости мне, друг мой! что я сказал несколько слов тоном Нравоучителя. Это говорило сердце мое, до безмерности растроганное горестию при воззрении на сих нещастных. Я умолкну. Но какое вдруг смятение, какой отчаянный крик! Выбегаю на улицу — устрашенные жители бегают в безпамятстве в зад и в перед точно, как на пожаре. «Так, это он! это он! это губитель наш!» повторяют совокупленные голоса. Я устремляю взор свой за деревню и в облаке пыли усматриваю мчащуюся карету. «Так, это он! это их губитель! сказал я, и побежал обратно на двор. Но вообрази радость мою! Догадливый извощик, смекнувши делом, успел заложить лошадей. Сажусь в повозку — и был таков... Прощайте, нещастные жители! Прощай погибающее достояние порочнаго и самому себе злодействующаго человека!!

Письмо III

Пословицы, особливо старинная, всегда везде приемлются за неоспоримыя истины. Подобной подобнаго любит: эта пословица и пословица старинная. Но не подлежит ли она какому либо сомнению, или по крайней мере изключению? Могут ли, на пример, двое скупых богачей жить между собою так же дружелюбно, как живут двое пьяниц? Пьяница любит пьяницу потому, что страсть к пьянству ненавидит в себе самом, и старается извинить себя слабостями себе подобнаго. Напротив, скупец не может не ненавидеть другого скупца потому, что он без меры любит себя за скупость. Так разсуждал я с самим собою, ехавши в деревню к Г. А. с которым

я недавно познакомился, и который, довольно обласкав меня, просил, чтобы я, ежели поеду мимо его деревни, которая лежит не в дальном разстоянии от большой дороги, как можно постарался заехать к нему посмотреть на домашния его заведения.

Время было около обеда по дворянскому счислению, а по деревенским часам солнышко давно с полден своротило. Я дворянин, но не в городе, так должно было сообразоваться и с тем и с другим время изчислением. Это заставило меня предаться другаго рода размышлениям.— Я еду к Г. А. за чем? не знаю! самый вид показывает, что Г. А. по натуре своей великой скряга, да и посторонние люди то же говорят. За чем же я еду? или чтоб с безчестием от него выехать? Г. А. сам просил меня. Так, просил... но он просил только посмотреть на домашния его заведения; а не прибавил и откушать хлеба-соли. Да и кто знает? может быть он просил меня в той надежде, что мне никогда не случится проезжать мимо его деревни.— Следовательно ему было можно звать меня, не подвергаясь опасности видеть меня у себя в доме. Так не лучше ли мне, остановясь в соседней деревне, подкрепить себя пищею, а потом уже и ехать к Г. А. который верно будет мне больше рад, естьли я приеду к нему сытой. Сытаго гостя и скупому хорошо потчивать. Но так ли я должен думать об Г. А. который верно меня ожидает? Ступай далее, далее и еще далее! Наконец я очутился у самых ворот дому Г. А. Тут новое преткновение! Ездят ли к помещикам, которые похожи на Г. А. прямо на двор, или нет? Что за вздор? ступай прямо к крыльцу! На крыльце, которое, кажется, привыкши держать на себе одних скупых, трещало под ногами моими, твердость моя довольно поколебалась. Ходят ли к Г. А. без докладу в дом? Кто знает, может быть он теперь щитает деньги. Пусть будет так, дай взойдем! Вхожу в зал, который не великолепно, но со вкусом убран. Стены облеплены изображениями древних героев: как то мышей, погребающих кота; медведя, пляшущего с козою; быка, сдирающего кожу с мясника и проч. и проч. Из сего заключил я, что Г. А. великой охотник до старинных диковинок. В боковой комнате приметил я стол, накрытый скатертью, которая, казалось, в молодых лет служила мешком, или

веретьями; но за выслугу, а более по причине ветхости своей пожалована в скатерти. Вдруг является глазам моим главнейшее украшение дому, сам Г. А. в таком наряде, в котором он вдруг походил на всех героев, изображенных на стенах дому его. А! это вы... Благодарю, что пожаловали. Я очень рад, что вижу вас у себя в доме. Сим пышным приветствием огорошил меня Г. А. при первой встрече. По прошествии нескольких минут, проведенных нами в одних почти ничего нестоящих комплиментах, Г. А. сказал мне: «говорить мы после можем. Вы человек дорожной: надобно вам подкрепить себя пищею. Стол накрыт, кушанье поставлено. Милости прошу! —».

У скупых богачей водится то же, что и у нищих. Хоть не рад, да готов. Что есть, то вместе; чего нет, то делят пополам. Последние по нужде, а первые из предосторожности для всяких непредвиденных случаев, как-то, чтобы не нанес Бог нечаяннаго гостя, всегда готовят к столу очень мало кушаньев и числом и количеством.

Я исполнил прозьбу Г. А. без всяких отговорок. С ними сел еще человек, которого не знал я ни имяни, ни чина; однакож можно было догадываться, что он из числа ходячих монет, потому что весьма ветх и одеянием и летами. Он видя за столом у Г. А. незнакомаго ему человека, кажется удивлялся столько же, сколько житель Аравии, видя появление прекрасного феникса, котораго и на свете нет. Признаться, я и сам после не менее его удивлялся, что имел честь кушать у Г. А. который, как я слыхал, и с себя самого за каждый обед и ужин берет по известному количеству денег, смотря по тому, сколько Бог поможет ему скушать; кладет их в особенной сундук, и по прошествии года сверив приход с расходом, полученный барыш берет себе в заем по пятнадцати процентов. Таким образом деньги у Г. А. не лежат без употребления!

Обед состоял в пустых щах, гречневой каше и ржаном пироге с морковью. Это еще роскошный обед! Я не столько ел, сколько любовался, глядя на хозяина и незнакомого мне гостя, которые так прилежно хлебали щи, что выступивший на лицах их пот капал к ним в тарелки. У скупых и пот даром не пропадает!

По окончании стола вошли мы в другую комнату и подсели к маленькому столику, на котором поставлен был десерт, состоящий из репы, моркови и загнивших яблок, изрезанных в самомалейшие кусочки.— Г. А. позвал лакея и приказал ему подать нам по стакану б р а ш к и.— Взявши стакан, я прихлебнул, поморщился и принужден был сказать, что я совсем не пью пива. Этот стакан вылить на бешеную собаку и та облезет, сказал я сам в себе.

Тут Г. А. начал мне рекомендовать собеседника своего, которого я доселе не знал. «Это, милостивый государь! старинной мой дядька, человек доброй, умной, любезной! Он воспитал меня и двух дочерей моих. Могу сказать, воспитание дал знатное! Я одолжен ему многими заведениями по части хозяйственной; а всего более обязан ему тем, что он навсегда выгнал из дому моего чай и кофе. Чай и кофе, прибавил он, нужно держать там, где есть девушки невесты, для приманки женихов, а у нас, благодаря Бога! их нет; так в воскресной день для праздника можно выпить и стакан сивухи. «Он еще много кое чего говорил в похвалу дядьки своего, и я начинал уже дремать. Но вдруг отворяется дверь, входит человек, сущая вывеска времен старинных: сертук его, казалось, был сшит из одних дыр, которыя по местам были соединены между собою маленькими суконными лоскутками. Короче сказать, сам он и все, что на нем ни было, являло вид совершенной бедности. Но вот странное дело: в первой раз в жизни моей при виде бедности не почувствовал я сожаления, толико свойственнаго душам чувствительным; это верно от того произошло, что мысль о бедности не взошла мне и в голову, хотя она пред глазами моими изображалась в самых разительнейших чертах. Сам не знаю, почему мне вспало на ум, что это сама скупость странствует на земли во образе человека и я нетерпеливо ожидал, что выдет наконец из сего незнакомца которой походил более на ростовщика, нежели на человека.

Г. А. при виде его встал с своего места, подошел к нему с распростертыми объятиями и вскричал как можно громче: здравствуй любезный друг! здоровенько ли поживаешь? — Здоров, слава Богу! но какая смертельная досада! Что такое? Незнакомец не отвечал ни слова, хо-

дил в зад и в перед по комнате, кусал губы, ломал пальцы и безпрестанно изменялся в лице: синел, бледнел, багровел; наконец, подобно грозной туче, которая чем долее собирается, тем более издает громовых ударов, изрыгнул страшные проклятия на судей, секретарей и вообще на весь приказной род. Не трудно было догадаться, что он приехал из города, куда без сомнения призывало его какое нибудь тяжебное дело. А! понимаю! подхватил Г. А. видно в город ездить не шутка? — Какая шутка! точнехонько как в ад; что ни привези туда, все згинет! ответствовал незнакомец с видом, изъявляющим досаду, гнев, тоску и все, что только может чувствовать скупец, у котораго в свежей памяти находятся секретари и повытчики.

Видеть скупаго богача, отдающего отчет самому себе в собственных издержках в присутствии самого кошелька, который, прижимаясь к груди его, кажется, грызет сердце его всеминутным напоминанием о маленьком своем истощении — и внутренно не смеяться столько же почти невозможно, как видеть Тантала, силящагося запекшимися устами достать воды, которая по мере приближения его удаляется от него, и не почувствовать сожаления.

Тут Г. А. начал рекомендовать меня как можно лучше сему незнакомцу, приятелю своему.— Но он совсем не слушал слов его. Мысли его, казалось, пригвождены были к любезным денежкам, и с ними вместе в городе летали по трактирам. Наконец несколько опомнясь, начал благодарить Г. А. что он рекомендует ему человека, котораго он не знает, но котораго желает знать. Вы верно имеете какое нибудь спорное дело, спросил я его по обыкновенных изъяснениях? Вы не ошиблись, милостивый государь! ответствовал он. И верно вас обидели несправедливым решением? Совсем нет! М. Г. решение зделано весьма справедливо, потому что в мою пользу. Дело состояло в том: один помещик, по матери двоюродной брат двоюродному же брату моему, был мне должен и умер не заплатя долгу. Имение его состояло из дватцати десятин пахатной земли и пятнатцати десятин строеваго лесу. По праву родства и заимодавца я вступил в сие имение. Наследники хотели у меня оспорить. Дело тя-

нулось более двух лет. Наконец я выиграл. Ты выиграл! подхватил Г. А. с живостью. Ай брат! вот люблю! Что же детям осталось? Об детях тужить нечего: будут умны, так наживут и денег; а теперь они люди молодые, неопытные. Им ли хорошенько владеть землей и лесом? Г. А. Когда ты с выигрышем, то для чего так много сердиться? — Он. Для чего сердиться? хлопоты-то, трата-то, любезный друг! я вот об чем толкую! — Г. А. Не думаю, чтоб трата твоя была велика. Он Твоя правда! но ежели все то, что я истратил и чего с меня просили, сложить в одну суму, так ой! ой!... ой!.. кричал он, колотя себя в голову. То, чего вы не истратили, осталось у вас, сказал я. Ах! естьли бы вы знали, сколько я перенес ругательств и язвительных насмешек от безсовестных подьячих, которые никакого слова не спустят без того, чтобы не попросить по крайней мере гривны опохмелиться. А они каждую минуту и пьяны и вместе с похмелья!

Бедные судьи! думал я сам с собою: пройдет ли хотя один день, в которой бы не ругал вас кто нибудь — и за дело! между тем есть и такие люди, которые злословят вас же безвинно!

Г. А. взявши за руку своего приятеля, сказал ему: сделай милость брат! полно безпокоиться! Ну! разве не знаешь, как пособить этому горю? накинул на крестьян: вот и все дело с концом!

Он. Я это мог бы и без того зделать. А что истрачено, того никак не ворогить.

Г. А. Брось все, да пойдем ка лучше в сад погуляем. Авось горе пройдет!

Между тем я приметил, что Г. А. слушал жалобы друга своего с некоторым удовольствием, которое живо обнаруживалось на лице его. Дружество скупых есть дело весьма странное, и несообразное с законами естества. Между великими добродетельными людьми оно обыкновенно основано бывает на взаимном почтении; а между скупыми, кажется мне, на зависти. И поелику они любят друг в друге одно богатство, которое им не принадлежит, то один из них всегда чувствует какую-то странную радость, когда другой подвергается какой-нибудь трате и вместе сожалеет о том, что истрачено. Сим средством

сохраняют они дружество, или по крайней мере предохраняют себя от взаимной друг к другу ненависти.

Походя несколько времяни в саду, в котором так же, как и в доме, не было ничего особенного, кроме Г. А. и его двух друзей, мы вышли в поле и обошли кругом деревню. Она довольно велика. Но развалившияся хижины, похожия более на клевы, нежели на домы, весьма ясно доказывали, что скупой богач столько же тягостен для человеческаго рода, а еще более для крестьян своих, как и мот. В разных местах попадалось нам на встречу по нескольку человек поселян, шедших на господскую работу. Все они покрыты были раздранными рубищами. Некоторые из них, проходя мимо нас, бросали презрительные взгляды на Г. А., а другие тяжелыми вздохами изъявляли сердечную скорбь, каковую причиняют им всегдашние труды, которые столько же для них безполезны, сколько и тягостны. Это верно крестьяне ваши? спросил я наконец Г. А. Мои крестьяне! ответствовал он с важным властелинским видом. Сколько у вас всего душ? Очень немного, всего на всего мужеска полу не более 760 душ, да за двумя дочерьми отдано в приданое 250 душ. Ныне настали времена ни на что не похожия, прибавил он: без детей горе, а с детьми и вдвое. Вспой, вкорми, да приготовь богатое приданое; а без того и человек не человек! Бывало... Тут пустился он разсказывать о старине, читать длинные панегирики всем почивающим в Бозе откупщикам, ростовщикам и всякому скряге, весьма часто повторяя изречение: скупость не глупость.

Отчаявшись прислушать все скучные разсказы его, я напомянул ему, что мне время уже разстаться с ними. Жаль, дорогой гость! что ты так скоро оставляешь нас! сказал Г. А. но я не удерживаю вас. Впрочем надеясь, что вы не откажите мне в одной маленькой прозьбе. Мне хочется, чтобы вы заехали к моему зятю. Я старался отговориться тем, что не знаю дороги; но Г. А. тотчас нашел средство опровергнуть сие возражение. Мне надобно кое об чем переговорить с зятем: таким образом Дорофеичь (так назывался дядька, камердинер, великой економ и друг Г. А.) будет вашим путеводителем. Вы увидите, что дочь моя, хотя она воспитана и в деревне, мо-

жет показаться не дурой и в городе. Приметь, друг мой! честолюбие находит для себя место и в таком сердце, из котораго скупость выгнала всякое другое чувствие. Я имел неосторожность похвалить в некоторых случаях Г. А. и хотя он весьма того не заслуживал, однакож похвалы принимал не иначе, как должную дань совершенствам его. Далее вообразил он, что дочери его и Дорофеичь суть такие люди, на которых должно взирать с почтением и удивлением. Делать нечего! я принужден был согласиться. Г. А. проводил меня со всеми знаками дружества. Ветхой Дорофеичь в ветхом сертуке, на ветхом коне едет передо мною, я за ним. Что случится вперед, не знаю. Прости!

Письмо IV

С помощию знаменитаго проводника приехал я наконец в дом, толико выхваляемый Г. А. В самом деле, касательно наружности и местоположения, он представлял вид довольно изрядный, ежели бы только не обезображивали его обветшалыя и почти развалившияся клетушки, разбросанныя около его без всякаго порядка. За неимением ограды делали они многие въезды на господской двор.— Однако Дорофеичь, вероятно для того, чтобы показаться как можно важнее, вздумал въехать в парадные ворота, которых впрочем не было. Две насупротив стоящия клетушки и плетень с отвалившимися воротцами составляли все великолепие парадных ворот. Хозяин дому, зять Г. А. господин Безпорядков, видя въезжающую на двор его коляску в сопровождении почтеннаго Дорофеича, соблюл всю вежливость встретить незнакомаго ему и неожиданнаго гостя. Он, может быть этого и не зделал бы, ежели бы я приехал без Дорофеича, чрез котораго он, как можно думать, старается снискать благосклонность тестя своего. Дорофеичь, взошедши на крыльцо, начал потягиваться и зе-

вать. Между тем Г. Безпорядков всячески извинялся предо мною, что заторопившись встретить нас, не успел надеть сертука и вышел в том, в чем был. А он был в изорванном и разными лоскутьями заплаченном халате. Я с своей стороны также сделал ему учтивое приветствие, и по приглашению его пошел за ним в покои, которые мне при входе показались совсем не тем, так что ежели бы я находился тогда не с самым хозяином, истинно бы подумал, что ошибкою попал в нужное место. Это была передняя, из которой введен я был в лакейскую, потом в столовую, наконец в гостиную. Во всех сих комнатах такая была чистота и благоухание, что я ничего не могу вообразить отвратительнее и гаже. Щеголь, привыкший опрыскиваться модными благовонными духами, будучи на моем месте, непременно упал бы в обморок; но я, благодаря крепости сложения моего, почувствовал только небольшое кружение в голове и тошноту: но как скоро подсел к окошку, которое по щастию было открыто, то в ту же минуту все миновалось. Не будучи искусным Химиком, и не имея при себе орудий, посредством которых можно бы было сей скаредный запах разрешить на составные его части, и таким образом узнать причины, произведшия его, я долго не мог догадаться, от чего он происходит. Наконец приметил, что он с сильным стремлением, как из какой нибудь трубы, выходит из боковой комнаты, в которой на полу, на стульях, на окнах и на столах сидели разнородныя мелкия животныя, как-то: моськи, шавки, дымчатыя, черныя и шахматныя кошки, до которых жена Г. Безпорядкова страстная охотница.

Г. Безпорядков довольно времяни смотря на меня весьма пристально, и как будто бы желая нечто сказать, морщился, кусал губы, и тем давал мне знать, что не находит материи к начатию разговора. Почему я принужденным себя нашел прервать молчание и освободить его от мучения ломать голову над безуспешным изобретением слов и мыслей. Сколько тому времени, как вы женаты? спросил я его. Уж — два — года, ответствовал он с видом, изъявляющим неудовольствие, и почесавши затылок. В добром ли здоровье фамилия ваша? — «Безпорядков» отвечал он сквозь зубов. Признаюсь, много стоило мне труда удержаться от смеха, слы-

ша ответ, совсем не соответствующий вопросу моему; но представя, что он или не вслушался в мой вопрос, или неизвестен о двусмысленности слова: фамилия, употребил я все силы, чтобы вторично сделать ему тот же самый вопрос, только что другими словами. Здорова ли супруга ваша? спросил я его, повыся несколько голос. З д о - р о — в а. Говоря слово сие, он весьма крепко царапал затылок свой, морщил от неудовольствия лоб и кривлял во все стороны рот. По сим двум ответам можно судить об уме его и о согласии с женою.

Спустя несколько минут, проведенных нами в глубоком молчании, он собравшись с мыслями, или лучше, сделавшись несколько посмелее от того, что сказал уже несколько слов, вздумал учинить и мне в свою очередь вопрос, вероятно предположив, что скажет умно и замысловато. Какая ныне у вас в столице мода? спросил он с любопытством и вытаращив на меня глаза. Я должен был собрать все свои силы, чтобы не захохотать, видя его в сем положении; однако, благодаря крепости своей, удержался и имел столько духу, что мог сказать ему, дабы он изволил наименовать тот предмет, котораго желает знать моду. Не желая более любопытствовать, он перестал спрашивать меня о моде; а сказать правду, он вовсе не понимал, что значит мода.

Между тем из боковой комнаты выходит женщина росту высокаго и столь дородная, что в дверях, которые для ее проходу обе были растворены, принуждена была побочиться, дабы без помехи пройти. Это славная хозяйка дому, жена Г. Безпорядкова, дочь Г. А. воспитанница Дорофеичева, достойная быть украшением большаго света; а с ней и вся великолепная свита ея, то есть, скаредный запах, множество мосек, шавок и кошек. Черты лица ея являли страшную и самую гнусную каррикатуру. Сверх того казалось, что она умывается не более одного разу в год: ибо на лбу и на щеках у нее так много было сажи и грязи, что за неимением труту можно к лицу ея присекать огонь. Ногти на руках ее отрощены на Китайский манер и столь толсты, что она ими в состоянии, кажется, вырыть из земли прадеда своего. Одежда ея состояла в исподнице, разлезшейся до половины в лоскутья; поверх ея накинута старая чернобурая тафтяная

мантилия, из-под которой выглядывала весьма зачерненная толстаго холста рубаха. Туфли, которых я и описать не могу, надеты были на босую ногу. А ноги так были замараны, что естьли бы я не столь пристально все разсматривал, то верно бы подумал, что на них надеты чулки грязнова цвету. На голове у нее не было ничего. Кажется мне, волосы ея столько же времени были не чесаны, сколько не мыто лице; и ежели бы их на несколько времени положить в Аптекарские тиски, то верно бы можно было из них нажать целую глубокую тарелку жиру: столько напитаны они коровьим маслом, которое от поту и нечистоты даже протухло!

При входе сей почтенной дамы вскочил я с своего места, дабы отдать ей должное почтение; на что ответствовала она мне одним почти неприметным наклонением головы, и не сказав ни слова, села подле меня на обветшалой старинной и разными желтыми пятнами измаранной софе. Посидев несколько времени в молчании, и осмотрев меня с ног до головы, учинила мне следующий вопрос: «каковы у вас льны?» Я принужден был сказать ей, что воспитан будучи в городе, и никогда почти из оного не выезжая, очень мало знаю те произведения, которыя в великом количестве разводят сельские жители для собственной и городских жителей пользы, и как можно старался извиниться, что не могу дать ей на сей вопрос удовлетворительнаго ответа, представляя во оправдание свое то, что у нас в М. льну вовсе не сеют. Не много помолчав, она весьма тяжело вздохнула и объявила мне о своем нещастии, которое состояло в том, что ныне п ы р к а м ея не год. Не зная, что такое пырки, я просил ее, чтобы она слово сие мне истолковала. Гордясь обширными сведениями о слове пырка сказала она с язвительною усмешкою: вы господа щеголи привыкли называть всякую вещь по моде; пырята по нашему значат индейские цыплята. Не столько желая угодить сей даме, сколько избавиться от дальнейших ея насмешек, обратил я речь свою на находящиеся пред глазами предметы, а имянно, на ее собачек и кошек. Однако не рад был, что и начал; ибо каждая собачонка и кошка имела, по мнению ея, нечто достойное замечания. Сего не довольно, она перебрала даже и предков своих кошек. Сей

важный разговор в похвалу кошек и собак продолжался не менее двух часов. Я думаю, что ему не было бы и конца, ежели бы муж ея, по моему щастию, а по его нещастию не взошел к нам переодевшись в сертук, коего сукна я никак более двух рублей ценить не мог. Лишь только она его увидела в сем наряде, тотчас побледнев с досады, закричала: «ах батька! к какой стате надел ты праздничной свой сертук? Я ведь не подрядилась всякой год шить тебе новой. Дорогой наш гость не прогневался бы на тебя, естьли бы ты просидел и в халате. Ты видишь, что я тебя богатее, да вот как одета. А ты будучи человек бедной, из какого доходу вздумал так щеголять? Нет! Нет! я не для того вышла за тебя за муж, чтоб на твои прихоти проживать свое имение.» Муж ея, не знаю, стыда ли ради, или от страха не отвечал ей ни полуслова и стоял как вкопаной. При всем том она не переставала делать ему грозные выговоры за столь маловажный проступок. Предвидя, что им конец еще весьма далек, начал было я помышлять об отъезде из дому столь благовоспитанных людей и приказал подавать лошадей; но бранливая наша барыня, вспомнив тогда, что меня ничем еще не поподчивала, упросила меня дождаться хоть чаю; на что я, опасаясь нарушить правила благопристойности, должен был согласиться. После сего, как бы в оправдание свое, или лучше сказать желая выказать мнимое свое пред мужем своим преимущество, начала мне говорить следующее: «Государь мой! посудите сами: человек сей (указывая на мужа), котораго я вывела в люди, вместо благодарности, всякой час меня бесит; это еще что вы видите, что не во время вздумал щеголять в праздничном сертуке; он не одного дня не пропустит без калача, которые ему в запас возят из города, да и то от меня украдкою; притом же без водки за стол не сядет; еще чтоб была слащеная, точно как Граф какой нибудь. — У меня батюшка имеет во владении своем около осьми сот душ и бездну денег, да и тот не гнушается сивушки. А он (с презрением взглянувши на мужа) от какого достатку вздумал так пировать? Он таким образом скоро протранжирит и все мое имение и пустит наследников по миру.» Я хотел было вмешаться в их дело и учинить ей некоторыя представления в пользу бед-

наго мужа, котороый мне стал уже жалок; но он, видно вышед из терпения, меня, хоть не удачно, предупредил сими словами: «позвольте, государыня моя! спросить вас, в чьем вы изволите жить доме?» Тут я подумал, что она непременно вцепится ему в волосы. Откуда взялась легкость! как молния соскочила с своего места, затряслась как осиновый лист, подскочила ко мне и начала представлять все недостатки мужа своего. Вот, государь мой! говорила она прерывающимся голосом, чем он нашел упрекнуть меня! У него нет ни одной души. Всего на всего была одна тысяча рублей, и те до последней полушки посадил в этот дом. Вздумавши за меня свататься, знал он, что родитель мой никак не согласится выдать детища своего за бездомка. Потому выстроил огромной дом, чтобы мы почли его за денежнаго человека. Он же притворился тогда тихим и смирным. Сим самым удалось ему обольстить батюшку и згубить мою головушку. Мы думали, что он всегда таков будет, а теперь не дает выговорить и слова. И такая проклятая голь вздумала еще прихотничать, да проживать то, чем благословил меня родитель мой! Нет, друг мой! прибавила она оборотясь к мужу, батюшка еще не ведает о твоих шашнях. Дай ко ему приехать. Он уймет тебя не по моему и докажет тебе, кто ты и кто я? замучит!... Она бы верно продолжала свою журбу до полуночи, ежели бы не подали чай. Она тотчас приняла спокойный вид, как будто бы ничего не было (так женщины умеют притворяться и скрывать злость свою) и начала предо мною извиняться, что на сей случай недостало в доме у них сахару, и чтоб я не прогневался пить с медом. Я выпил чашку другую, вздумал было просить третьей; однако дело обошлось и без того. Хозяйка, видно с досады на мужа своего, которой в питье чаю не столь был проворен, как я, ибо он тогда, как я потребовал третью, окончил только еще первую, и по примеру моему не накрыл чашку, захотев другой, приметя сие журливая его жена, вдруг закричала на него: «ах батька! с ума штоли ты сошол? давно ли ты обедал и опять уже проголодался! Кто пьет чаю более одной чашки? им жажду на запьешь. А хлеба с квасом у нас, благодаря Бога, в доме довольно. Чай нездоров; а ты и без того тщедушен! Да правду матку

сказать и медок у нас весь, а нового еще не наломали.»

Вот, друг мой! что значит злая женщина! Видя, что делать мне более нечего, а слушать и того менее, простился я с сею благословенною четою и сколько можно поспешил отправиться в путь, что бы в первом селении, стоящем на одной дороге, которою я от них поехал, хошь хорошею яишенкою утолить голод свой, который, признаюсь, чувствительно начинал меня безпокоить.

Письмо V

Любезный друг! судьба как бы нарочно водит меня в путешествии моем большею частию по таким местам, где вижу я одно развращение человеческое, высказывающееся в различных видах. Там видел и двух жестокосердных владельцев, мучащих крестьян своих страшными налогами; там глупаго, но жалкаго мужа, страждущаго от безобразной и вместе злой жены своей. Здесь ... здесь, что я видел ... ты скоро узнаешь.

Принужден будучи ранее обыкновеннаго остановиться на ночлег в одном сельце по причине отдаленности его от другаго селения, чрез которое мне надлежало ехать, и в которое ближе полуночи поспеть никак было не можно, вознамерился было я, подражая ученым людям, запереться в отведенную мне комнату не с тем, чтобы на досуге предаться важным каким либо размышлениям, а чтобы успокоиться от понесенных мною в дороге трудов; но и этаго сделать не удалось. Прекрасный тихий вечер, приятное местоположение возбудили во мне желание вытти на свежий воздух. Ты знаешь, как сильны желания в путешественниках! Я вышел в намерении пройтись по излучистому бережку маленькой речьки, протекающей близь самаго селения по испещренной цветами долине. Едва спустился я с небольшаго пригорка в сию прекрасную равнину, как увидел идущих мне на встречу несколько молодых людей, одетых по дворянски. Я хотел своро-

тить от них в сторону; но один из них, который несколько постарее был прочих летами, подошел ко мне и со всевозможною учтивостию спросил, кто я таков, откуда и каким образом очутился в поместьях его? На все сии вопросы отвечал я ему как можно короче. Между тем и прочие его товарищи, которые как бы нарочно от него отстали, подошли к нам и начали осыпать меня ласковыми приветствиями. Я отвечал им так же. Между молодыми людьми знакомство никогда не откладывается в дальний ящик. Мы тотчас зделались между собою приятелями — и приятелями (сказать языком большаго света) искренними.

Г. Безчестов (так назывался помещик сей) начал просить меня, чтобы я зделал ему честь посещением своим и переночевал бы в его доме, от котораго мы были не в дальном разстоянии. Желание быть в веселом обществе молодых людей побудило меня склониться на его прозьбу. Ни мало не мешкав пошли мы в дом его. При самом входе встретила нас молодая, пригожая и весьма чисто одетая девица, которую Г. Безчестов рекомендовал мне за родную свою племянницу. Зделав ей учтивое приветствие, пошел я вместе с прочими во внутренность покоев, где все было в наилучшем порядке и отменном вкусе. Весь вечер прошел в приятных разговорах и благопристойных веселостях.

На другой день Г. Безчестов снова начал просить меня, чтобы я остался у него отобедать вместе с его приятелями; на что я очень охотно согласился, ни мало не помышляя о том, чтобы могло случиться со мною в доме его что либо неприятное.

Между тем пришли доложить хозяину о приезде одного купца с разными товарами. Г. Безчестов приказав его впустить, выбрал для себя по вкусу своему лучшие вещи, какие только у него были, и не малое время торговавшись, согласились наконец с обеих сторон на осьми стах рублях.

После сего Г. Безчестов приказал купцу, оставя отобранные товары, идти обедать к управителю своему, а потом опять явиться для получения денег. Купец, как должно поблагодаря хозяина за оказанную его милость, пошел в назначенное место. Между тем Г. Безчестов при-

казал управителю своему подпоить хорошенько новаго гостя и уложить спать. Уверен будучи в чести Г. Безчестова, и думая, что он намерен состроить над купцом какую нибудь забавную, но безобидную шутку, я был спокоен и весел наряду с прочими, как прежде обеда, так и за столом.

Как скоро окончился стол, то взошел к нам один лакей и с коварною улыбкою шепнул нечто на ухо Г. Безчестову. Как! возможно ли? вскричал грозным голосом Г. Безчестов, и дав нам знак за собою следовать, побежал из покоев, дрожа от ярости. Не зная, что такое делалось в доме Г. Безчестова, я следовал за ним, а за мной и все прочие. Пробегаем двор. Г. Безчестов останавливается у одной избы, стучит в дверь; но дверь не отворяется. На крик его сбегаются люди, ломают дверь — и крепость запора уступает усилиям. Мы входим — какое зрелище! племянница Г. Безчестова мечется в замешательстве из угла в угол.

Между тем пробужденный необычайным стуком купец, протирал глаза и, кажется, удивлялся нашему приходу столько же, сколько и мы, видя его в сем странном положении.

Г. Безчестов, схватя за руку племянницу свою, закричал на нее как разъяренный лев: негодница! так ли ты употребляешь во зло любовь мою к тебе и доверенность? Возьмите! (сказал он бывшим тут людям) отведите ее в ея комнату и никуда ни на минуту не выпускайте без моего приказу. Она хотела упасть в обморок; но ее до того не допустили. Проходя мимо меня, она шепнула на ухо одному из приятелей Г. Безчестова: «хорошо ли я сыграла свою роль?» Тут приметил я, с какими людьми имею дело, и тысячекратно проклинал себя, что давно не уехал из сего проклятаго дому. Тут Г. Безчестов изрыгнул ужаснейшия ругательства на купца. Ты, подлая душа! сказал он, ты как осмелился нарушать правила гостеприимства и осквернить мой дом? Трепещи нещастной! ты не избежишь моего мщения, ужаснейшаго мщения!...

Купец, несколько пришедши в себя, сказал ему слабым голосом: «милостивый государь! позвольте спросить, за что вы будете мне мстить? «Как, бездельник! и ты не знаешь за что?... Я тебе дам знать! — Куп. Я не-

сколько догадываюсь, что заставляет вас так сильно гневаться на меня; но клянусь вам всем, что есть свято, я ни душой, ни телом не виноват! Я и не видал вашей племянницы, не только...— Боже мой! он и не видел племянницы! подхватил Г. Безчестов с злобною усмешкою. Куп. Точно не видал, и смею вас уверить, что это ничто иное есть, как один подъиск племянницы вашей над моею честию. «Как? мерзкая тварь! вскричал Г. Безчестов, задыхаясь от ярости: обезчестивши дом мой, ты смеешь еще опорачивать и мою честь делая меня участником подлаго своего проступка, и в присутствии сих честных людей. Вы видите, государи мои! продолжал он, оборотясь к нам, какая учинена мне обида. «Видим! вскричали в один голос приятели его, и желаем мщения.»

Купец, видя себя подверженным неминуемой опасности, испрашивал пощады и доказывал всеми клятвами невинность. «Ты и по сие время не признаешься в гнусном своем преступлении! — Людям, отправляющим ремесло твое, сродно таковое безсовестие. Но я хлопотать с тобой не буду. Завтрашний день ты будешь представлен пред лице правосудия. Там узнаешь ты, сколь велико твое злодеяние и какое ты должен понести за него наказание. Сию минуту закуйте его в железы и отведите под строжайший караул. Куп. Боже мой! тебе известны не только дела, но и помышления человеческие. Ты видишь, что я невинен. Но что скажут обо мне друзья мои и родственники; что должна почувствовать верная, любезная супруга моя?—»

Г. Безчестов, слыша слова сии, показал какое-то адское удовольствие на лице своем и грозным голосом закричал на людей своих: «что вы медлите? сказано — сию минуту!» — Сию минуту берут нещастнаго купца под руки, и не смотря на его горькия жалобы, уводят.

Г. Безчестов, оставшись с нами наедине, начал говорить нам, смеяся во все горло: «понравилась ли вам, государи мои! комедия, которую я сыграл?» Не уже ли это подлинно шутка? сказал я с чувством сердечной радости. Не уже ли вы могли подумать, что племянница моя в самом деле дойдет до такой подлости? отвечал он с важным видом. О! я очень уверен в чести племянницы вашей — но... позвольте сказать, шутка сия, кажется мне,

слишком далеко простерта, сказал я, будучи в замешательстве. Слишком далеко? подхватил он: нет, это еще одно начало.

Я был в нерешимости, оставить ли мне в ту же минуту дом Г. Безчестова, или дождаться окончания сей странной для меня комедии. Г. Безчестов казался мне в одно и тоже время и подлым и благородным. Но сия нерешимость моя стоила мне многаго сожаления. Приходит управитель и доносит господину своему, господину Безчестову, следующее: «купец хотя и теперь не признается в преступлении своем, однако, будучи устрашен нашими угрозами и узнавши о вашем родстве с воеводою, просит, не льзя ли как нибудь «помириться». Безч. А! помириться... да на каких условиях?—Упр. на... На деньгах?.. подхватил Г. Безчестов. Хорошо! скажи ему, что я согласен, только чтобы он поступился отобранными у него товарами, да еще внес бы пять сот рублей денег. Естьли же не согласится, то завтра как свет отвезен будет в город. — Чтобы все было готово; наряди подводы.

Управитель ушел и через несколько минут возвратился назад. Что сказал тебе купец? спросил его Г. Безчестов. Я не мог получить от него никакого ответа, отвечал он. Безч. Почему так? Упр. Он плачет, как малой ребенок, и не может выговорить ни слова. Ладно! вскричал Безчестов, ударив в ладоши. Того-то мне и хотелось. Как я рад такой трусости его! Готовы ли подводы? Упр. Готовы, сударь! — Безч. Поди же скажи, что я сию же минуту повезу его в город. Он скорее образумится.

В самом деле, купец, видя сии ужасныя приготовления, и зная строгий суд воеводы, начал просить управителя, чтобы доложил господину своему, не согласится ли он взять одни товары, а от платежа наличных денег уволить его. Управитель о сем донес Безчестову. И сей, по прозьбе друзей своих, согласился на сие требование. Только возьми с него росписку, сказал он управителю, что за взятые у него товары получил он от тебя все восемь сот рублей сполна.

Когда предложена была ему бумага, он по словам управителя многократно брал перо в руки и с ужасом бросал его. Наконец, видя приготовленные подводы и служителей, шедших взять его, подобно честному отцу

Гиларию подписал безчеловечное обязательство. Когда же даровали ему свободу, он тотчас сел на лошадь и ускакал с глаз долой.

По делам вору и мука! сказал Г. Безчестов: впредь будет осторожнее, не станет так много пить. Надобно уметь пользоваться обстоятельствами, государи мои! прибавил он, оборотясь к нам. Щастие иногда нас ищет; но мы сами от него удаляемся. На пример, ежели бы я не обратил в свою пользу сего случая, должен бы был заплатить за товары деньги, а теперь они достались мне так. А чего стоит потерять честь, милостивый государь! сказал я с досадою. Потерять честь? подхватил он: да разве вы думаете, что поступок мой безчестен. Я. Так, что ничего безчестнее быть не может. Он. Скажите, что находите вы в нем худаго? Я. Ограбить ближнего и употребить к тому самыя подлейшия средства!... Ограбить ближняго? подхватил он с язвительною усмешкою: неопытной молодой человек! видно ты учился у одной бабушки своей как жить в свете. Уметь искусным образом достать чужое имение не значить ограбить. Посмотри сам, как неосновательно суждение твое. Тут взошла к нам племянница его, и все начали надо мною смеяться. Я схватил шляпу, побежал вон, и пришедши на свою квартиру, велел как можно поскорее заложить лошадей. В одну минуту приказ мой был исполнен. Я сел и удалился от сего вертепа злодейств. О существа, человеками именуемыя! для того ли в отличие пред прочими животными дан вам разум, чтобы с помощию его лучше и удобнее могли вредить друг другу? Для того ли вы знаете добродетель, чтобы употреблять ее средством к обольщению других. Во всей природе нет ни одного животнаго, столь хитраго и злобнаго, как вы. Безопаснее можно идти на плачь геенны, нежели на ваши ласковыя приглашения. Но для чего мне говорить вообще о всех людях? Я и сам человек. Довольно, друг мой, знать: ежели кто почтет честным Безчестова, тот верно обманется. А Безчестовых фамилия так древна и велика, что от самаго начала мира всех стран ученые перещитывают их, но не могут сощитать, да и до скончания мира не сощитают. Видно пословица справедлива: чем свет начался, тем и скончается.

Письмо VI

Третьяго дня прибыл я в здешний город и остановился в доме у известнаго тебе Г. Вральмана. Он живет здесь более года и располагается остаться на всегда. В иных местах Вральманы большею частию отправляют должность трубочистов; а здесь они в большой чести. Нашего Вральмана не узнаешь с природным Руским дворянином. Я заметил, что его очень многие любят и почитают за человека весьма разумнаго. Заморская и грязь дорога. Здешние жители точно как подпиской обязаны почитать за истинну все то, что ни соврет Г. Вральман.

Вчерашняго дня было у него собрание, состоящее из многих известных ему особ. Я также был приглашен. Г. Вральман, зделавши гостям самое сухое приветствие, каковое обыкновенно делают Немцы-лекари и прочие иностранные нахлебники хозяевам своим, Руским, начал говорить о своих подвигах, которые доказывают великие его дарования. Он разсказывал о таких произшествиях, которыя столько же не заслуживают вероятия, сколько верили им гости его. Я не буду изчислять враки его; скажу только, что он все, что ни говорил, врал. В каких летописях найдешь ты, что за несколько лет пред сим в таком-то городе был Городничим Г. Вральман? Да пусть этому можно и поверить, что Вральманы могут быть и бывали Городничими; но наш Вральман верно не бывал: а он уверяет, что был и доказывает сие следующим произшествием: «Я был в городе N Городничим, сказал он: (неоспоримое доказательство!) Земской исправник сообщил мне, что разбойники, которых в этом округе было очень много, и которых он отыскивал, по словам многих заслуживающих вероятие людей, укрываются в самом городе. Я тотчас послал шпионов разведать об этом деле. Они вскоре донесли мне, что некоторые люди, подозрительнаго виду, собравшись в немалом количестве, пошли из города к местечку Б. Я догадался, что это те самые люди, которых велено преследовать, и будучи тогда молод, жив, проворен и весьма силен, при-

казал заложить беговые санки, и не смотря на трескучий мороз, в холодном сертуке, без всякой команды, пустился за ними в след». Это ни мало неудивительно, что он пустился; но вот что чудно! — «Едва я отъехал от города версты четыре, продолжал он, вдруг лошадь моя остановилась, начала храпеть и прыгать на дыбы. Незная, чему это приписать, я начал озираться во все стороны; но нигде ничего не видно. Наконец, к несказанному моему удовольствию, увидел я в стороне человека, приподнимающегося из травы, которая была очень высока, густа и как мурава зелена.» Какой ужас! вскричал один из гостей. Это не столько страшно, милостивый государь! сказал я Вральману, что вы увидели человека в траве, сколько ужасно то, что вы средь зимы в трескучий мороз увидели густую зеленую траву!! — «Так М. Г. продолжал он: «однакож я не потерял присутствие духа, и соскочив с санок, бросился к тому месту, где приметил человека. Что же я увидел? семь человек, в красных Александрийских рубахах с золотыми галунами, лежали на небольшой лощинке. Все они были великорослы, толсты и весьма здоровы. Я догадался, что это те самые люди, которых я ищу, бросился на них, и снявши с них поясья, перевязал всех до одного. Они же вместо чаемого мною сопротивления просили пощады и признавались в своих преступлениях. Но я, не смотря на их слезныя прозьбы, повалял всех их в свои сани, сам сел на них, и привезши в город, представил в суд.»

Г. Вральман, окончивши сию небылицу и не давши слушателям опомниться от удивления, начал разсказывать новую. «Еще однажды, милостивые государи! случилось мне быть на охоте, говорил он. Оставя охотников, вздумал я ехать домой один; но по щастию я взял с собой любимую свою собаку. Едва я успел отъехать от острова шагов со сто, как увидел сидящего под кустом р у с а к а, указал его Миловзору (так називалася любимая моя собака, которой теперь в живых уже нет). Она бросилась на него как молния, и обогнавши около меня раз с шесть, как бы нарочно для того, чтобы потешить своего хозяина, схватила его, принесла и положила к ногам лошади моей. Припрятав р у с а к а в тарака, я продолжал путь свой далее. Проезжая мимо одного неболь-

шого озера, приметил я превеликую щуку, так сказать, ползающую по грязи, соскочил с лошади, привязал ее к камышу, сколько можно было охватить его поводом, подбежал к озеру, чтобы убить щуку охотничьим ножем. Она, увидя меня, бросилась было в глубь. Но я бросил в нее ножем и так удачно попал, что совершенно раздвоил ей голову. Вытащивши ее из воды, положил на плечо и понес к лошади. Но она, видя неизвестнаго ей животнаго, сильно испужалась, бросилась в сторону, и вырвав с корнем камыш, к которому была привязана, поскакала во всю прыть. Я пошел по ея следам, опасаясь, чтоб она куда нибудь не забежала; но страх мой был напрасен: она прибежала прямо домой. Я прихожу за ней. В дому моем все находилось в живейшем движении, все безпокоились о моей участи. Я уверил их, что мне не приключилось никакого вреда, и приказал тотчас отвязать от камыша лошадь, которая по двору не преставала с ним бегать. На силу могли поймать ее, отвязали.

Что же было в тростнике? «Журавль, милостивые государи! превеликой журавль! — Он, как я догадываюсь, сидел в камыше протяня шею и спал; а я не разглядевши, шею его взял вместе с камышем в повод. Он, проснувшись, начал биться. Вот что было причиною испугу лошади моей!»

По окончании сих небылиц Г. Вральман посматривал на всех с торжествующим видом. Удивление слушателей было безмерно. А я едва не лопнул со смеху. Вральман еще хотел было что-то начать; но уже был первой час за полночь, гостям время было итти по домам. Бывший тут Городничий здешняго города просил всю компанию к себе на чашку кофе. Завтрашний день я буду у него, и надеюсь увидеть или услышать, что-либо подобное сему, что видел и слышал в доме Вральмана.

Письмо VII

Ожидание не обмануло меня, любезный друг. Все гости в доме Городничего были Вральманы и все равно на подряд врали. Это псовые охотники. Будучи все преданы до чрезвычайности страсти гоняться за зайцами, они хотели переспорить друг друга в том, кто из них в полном смысле охотник, а следовательно и дворянин. Естьли верить похвалам, какие они приписывали своим Стрелям, Крылатам, Вихрам, Обидкам, и так далее: то непременно должно уже заключить, что во всем округе нет ни одного зайца. Впрочем будучи в великом жару, они нередко проговаривались, что крестьянской капусте нет покою от сих зверков. Жар с коим они спорили, мог, кажется, уверить каждаго, что всякой из них поймал славу и преимущество как зайца; но слава так же далеко была от них, как заяц, гуляющий в каком нибудь острове — за тридесят земель в тридесятом царстве. Ежели судить по самохвальству их, то все они великие искусники; а их Крылаты и Вихры быстрее вихря, ловчее рыси. Но ежели сверить их убеждения с их же разсказами, то иногда случается (и часто), что зайцы уходят; и от того их великое множество. Из чего видно, что они великие хвастуны, проживающие без разщету свои доходы; доставляющие Крылатам не собачьи, а господские выгоды и удовольствия. Правда, пусть те, коим есть на что содержать псовую охоту, утешают себя тем, в чем находят некоторое удовольствие; а особенно когда оно не сопряжено с значительным ущербом самому себе. Но бедному дворянину, каковы были все гости, бывшие у Городничаго (ибо и богатейший из них не имел более 80 душ), совершенно непростительно кормить собак до 50; а менее сорока ни у кого из них не было. Не явное ли будет это разорение и самому себе и подчиненным? А все сие для чего? для того только, чтоб после можно было сказать: «У меня большая охота, я-де барин!» А это охотнику и в голову не входит, что всякой умной только смеется их дурачествам и с презрением говорит: «он охот-

ник, у него на дворе собаки борзые да холопы босые.» А почему же и не смешно? При малом достатке содержать такую охоту на что? и служителям негде взять ни порядочной одежды, ни пищи, кроме щей, хлеба, да воды. А квас где? мука исходит в навар собакам! — случается, и не редко, что и собаки и лакей и господин (ибо и собака и господин гонятся за зайцем) изнуряются и изувечиваются. Впрочем охотник не ставит все сие в щот: для него нужды нет, что тысяча гонится за грошем. По моему, не лучше ли бы было употреблять свои малые доходы как должно, то есть завести в доме хороший порядок, чтоб слуги были сыты и обуты, чтоб они не завидовали состоянию любимой собаки, покоящейся в гостиной на софе. Собака собачье место и знай; а человек не должен быть промениваем на собаку. Я бы советовал всем таковым охотникам оставить сию боярскую спесь, ни мало не соответствующую их состоянию, и вести жизнь, не на собаколюбии, а на человеколюбии основанную.

Л. Д. К сожалению и в числе наших знакомых есть такие, кои столь же безразсудно боярствуют; предложи им мой совет. А когда он им не понравится, то скажи, что я знавал одного охотника, подобного им, которой ни за что не соглашался перевесть свою охоту; но будучи доведен наконец ею до нищеты, призвал своего псаря, приказал ему на другой же день перевешать всех собак, не оставляя ни одной. Псарь, дивясь столь же неожиданному, сколь и жестокому приказанию своего господина, осмелился из жалости предложить ему, что лучше будет отобрав резвых собак, подарить их своим приятелям. «Ах! нет! нет! вскричал помещик: не только приятелям, но и никому я зла делать не намерен. Непременно, чтобы они все были повешены, я приказываю!» — что на другой же день и было исполнено. Тем кончилась его охота и его разорение. Желаю сего и нашим приятелям, коим за нужное почтешь предложить мой совет.

Письмо VIII

Будучи здесь в одном собрании, заметил я, что одна молодая щеголиха весьма неприятно посматривала на одного бывшего тут моего знакомца. По поводу приятельской его со мною связи сказал я ему: заметили ли вы, как косо смотрит на вас сия молодая госпожа? — Я давно это вижу и знаю, отвечал он. Мне это весьма странно кажется, что вы, будучи человек молодой, пригожей, ловкой, могли заслужить немилость такой прекрасной госпожи, сказал я улыбаясь. «Не дивитесь! сказал он. «Я имел с ней любовныя интриги; но по некоторым обстоятельствам, а более всего по явной ея измене принужденным себя нашел прервать с нею всякую связь.» — Следовательно она не имеет никакого права сердиться на вас за то, что вы ее оставили, потому что сама вас довела до того. Она не за то и сердится, что я ее оставил, прервал он речь мою. За что же? — «Вместе с моею любовию лишилась она многих выгод. Страсть ея ко мне основана была, кажется, на одном интересе. Приметя сие, я зделался к ней холоден и как можно удалялся ея присутствия. Она догадалась, что это значит, и не пропускала ни одного случая доказать мне также холодность свою и презрение. А что она любила меня не из интересу, а на сей конец прислала мне бралиантами осыпанной перстень, которой я ей за несколько пред тем подарил, вероятно думая, что я удивясь ея безкорыстию, посовещусь его принять. Однако она весьма ошиблась: я поступил совсем иначе, нежели как она думала.— Без всякого зазрения взявши от слуги перстень, сказал ему: по примеру барыни твоей долгом поставляю и я не удерживать у себя принадлежащего ей. Почему собрал все в разныя времена присланныя ко мне ею письма, запечатал их своею печатью и отдал посланному, чтобы он возвратил их госпоже своей. Не столько огорчилась она потерею перстня, сколько тем, что чрез сие лишилась случая обмануть своего мужа, и взять с него за сей перстень деньги, не лишаясь его. К ним вхожа

одна торговка (что сведал я от людей своих; а им разсказывала сама торговка). Она, желая щеголять перстнем сим и при муже своем, употребила следующую хитрость: сговорилась с торговкою, отдала ей перстень свой; а сама пошла к мужу, объявляя ему, что за самую сходную цену продают превосходной работы перстень. Муж, узнавши о цене, и не желая упустить сей драгоценной вещи, тотчас выдал требуемыя двести рублей жене, чтобы она отдала их торговке. После сего подарил он ей и перстень, уверяя, что он по крайней мере стоит вдвое заплаченной им цены. Таким образом лукавая жена воспользовалась перстнем и двумя стами рублей денег. Восхитясь первым удачным событием, она вздумала послать дарено-купленый перстень свой ко мне, почитая за верное, что я его не приму. Но когда обманулась в своем ожидании, точас прибегла к новой хитрости и снова обманула своего мужа. Зная, что за двести рублей подобного сему перстня ей никак купить не можно, она подучила торговку придти с ним в дом и сказать, что она продала им перстень сей ошибкою: ибо особа давшая продать его, приказала взять за него пять сот рублей, и теперь строго понуждает ее или возвратить перстень, или доставить назначенную за него сумму. Торговка, взявши от нее деньги, приходит к мужу, жалуется на погрешность свою и просит, чтобы отдали ей перстень. Г. В. (так называется муж простосердечный распутной жены) предложил жене своей, что долг чести обязывает их взять назад деньги и отдать старухе перстень. Но как она на сие будто бы не соглашалась, то он дал обещание купить ей другой не хуже, а может быть и лучше этого; на что она по долгом сопротивлении согласилась, принудив мужа своего побожиться, что он не нарушит даннаго обещания.

Г. В. на другой же день поехал к ювелиру и купил этот самой перстень, которой теперь на руке у нее. Я, желая повеселиться на щет бывшей моей любовницы, дал ей знать чрез одну ея приятельницу, что мне известны все подлые ея поступки, и что я столько же теперь ее презираю, сколько прежде любил. Она, узнавши о сем, сначала просила меня, чтобы я не открывал никому ея тайны, потом употребляла угрозы. Но я сме-

юсь и прозьбам и угрозам; а она повсеминутно приходит в бешенство.»

Сим окончал знакомец мой любовную свою историю. Он разсказывал ее с равнодушием: а я слушал с совершенною холодностию, сердечно жалея о всех тех, которые излишно доверяют женам своим. Но можно ли им и не доверять? — О женщины! сыщется ли в целом свете хотя один человек толико проницательной, котораго бы вы не могли обмануть, ежели только захотите? «Удобнее можно увидеть следы корабля на море, стрелы пролетевшей в воздухе, и муравья, проползшаго по черному мрамору, нежели пути женщины, сказал великой Соломон. Посади женщину в ступу, толки семью пестами: она и тут увернется» пишется в книге о женских увертках. Но женщины любезны, милы, дороги; и ничему не должно верить, кроме их!!

Письмо IX

Вчера по вечеру, прогуливаясь с одним из моих знакомых, встретились мы с молодым вертопрахом, который, как я узнал после, есть сын одного живущаго здесь богатаго купца. Вообрази мое удивление: здесь небольшой свет; но я увидел пред собою человека, в ветренности и легкомыслии ничуть не уступающаго наилучшим нашим петиметрам. Он, не взирая на то, что видит пред собою человека, совершенно ему незнакомаго, на вопрос товарища моего о состоянии его здоровья, сказал: «Я здоров! но то беда, что и по сие время старика моего не посетит никакая опасная болезнь, которая бы отправила его на тот свет. Он надоел мне, как горькая редька. Давно бы пора ему умереть!» После сего, обратясь ко мне, наибезстыднейшим образом продолжал: «Представьте, милостивый государь! жалкое положение мое: я, будучи столько молод, влеком желанием к забавам, притом же сын перваго по здешнему городу бо-

гача, доселе не имею ни малейшей власти располагать собою. И это зависит от одной необразованности, грубости, своенравия и скупости осьмидесятилетняго старика, который к нещастию называется отцем моим. Посудите сами, не имею ли я основательных причин скучать жизнию его и желать ему скорой смерти, чтобы хоть несколько дней насладиться приятностями молодости?— Но, увы! не могу без ужаса вообразить, естьли немилосердая судьба еще лет на пять, или более откажет мне в сладостном удовольствии располагать по воле отцовским имением и быть самому большим над собою.» Выговоря слова сии, он тяжело вздохнул и начал продолжать далее: «в пятьдесят, в сорок лет люди мрут, как свечки гаснут, а мой отец, не смотря на то, что ему уже восемьдесят лет, в совершенном еще здоровье.»

Слова сии возбудили во мне непреодолимое к нему отвращение и ненависть, и я в ту же минуту хотел удалиться от него; но знакомец мой, удерживая меня, сказал улыбаясь: выслушайте далее, и вы увидите, что этот молодой человек имеет очень справедливыя причины желать скорой смерти отцу своему.

Верно потому только, возразил я с досадою, что он ему отец! Так точно. Ежели бы он не был мне отцем, то я бы не был ему сыном. Следовательно он не имел бы надо мной никакой власти, и я безпрепятственно мог бы предаваться всем веселостям. Старик мой (так он привык величать отца своего), каждогодно получая доходу до трех сот тысяч рублей, определяет мне только по пяти тысяч на год: могу ли я быть доволен такой малой суммой? — Не смотря на то, что я, живши при нем, получаю все жизненныя потребности от него, по целой половине года должен бы я жить без денег, ежели бы не одолжали меня ими некоторые истинные друзья мои за самые малые проценты, а имянно по полушке с рубля на день. Вот, государь мой! каково состояние мое! мне кажется, преступнику в тюрьме жить несравненно лучше, нежели мне в доме ничего не стоющаго старика. А что всего для меня несноснее, я должен все издержки свои скрывать от него с наивозможною осторожностию. Он давноб обо всем проведал, естьли бы люди наши

не столько были ко мне привержены. За то и я щедро их награждаю.» Выговоря слова сии и не дождавшись ответа, который, как мог он предполагать, был бы для него весьма не по вкусу, пошел от нас прочь, насвистывая модную песенку.

Желательно, чтобы сожаления достойный старик открыл глаза на своего распутнаго сына, и проморя его года два на одном хлебе да воде, познакомил с нуждой. Тогда, может быть, он излечился бы от болезни своей. А впрочем кто знает, может быть зделался бы еще хуже. Однако надобно бы поучить. Quem non mouent verba, mouebunt verbera, т. е. кого слова не берут, с того кожу дерут.

Такое желание, я думаю, не понравится и нашим щеголям. Но что мне до них нужды: я пишу не к ним, а к тебе, любезный друг! Прости!

Письмо X

Несказанно жалею я, любезный друг! что не поспешил выехать из города по крайней мере одним днем ранее. Через это избавился бы от одной весьма неприятной для меня встречи. Никогда, может быть, не сведал бы я о сем плачевном произшествии, которое тебе теперь описать намерен, котораго я был очевидным свидетелем, и которое навсегда остается в памяти моей. Я содрогаюсь при одном воспоминании об нем.— Странное дело! каким образом человек, сие разумное, кроткое, благородное существо, дошел до такой жестокости, что подобным себе вредит несравненно более, нежели кровожадные звери зверям?

Остановясь в одной деревне, как водится у путешествующих, кормить лошадей, увидел я великое множество обоего пола людей, стекающихся к маленькой и почти развалившейся хижине, находящейся двора через три от квартиры моей. Я приметил, что некоторыя вы-

ходящия из оной хижины женщины плакали. Это возбудило во мне любопытство осведомиться о причине таковаго их сходбища, которое походило на собрания, бывающия при похоронах. Продираясь сквозь толпу, и приближаясь к сей бедной хижине, спрашивал я многих выходящих из нее: что это значит? Но никто не хотел мне дать ответа. Наконец одна женщина сказала мне сухо и неудовлетворительно: «взойди барин, так увидишь сам!» Между тем, добрался я кое-как до дверей, отворил их и взошел во внутрь хижины. При входе моем все там находившиеся из уважения ко мне, или лучше к моей одежде, по возможности посторонились, и тем открыли мне наитрогательнейшее зрелище. Представь Л. Д. наисовершеннейшую четырнадцатилетнюю красавицу, одетую раздранным рубищем, сидящую на лавке и заливающуюся слезами. Жестокая сердечная скорбь весьма живо изображалась на лице ея, однакож не могла совершенно помрачить красоты и приятности сего искуснейшаго творения природы. Ее держал за руку крестьянин, которой, не говоря о гнусности его вида, был нем, глух, крив, горбат и стар. Я тотчас заключил, что сия нещастная красавица насильно выдана за сего урода; в чем и не обманулся. Она приметя, что я смотрю на нее с чувством сострадания, принуждала, кажется, себя к тому, чтобы на время остановить текущия из очей ея слезы и сказать мне несколько слов; но не могла сделать ни того, ни другаго. Таким образом подала только знак рукою, чтобы я сел. Я исполнил ея желание, и едва удерживая в глазах своих слезы, (ибо редкой молодой чувствительной человек при виде плачущей красавицы может удержаться от слез), начал наиубедительнейшим образом просить ее, чтобы она открыла мне причину жестокой горести своей, и не могу ли я ей быть в чем нибудь полезен. На что она ответствовала слабым, прерывающимся голосом, что рада удовлетворить любопытству моему, только чтоб я дал ей несколько времени собраться с духом и силами. После чего всеми силами старалась удерживать лиющияся из очей ея слезы и мало по малу начала успокоиваться. Наконец, приметя в себе довольно сил, встала с места, (но я упросил ее сесть) и начала говорить следующее: «Милостивый го-

сударь! кто бы вы таковы ни были, я вас не знаю: но сострадательный вид ваш довольно доказывает чувствительность сердца вашего; почему и надеюсь я, удовлетворяя желанию вашему, хоть на одно мгновение ска обрести себе некоторое облегчение от тоски, снедающей сердце мое.» По окончании слов сих она опять залилась горчайшими слезами. Признаюсь, любезный друг! что сии неожиданныя слова не токмо крайне удивили меня, но даже пленили. Естьли бы возможно было, я не пощадил бы, кажется, самой жизни для защищения сей любезной, или, сказать языком романиста, божественной красавицы. Или только так кажется; впрочем как бы то ни было, я более не мог удержаться от слез. Она, утершись белым платком, начала говорить далее: «когда вы узнаете причину моего злополучия, то я надеюсь, что вы простите мне ту слабость, которую теперь во мне примечаете, и которая, как я вижу, вас обезпокоила.

С самого младенчества по нынешний день, по день совершеннаго моего нещастия жила я в господском доме при барыне, которая по милости своей отличала меня от всех прочих моих подруг; короче сказать, она воспитывала меня не как рабу, но как свою дочь. Я за таковую милость ея старалась платить ей искреннейшею признательностию и всегдашней покорностию. Будучи в толь приятном для меня положении, я почитала себя совершенно щастливою, и в самом деле я была щастлива. Но злобствующая судьба, как бы завидуя благополучию моему, воздвигла на меня страшное гонение, употребив к тому орудием мужа благодетельницы моей, а моего барина. Он-то виновник всех моих нещастий и жесточайшаго мучения. За несколько пред сим месяцов госпожа моя за некоторыми хозяйственными надобностями отлучилась из города дни на три в здешнее село, оставя меня на сей раз, к вящшему моему нещастию, в городе, дабы я в это время могла окончить начатое для нее платье. На другой день отъезда ее барин прислал ко мне камердинера своего с приказанием, чтобы я принесла ему в беседку оставленный мне барынею узор, для учинения в нем некоторой перемены, о чем сама она в моем присутствии просила его при отъезде своем. Не имея ни малейшаго на него подозрения, я поспешила

исполнить приказ его. Но лишь только взошла я в сию пагубную для меня беседку, он встал с своего места, приказал мне положить узор на стол, пошел к дверям, запер их накрепко и положил ключ к себе в карман. Сначала, не предвидя злаго намерения его, я ни мало не обробела; потом, когда он стал глядеть на меня пламенными, сверкающими от сладострастия глазами, я несколько испугалась. Наконец, когда он начал делать мне неистовыя предложения, я в такой пришла трепет, что едва не упала без чувств на пол. Громовой удар не столь бы для меня был страшен, как сии гнусныя его слова, которыми он выражал мерзкое намерение свое похитить мою невинность и честь.— Я вздумала было искать себе спасения в бегстве: в сем намерении бросилась я к окну, чтобы не смотря на его высоту, выпрыгнуть из него; но он меня до сего не допустил, ухватил обеими руками и потащил на софу. Однако я, напрягши все свои силы, успела из рук его вырваться; но не имея возможности от него скрыться, а еще менее того противиться, прибегла к слезам и прозьбам... Это еще более распалило неистовое сердце его, и он вторично повлек меня на ту же софу. Я и тут, сколько могла, противилась; наконец совершенно обезсилев, лишилась употребления чувств. Он воспользовался сим случаем и совершил скотское свое намерение.

Опомятовавшись, я увидела себя в сладострастных объятиях похитителя невинности и чести моей и начала горько плакать. Он, смотря на меня несколько времени в молчании, сказал наконец: ежели ты не желаешь ускорить погибель свою, то предай вечному молчанию все то, что теперь между нами ни случилось; в противном случае (продолжал он) во что бы мне то ни стало, я доведу тебя до того, что ты пропадешь, как червь. Выговоря сие, он отпер дверь и выпустил меня из беседки. Будучи от страха и стыда вне себя, едва могла я сойти с лестницы: свет померк в глазах моих; земля, казалось, колебалась под ногами моими. Отчаяние овладело мною так, что я в первом жару решилась было броситься в реку и утопиться. Но по щастию пришла мне на память мать моя (ибо я тогда позабыла все на свете.) Я побежала к ней и объявила ей обо всем случившемся со

мною. Бедная мать моя, поражена будучи сим известием как громовым ударом, всплеснула руками и упала без чувств на землю. Новой удар для моей чувствительности! Я бросилась к ней на помощь и горячими слезами своими старалась привести ее в чувство: в чем и успела. Пришедши в себя, долго смотрела она на меня мрачными и печальными глазами, напоследок сказала томным голосом: «в злополучный час родилась ты дочь моя! нещастие твое тем более меня ужасает, что из него, как я предвижу, неминуемо произойти должно множество других злоключений. Но так и быть! пришло терпеть! мы прах и черви, а господа великое дело!! Нам-то мелким людям, дорога честь наша, потому что мы кроме ее ничего не имеем; а у них всего довольно. Для них причинить насилие, похитить честь бедной девушки столько же обыкновенно, и по мнению их безгрешно, как оторвать ногу у паука. Я это давно предвидела. Не ты первая пьешь эту горькую чашу. Я о многих слыхала, многих лично знала господ, которые поступают с крестьянскими девушками точно так же, как поступил с тобою теперь барин наш. Поди, друг мой, к своей должности и храни до времени сию тайну от всех на свете; иначе погибель твоя неизбежна.

Повинуясь приказанию без меры любимой мною матери и ужасаясь будущих нещастий, я тщательно от всех скрывала печаль свою и желала, естьли бы только возможно было, сокрыть ее от себя самой; но она подобно как ржа железо, повсеминутно ела сердце мое.

Барыня по возвращении своем приметя во мне таковую перемену, и любя меня со всею матернею горячностию, неоднократно спрашивала меня: от чего я так невесела? Я с своей стороны не могла ничем иным отвечать ей, как только вздохами и слезами, которыя однако всячески старалась скрывать. Сим возбудила я в ней некоторое к себе подозрение. В один день сказала она мне с ласковостию: в твои лета таковая грусть не от чего другаго произойти может, как от одного.— От чего маминька? спросила я ее с робостью. Я знаю от чего, ответствовала она улыбаясь. Друг мой! прибавила она: я желаю тебе добра может быть больше, или по крайней мере столько же, сколько ты сама себе онаго желаешь.

Открой мне сердце свое. Я готова учинить тебе всякую возможную помощь. Не страшись признаться мне, ежели ты кем нибудь занята, и коль желаешь... Будучи тронута до глубины сердца сими милостивыми ея словами, я решилась было открыть ей важную тайну свою: но вспомнив страшныя угрозы барина и наказ матери моей, бросилась к ногам ея, чувствительнейше благодаря ее за таковое участие в судьбе моей, и уверяла, что всей грусти моей причиною одна жестокая головная боль, которую я с известнаго времени начала чувствовать. Она довольна была сим моим ответом, и с сожалением упрекая меня, что я давно ей не объяснилась, дала мне какой-то мази. Через несколько дней я притворилась выздоровевшею, и добрая госпожа моя так была сим обрадована, что едва не заплакала, увидев меня попрежнему веселою и спокойною.

Я начала мало по малу излечиваться от снедающей сердце мое печали. Но вот новое бедствие, ужаснейшее всех прочих! — Мать моя по некоторым известным ей признакам заметила и объявила мне, что я беременна. От сих слов я в такое пришла смущение, что хотела было бежать от нее прочь; но ноги мои подкосились.— Ах, матушка! вскричала я, повергшись на пол. Но она подняла меня и давши мне время придти в себя, сказала: друг мой! ты не столько должна стыдиться зделанного тебе насилия, коего плоды весьма ясно начинают оказываться, сколько страшиться гонений барина. Делать больше нечего: поди и разскажи все госпоже своей. Я исполнила приказ ея в тот же день; потому что мучителя моего не было тогда дома. Я не позабыла упомянуть и о тех страшных угрозах, которыя зделал мне барин, ежели я открою кому нибудь гнусный поступок его.

Добрая госпожа, выслушав оскорбительную для чести ея историю мою, залилась горькими слезами. Ах, дочь моя! сказала она с живейшим чувством горести, для того ли так нежно любила я тебя, для того ли образовала разум твой и зделала тебя несравненно выше твоего состояния, чтобы ты живее могла чувствовать поразившее тебя нещастие? — Проклят тот день, в который я отлучилась отсюда, оставив тебя как нежную горлицу

с хищным коршуном, с мужем моим. Бог меня за это накажет. Но не опасайся, милая моя, ничего касательно мщения его. Я скорее умру, нежели попущу ему зделать тебе хоть малейшее зло.

Будучи обнадежена обещанием незабвенной госпожи своей, я почитала себя безопасною от всех гонений хищника чести моей. Но в это время, когда сердечная рана моя мало по малу заживала, и когда я начинала вкушать вожделенное спокойствие, судьба готовила для меня страшнейший удар.

Госпожа моя, разгорячившись в одно время на мужа своего, упрекнула его гнусным поступком в разсуждении похищения чести моей. Я сама это слышала, сидя за пяльцами в другой комнате. Вы можете представить, до какой степени должна я ужаснуться, слыша упреки сии. Неизбежная гибель со всеми своими ужасами представилась смущенному воображению моему. Мне казалось, что вся природа разрушается, и что небо падает на голову мою. Не знаю, долго ли пробыла я в сем состоянии совершеннаго изступления и безпамятства; помню только, как вбежал в ту комнату, где я находилась, губитель мой, а за ним и благодетельница моя... Презренная тварь! закричал он на меня яростным, оглушающим голосом, как ты смела опорочить честь мою!— Кто кроме неразсудительной жены моей поверит тебе в твоих разсказах? — Преступница! ты думала скрыть злодеяние свое, свалив его на меня. Унижусь ли я до такой подлости? — Я знаю с кем ты....... Но я тебе докажу, что значит оскорбить меня, истощу все муки, какие только изобрести могу. Выговоря сие, он схватил претолстую палку и хотел ею поразить меня. Но госпожа моя стала между мною и им и сказала ему с неустрашимым видом: «вы не можете ударить ее, не убив наперед до смерти меня. Видя невозможность исполнить зверское намерение свое, он убежал от нас, как бешеной.

С сего времени благодетельница моя не отлучалась от меня ни на минуту. Но увы! скоро лишилась я и сей защиты. Скоропостижная смерть пресекла дни ея, а с ними вместе и надежду мою, что когда нибудь гневная судьба утолится и перестанет гнать меня.

Гонитель мой, о п л а к и в а я смерть супруги своей, казался несколько ко мне поблагосклоннее, или по крайней мере не столько был зол, как прежде.— Я подумала, что он несколько поусовестился и сжалился над моими нещастиями; но сия тишина его ничто иное значила, как новое покушение на честь мою. Он начал от меня требовать, чтобы я, ежели не желаю совершенной себе погибели, согласилась на беззаконное с ним сожитие. Я с ужасом отвергла сие предложение, сказав, что в тысячу крат скорее соглашусь умереть, нежели беззаконно разделять с ним ложе его. Нет! ты не умрешь, сказал он с адскою усмешкою; ты будешь жить —и жить для того, чтобы повсеминутно оплакивать учиненное тобою преступление и раскаяваться в оказанном мне презрении. Выговоря сие, он ушел, и я с тех пор не видала его более.

На другой день к матери моей пришел управитель и объявил мне господское приказание (ибо я по смерти благодетельницы моей получила позволение перейти жить к матери, однакож под строжайшим присмотром, так, что никуда ни шаг не льзя было выдти), чтобы я в ту же минуту села с ним в повозку и ехала в сие село. Мать моя не знала, к чему клонилось сие приказание; однакож уверена будучи в явной немилости господина своего, пошла было к нему с прозьбою; но ее не допустили. И так я принуждена была повиноваться воле господской и отправиться в село, не зная сама за чем. Но, о Боже мой! какой ужас овладел мною, когда меня силою втащили в церковь, поставили пред олтарем и страшными угрозами вынудили из меня пагубную клятву, или, лучше сказать, сами поклялись вместо меня в вечной любви и верности к сему крестьянину. (Это тот самой урод, которого я описал выше). По окончании сего ужаснаго для меня обряда, сняли с меня бывшее на мне платье и надели сие изодранное рубище, соответствующее теперешнему состоянию моему.»

В продолжение сего разговора все бывшие крестьяне один по одному вышли, потому что им история ея была известна. Осталася одна мать ея, да глухо-уродливый чучело, муж ея. Проговоря последние слова, она пристально посмотрела мне в глаза и казалось читала в них чувствия жалости, томящия сердце мое.

«Ваш вид внушает в меня полную к вам доверенность, сказала она. Одно это нещастие не могло бы так сильно поколебать душу мою; некоторыя посторонния обстоятельства увеличивают его до такой степени, что я совершенно не в силах ему противиться. Ах! могу ли без оскорбления чести твоей наименовать тебя, отрада души моей и источник лютейших мучений! — «За два года перед сим был по некоторому делу в доме благодетельницы моей один молодой Офицер, человек чувствительной, благородной, нежной. Он увидел меня и полюбил страстно. Я увидела его, и полюбила.— Точно как мы друг для друга рождены. Он, зная горячую ко мне любовь благодетельницы моей, вынудил из меня клятву во взаимной любви — любви вечной. Разставаясь со мною, он неутешно плакал, а я еще более.— Он утешал меня, обещаясь через два года с половиной возвратиться назад, увидеться со мною, и увидеться с тем, чтобы никогда более не разлучаться. Но сердца наши видно предчувствовали разлуку вечную. Мы оба утешали друг друга и оба терзались жесточайшею горестию. Теперь он далеко, сама не знаю где. Ах! естьли бы он был здесь! — Но что я говорю нещастная! к чему бы это послужило, естьли не к совершенному изнеможению моему под тяжким бременем нещастия! — Его жестокая скорбь сразит меня. Но могу ли я и надеяться, что он не презрит меня, узнав о моем безчестии? Узы брака неразрывны, вечны. Лишившись надежды, я не лишалась надежды любви, любви пламенной.— Отчаяние будет первою моею отрадою, мучения удовольствием, смерть успокоением.» Говоря слова сии, она была в совершенном изступлении. Наконец чувствия нежности овладели сердцем ея, потоки горчайших слез пролились из очей ея. «Великодушный незнакомец! сказала она несколько поуспокоясь, может быть по какому нибудь случаю ты увидишь когда нибудь друга моего, друга сердечнаго, незабвеннаго. (Тут сказала она мне имя его). Скажи ему о моем мучении; попроси его от меня, чтобы он, ежели может, позабыл меня. Скажи ему, что ты знаешь, что видел и слышал. Прибавь, что я буду услаждаться и вместе мучиться всеминутным об нем воспоминанием; что желаю себе скорой смерти для

того, чтобы встретить его в вечности с распростертыми объятиями.» Я хотел сказать ей кое-что в утешение; но стеснен будучи горестию, не мог выговорить ни одного слова.— В молчании вынув из кармана сто рублей, и отдав их полумертвой матери ея, не медля пошел вон, сказав: прости нещастная красавица! я постараюсь отыскать друга твоего и сказать ему, что ты его достойна. Но она не слыхала последних слов моих; потому что какой-то странный сон, похожий более на обморок, сомкнул вежди ея.

Наискорейшим образом удалился я из сего селения, думая тем избавиться от сердечной грусти; но она преследует меня всюду. Нещастная красавица с слезами на глазах, с отчаянием в сердце представляется мыслям моим на яву и во сне, разговаривает со мною о своей несносной муке и о сердечном друге своем. О Боже! попустит ли правосудие и благость Твоя сему прекраснейшему, безвинному творению, служащему образцом непорочности, украшением природы, совершенно погибнуть, и погибнуть наижесточайшим образом?

Признаюсь, любезный друг! охоты к путешествию, сколько она ни была велика, теперь во мне очень мало.— Ежели часто будут встречаться подобные сему случаи, то не премину, бросся все, убраться поскорее домой. Не устоит и каменное сердце, видя таковые примеры безчеловечия; видя нещастных, и не имея возможности облегчить несносную их участь! Прости.

Письмо XI

Вчера по вечеру прибыл я в город, откуда по известному тебе делу не надеюсь скоро отправиться. Следовательно я буду иметь довольно случаев писать к тебе о здешних новостях. На первой раз скажу тебе за новость то, что я остановился в доме господина Н. обшаго нашего знакомца. Во время моего приезда у него

было довольное количество гостей. И я хоть незваной, но гость. В. Н. рекомендовал меня как можно лучше приятелям своим и просил их, чтобы они меня полюбили. Отблагодарив как должно хозяина за зделанную мне учтивость, я сел на одно незанятое место и поглядывал на веселых гостей, не вступая ни с одним из них в разговор, потому что ни один из них не был мне знаком. Между прочим заметил я одного молодого дворянина, коего вид, казалось мне, имел нечто привлекательное. Он, не последуя другим, говорил очень мало; а ежели что говорил, то говорил весьма основательно. Из сего можно было заключить, что он имел очень хорошия дарования, которыя от добраго воспитания соделались еще лучше. Не смотря на то, все гости, сколько их тут ни было, обращались с ним весьма холодно и даже презрительно.

Не полагаясь на свое суждение и на сердечное влечение к сему молодому человеку, спросил я об нем хозяина, кто он таков. Природной дворянин, ответствовал он, сын одного Генерал-Лейтенанта, человек умной, много упражнявшийся в разных науках и весьма хорошаго поведения. Мне кажется, сказал я, что ему не отдают ни малейшаго почтения. Какая бы тому была причина, что все обходятся презрительно с сим человеком, который по моему мнению достоин любви и уважения? — Другой причины нет — он беден! Это меня весьма удивило. Я тотчас подошел к сему незнакомцу и вступил с ним в разговор. Хозяин сказал мне правду. Он в самом деле очень умной человек. Безмозглыя головы! думал я, вы поставляете все совершенство человека в одном богатстве. Неоспоримое доказательство вашей глупости, когда вы презираете человека умнаго за то только, что он беден!

Но вот новое явление! входит Г. Простаков в лакированных сапогах и с ослиною физиогномиею. Вся компания взволновалась. Все наперерыв друг пред другом старались засвидетельствовать ему свое почтение. Дав несколько времяни поутишиться первому стремительному шарканью ног и безсвязному лепетанью, я подошел к хозяину и тихонько спросил его: кто этот новой гость, котораго все уважают до безумия? — Это человек хотя не знатнаго рода, но богатой жених, отвечал он. Сего

довольно, чтобы быть ему от всех уважаемым. Чтож касается до душевных его качеств, то хорошаго в нем ничего нет. Выслушавши сие, я опять пошел к новому своему знакомцу, котораго я очень полюбил.

Между чем Г. Простаков с важностию принимая от всех поздравления, добрался до того уголка, в котором мы сидели и разговаривали между собою. При приближении его мне случилось в связи с высшими мыслями сказать: молодой человек должен быть вежлив. Г. Простаков, которому слова сии были внятны, вовсе не зная меня и не участвуя в нашем разговоре сказал наморща лоб и надувши губы: «здесь занимаются пустяками; слушать нечего! пускай их умствуют одни.» Сказавши сие, он пошел от нас прочь. Одна престарелая дама, услыша сей отзыв его об нас, захлопала в ладоши, крича во все горло: браво! браво! — Таковая наглость довольно оскорбила меня, и я хотел было спросить Простакова, по какому он праву оказывает нам такое презрение; но товарищ мой удержал меня от сего, представя, что презрение есть лучшее воздаяние глупым горделивцам. Чтож касается до сей госпожи, которая хлопала в ладоши, прибавил он, то я не знаю, кто из них глупее: Простаков, или она. Ей чрезвычайно хочется выдать дочь свою за сего моднаго осла; потому всячески старается угодить ему, чтобы он присватался к ея дочери. Но он об этом и думать не хочет. Несмотря на то, она и слышать не хочет, чтобы Простаков не зделался ея зятем. Сим самым вскружила она голову и бедной дочери своей. Да и не одна она имеет глупость желать себе в зятья совершеннаго глупца.»

Простаков, ни мало не заботясь о свахах и невестах, не поклонясь никому, удалился. Тут все пустились читать ему похвальныя речи. Вышереченная теща его первая начала об этом материю. Она не знала, как взвеличать его: говорила, что он и умен, и хорош, и знатен, и статен, и величав; наконец довралась до того, что будто к нему и гордость пристала. Выхвалив таким образом мнимаго зятя своего, который только что смеялся над ея легкомыслием, она завела с бывшими тут женщинами разговор вообще о женихах и невестах. Все они утверждали, что одно богатство составляет всю красоту,

разум и честность как жениха, так и невесты. Не правду ли я говорю, милостивый государь? сказала одна из них, подошедши ко мне, которая более всех почитала за истину сие предложение. Мне кажется, сударыня! ответствовал я, разум и честность всему должно предпочесть. Ах, батюшка! подхватила она с жаром, странной человек! как вы судите! с одним разумом да честностью насидишься без хлеба. По мне будь дурак, да богат, а за беднаго умника я никак не соглашусь выдать дочь свою. Желаю вашей дочери золотого жениха, сказал я ей, чтобы она поскорее от меня отвязалась.

Мы довольно повеселились на щет сих глупых суждений, наконец все разошлись.

Правду говорят: «не родись ни хорош, ни умен, а родись щастлив.» В нынешнем свете щастливой дурак почитается в тысячу крат лучше умнаго; однако же все дурак! Фортуна, кажется, столько же глупа, как те женщины, которыя наперерыв стараются иметь зятем своим Простакова, потому что и она большею частию украшает дарами своими Простаковых.

Письмо XII

Жители здешняго города снискали, так сказать, привычку разсказывать всякому проезжающему об одном произшествии, которое здесь недавно случилось — произшествие странное! я никак не почел бы его за истинное, естьли бы не подтверждали многие достойные всякаго вероятия особы. При том же не токмо здешние граждане, но и все подгородные поселяне в справедливости его готовы дать присягу. Я разскажу тебе об нем точь в точь, как разсказывали мне; а мне разсказывали так, как дело было.

Не подалеку от города живет одна дворянка, которая за несколько лет пред сим выдала дочь свою Зелию за одного флотскаго Офицера. Офицер, видно, женился не

с тем, чтобы только слыть женатым, а чтобы в самом деле иметь жену; то есть он не оставил молодую Зелию в доме матери ея на пересуды молодым щеголям, а увез с собою, куда ему по службе своей надлежало явиться. Зелия, прожив с мужем своим около пяти лет, принуждена была овдоветь, потому что он умер. По смерти его она почла за нужное возвратиться на свою родину, потому что доход, получаемый ею с осьмнадцати душ, данных ей в приданое, недостаточен был к тому, чтобы она могла хорошенько содержать себя на чужой стороне. Но и на своей стороне для нее было сего мало; почему мать ея начала ей советовать, чтобы она вторично вышла за муж.

В сем городе был тогда один молодой дворянин, который посредством трудов своих пользовался нарочитым доходом. Зелия его видала, знала, и, как говорится, не желая упустить человека, коего наружный вид и доходы ей понравились, начала просить приятелей своих, чтобы учинили ему предложение взять ее за себя. Но сей ни мало не помышляя о женитьбе, многократно со всевозможною вежливостию отрекался от сего предложения. Однако старатели Зелии успели напоследок уговорить его так, что он не смотря на то, что она имела сына от перваго своего мужа, дал слово взять ее за себя. В скором времени, к удивлению всего города, совершился брак их.

С начала Зелия жила с ним около шести месяцев как должно; но в течении сего времяни посредством кумовства познакомилась с одним здешним помещиком, который напоследок довел ее до того, что она не токмо нарушила верность к мужу своему, но даже начала помышлять о уничтожении брачного союза, дабы выдти за своего любовника. Узнавши о сем, муж ея прибег к правосудию и торжественно уверял, что он действительно муж жены своей.— Зелия от сего отрекалась, утверждая, что она ему не жена. Позвали в допрос всех бывших при венчании, и духовных и светских: но все они показали различно. — Брат и сестра Зелии, не желая верно причинять безчестия роду своему, показали сущую правду, то есть, что сестра их соединена узами брака с означенным дворянином. Другой брат ея показал то же. Но поелику, говорил он, я во время венчания держал венец над головою сестры своей несколько криво, то и брак их

почитаю недействительным. Вероломная Зелия касательно беззаконного дела своего неоднократно подписывалась в крепостной книге фамилией втораго мужа своего... Между тем третий муж снабдил ее неоспоримыми доказательствами, то есть деньгами; на место означенных показаний явились другия, и законный брак уничтожен. Зелии, по выполнении семилетней епитимии за беззаконное сожитие, позволялось выдти за муж за кого она похочет; но она, не дождавшись означенного времени, вышла за своего кума, который после был здесь Исправником; но в весьма худом положении, ибо ему очень многаго стоило получить в жену куму свою. От чего он совершенно разорился и бедных детей своих пустил почти по миру. Пять человек осталось у него после покойной жены, сын после первого мужа Зелии. Однаго прижил с нею, когда она была ему кумою, и еще нескольких, когда она сделалась ему женою. И так дети сей благословенной четы составляют удивительную смесь! Вот женщина, готовая по сту раз на день выходить за муж, естьли бы только позволяли ей законы! — К сему влечет ее корыстолюбие. Но она очень ошиблась в разщетах своих: ибо первый муж ея хотя менее последняго получает доходов, но за то он не подвергался никакой трате и раззорению. Следовательно она за ним могла бы жить в большем удовольствии нежели за раззорившимся до крайности богачем. Таким образом сбылась пословица: у бабы волос долог, да ум короток. Она раскаялась, но уже поздно, ибо муж ея, что я лично от него слышал, и думать об ней забыл.

Здесь по городу носится слух, что один неизвестной писец выпустил в свет драмму под заглавием: Вероломная жена или сила корыстолюбия. Говорят, что она содержит подробное описание сего удивительнаго брака. Но я не мог ее здесь отыскать. Прошу тебя, любезный друг, ежели можно, доставить мне ее. Некоторые утверждают, что ее сочинял сам муж Зелии, от котораго она отреклась. Однакож он сам мне сказывал, что он и не читывал ее никогда. Следовательно напрасно называют его сочинителем такой драммы, которая очень мало зделает ему чести.

Для меня очень удивительно, что жена так удачно

могла отпереться от законнаго своего мужа. Мать ея могла бы учинить сему великое препятствие, да и хотела; но, как сказывают, получа от теперешняго зятя своего пять четвертей муки, не токмо оставила свое намерение, но еще всячески старалась помогать вероломной дочери своей, которая теперь с мужем своим живет, как кошка с собакой: ибо он разлюбивши ее, содержит любовницу, на которую употребляет половину своего дохода. А она с своей стороны делит время также с любовниками, которых число полагают до десяти, и из которых каждый получает долю из доходов сего стараго рогоносца. Таким образом разстощается наследство бедных детей, которыя со временем стыдиться будут объявить, кем они произведены на свет. Худое действие всегда за собою влечет худыя последствия: Кто имеет любовницу, способную быть женою, и жену, способную быть любовницею, об том можно ручаться, что он на лбу своем имеет зародыши рогов. Остаюсь и проч.

Письмо XIII

Л. Д.

Мудрена и дрянна политика страстей! — Здешний откупщик позвал меня, вместе с моими приятелями, на чашку кофе. В доме его все было соответственно богатству его и все в порядке. Признаюсь, я видел у него и такия редкости, каковыя едва ли можно найти и у нас в столице. Откупщик давно уже лишился жены. Дочь его, по обычаю купцов, подносила нам лучшие напитки. Но может быть они потому показались мне лучшими, что принимаемы были из рук наипрекраснейшей из женщин. Посидев довольно времени, мы разстались с хозяином, и поблагодаря за угощение, пошли домой. Приятель мой видно приметя, что я пристально посматривал на прекрасную Гебу, когда она подносила нам напитки, спросил меня, каких я о сей женщине мыслей? Признаюсь,

сказал я ему, что она кажется мне совершеннейшим творением. Впрочем я приметил на лице ея следы сердечного прискорбия. «Вы и не ошиблись, сказал он. Я для того завел и речь об ней, чтобы разсказать вам историю сей нещастной женщины. — Она была сговорена за одного не очень богатаго молодаго человека, и сердца их наперед еще сговорились между собою. Они надеялись в скором времени соединиться узами брака; но гневная судьба в одну минуту разрушила все приятные мечты их.

Откупщик сей, у котораго мы были, был опекуном одному молодому купеческому сыну, получившему после своих родителей великое богатство. И как прошел срок опеки, тогда, к нещастию наших любовников, купеческой сын приехал к нему для получения своего имения. Увидевши дочь опекуна своего, он страстно в нее влюбился, и узнавши, что имеет соперника, решился вдруг удовлетворить и ревности и любви. Почему и объявил опекуну намерение свое в разсуждении его дочери. Опекун, ни мало не сумневаясь в благополучии своей дочери, когда она будет женою столь богатаго человека (ибо все почти откупщики думают, что тот уже подлинно счастлив, кто снял с Фортуны золотой ея запан), дал ему свое слово, а с ним вместе зделал отказ и любовнику своей дочери.

Дочь, будучи лишена всей надежды жить с тем, коего привыкла называть своим милым, пришла в величайшее отчаяние. Тщетно представляла она отцу своему, что не может быть щастливою с таким человеком, коего терпеть не может по причине ветреной и распутной его жизни; который не имеет никаких достоинств, кроме порочного сердца и безобразнаго вида. Отец решительно сказал, что она непременно должна быть счастлива с таким человеком, у котораго так много денег! — Вы не беднее его, говорила нещастная дочь. Я у вас полная наследница всего вашего имения, и я прошу вас не отягчать меня тысячами другаго; а что всего несноснее — им самим.— Все слезы, все прозьбы, все представления ни мало не тронули отца. Приказано было бедной дочери принять сего молодаго богатаго повесу за будущаго супруга; а между тем учинено уже было и обручение. Во время отправления сего священнаго обряда невеста походила более на мертвую, нежели на живую; и со стороны всякой

подумал бы, что это новоманерные похороны, а не начало свадьбы. Сие поразило любовника столь сильно, что он чрез три дни после сего впал в жестокую горячку, и видя приближающуюся смерть, упросил откупщика придти к себе, чтоб в последний раз проститься с ним.

Государь мой! сказал он ему лежа на смертном одре, вы некогда намерены были доставить мне величайшее благополучие названием вашего сына. Ныне лишая меня онаго, лишаете и жизни. Я заклинаю вас простить вашу дочь — мою невесту — в той слабости, которая была некогда освящена согласием родительским, и которая теперь уже предосудительна. Прошу также сказать моей.... (он не мог наименовать ее), чтобы она повиновалась вашей воле. Сим может успокоить как вас, так и того, которой, лишаясь ее, умирает. Силы его оставили, и он не мог более говорить. Он вздохнул — и это был последний вздох его. Сам виновник сей трагической смерти тронут был до слез. Потом, оборотясь ко мне, просил меня уговорить его дочь к слепому повиновению воле родительской и объявить ей последния слова покойнаго. Хотя сие препоручение показалось мне слишком трудным, но неотступныя прозьбы откупщика и других при сем случае присутствующих убедили меня склониться на их требование. Мы взошли в комнату нещастной. При виде нас она изъявила какую-то робость, которая столько свойственна сердцам чувствительным, когда они смущаются каким нибудь горестным предчувствием, и смотрела то на меня, то на отца своего, то опять на меня. Мы также молчали. Наконец отец прервал молчание сими словами: я приказываю тебе с завтрашняго дня повиноваться воле моей и забыть на всегда того, в сердце коего ты занимала место. Теперь все уже миновалось, и твой долг есть повиновение моей воле. — Потом, обращаясь ко мне, сказал: государь мой! прошу исполнить то, что вам было поручено. Я объявил ей все, утаевая впрочем смерть жениха ея. При сем известии она оказала довольно твердости; потом, подумав несколько, сказала: и так его уже не будет? — Отец, не удерживаясь более, отвечал: да его уже и нет! — При сих словах она задрожала, и произнесши слова сии: «и так я его убийца!» упала без чувств. Тщетно отец и я старались привести ее в себя; казалось, она

пошла в след за своим женихом. Между тем пришел лекарь, и намоча голову ея спиртами, приказал нам оставить ее в покое, а приставить только одну женщину, которая бы сказала, когда она опомнится. И так мы все трое вышли. Простясь с откупщиком, пошел я домой, сердечно сожалея о жестоком, злополучном отце, который променял щастие дочери своей на металлические кружечки, называемые деньгами...

На другой день отправлялись похороны нещастнаго любовника. Замечено, что с самого выносу тела, до самого того времени, когда спустили его в землю, бедная девица находилась в сильнейшем обмороке. Сам лекарь, во все сие время неотлучавшийся от нее ни на минуту, не мог привести ее в чувство. Напоследок молодость преодолела слабость — и она опомнилась.

Между тем наступил день брака, в который она оказала столько много твердости, сколь мало того все надеялись. Она бросила горестной, многозначущий взгляд на отца, дала руку жениху своему и произнесла пред алтарем клятву в вечной любви к нему и верности. Никто не может укорить ее тем, что она не сдержала данного обещания. — Редкая женщина, будучи на ея месте, может так сделать.

Муж ея, поживши с нею несколько времени, отправился в дальную дорогу, и более полугода не присылал ей никакого об себе известия. Наконец уведомил чрез письмо, чтобы она не ожидала его возвращения и перешла бы из дому или на квартиру, или, естьли угодно, к своему отцу; потому что дом их уже продан.

Ни мало не смутясь, она пришла с сим письмом к отцу своему, и, отдав ему оное, сказала: я исполнила вашу волю, исполнила и волю моего любезнаго; но теперь, родитель мой! будучи освобождена от всего, прошу, чтобы вы позволили мне повиноваться чувствованиям сердца моего: я хочу остаток дней моих посвятить тому, коего любить мне уже теперь не непозволено. Тогда-то узнал нещастный отец ея, что деньги не составляют истиннаго щастия, и отдал все на ея волю. Теперь она ведет уединенную жизнь и выходит только на могилу своего любезнаго. Таким образом живет она более трех лет!»

Вот Л. Д. плоды родительской безразсудности! Отец, поставляя все счастие в богатстве, зделал дочь свою нещастною. И теперь вместо удовольствия видеть себя окруженным любезными детьми детей своих, слышит только жалобные вопли своей дочери!

Письмо XIV

Л. Д.

В нынешнем свете много можно найти себе друзей, но редко удается найти между ими прямо друга. Нечаянно приехала сюда одна госпожа из другаго уезду. Деревня ея лежит у самаго города; все ее принимали весьма хорошо; и я подумал было сначала, что все ей весьма рады; да это была и правда, только весьма не на долго. Вскоре пронесся слух, что сия дама приехала сюда с тем, чтоб купить себе другую половину той деревни, о которой я уже говорил. Узнавши о сем, многие начали смотреть на нее совсем другими глазами; потому что всякому из них хотелось иметь оное поместье. Почему, не находя другаго способа к исполнению своего желания, бозвысили цену на сие поместье.

Продавец деревни, почитая сей случай удобным набогатиться, потребовал от оной госпожи цены гораздо большей, нежели какую просил прежде. Бедная госпожа весьма сему перевороту удивилась; но напоследок, узнав настоящую тому причину, не удержалась, чтоб не учинить выговор одному из числа приятелей своего мужа, которой боле всех оказывал радости о ея приезде.— Сударыня! отвечал он ей с холодностию, извините, я в сем случае держусь пословицы: хватайся сам за доску, пускай другой тонет! Из сего госпожа увидела, что ей уже нет надежды владеть половиною деревни; ибо цена столь была возвышена, что душа обходилась не менее как по девяти сот рублей; таким образом поблагодаря всех своих приятелей за ласковой прием, отправилась в обратной путь. Тогда все желаю-

щие купить оную деревню, видя себя избавившимися от сей соперницы, начали один после другаго отставать, и хозяин деревни принужден был владеть опять оною. Бывшаяж здесь госпожа, по носящемуся слуху, на оныя деньги, кои она давала за другую часть деревни, купила поместье прежняго во всем гораздо превосходнее. И так завидующие ея щастию не только не причинили ей зла, но еще доказали низкость своей души. Пословица справедлива: не узнавай друга в три дни, узнавай в три года. Правда, кто не желает себе добра? И ежели бы кто нибудь купил сие поместье, то они менее бы подвержены были осуждению; но их намерение, как видно было только то, чтоб возвышением цены недопустить сию госпожу владеть оною деревнею. Мне сторона дело, но сей их поступок заставил меня иметь об них худыя мысли.

Чтож заставило меня писать к тебе об этом маловажном предмете? спросишь ты: желание ли охуждать поступок тех людей, которые так нагло поступили с приятельницею своею, или желание навести тебе скуку? Ответствую: скука!

Письмо XV

Справедливо говорят, что случается и в чужем пиру похмелье. В здешнем округе живет господин Конокрадов, котораго недавно требовали к ответу в другую губернию за покражу лошадей. Думаю, что ты весьма удивишься, каким наглым образом сей господин учинил сие негодное дело. Он отправился из дому своего побывать к одному какому-то своему дяде, с которым давно не видался. На пути наехал он на дорожных, у коих была пара хороших лошадей. Довольно сего, чтобы ему пожелать иметь их своими. Он начал обдумывать, каким бы образом достать себе сих лошадей. Правда, он верно знал, что самое легчайшее к тому средство купить их; но оно казалось ему самым труднейшим, пото-

му что не имел денег. И так, когда богатой берет на деньги, то голь должна подниматься на выдумки. Посему господин Конокрадов и поднялся на выдумки: он подружился с попутчиками, часто становился вместе с ними кормить лошадей и ночевать.

Таким образом выбрав удобное время, с таким искуством и осторожностию совершил предприятие свое, что никто того не приметил; то есть, он тихонько свел их со двора и поехал куда ему надобно. Но по нещастию ему надобно было ехать туда же, куда и тем, у которых он купил за свою цену лошадей. Они догнали его и, как водится, завязавши руки назад, представили в город.

Г. Конокрадов снова поднялся на хитрости и неизвестно каким образом ускользнул из тюрьмы, оставя в ней вместо себя извощика своего. Приехавши домой, он почитал себя вне всякой опасности; но суд отыскал его и здесь. Посему он должен был явиться к ответу. Там он, неизвестно какими то судьбами, вместо своей подставил извощикову спину к разделке. И сему бедняку отщитали сполна двадцать пять ударов кнутом. После сей екзекуции господин, взявши его на расписку, благополучно приехал домой. Здесь он вместо благодарности к своему человеку, претерпевшему за него наказание, столь варварски с ним поступает, что сей бедняк неоднократно просился у своего господина продать его в солдаты. Г. Конокрадов верно бы исполнил прозьбу его, потому что он наличные деньги в тысячу крат больше любит, нежели украденных лошадей; но бывший кучер его имеет на спине своей вольный аттестат, потому и не годится в службу.

Таким образом бедняк сей видно по гроб определен терпеть палочные удары от своего господина в научение, чтобы впредь не подставлял спины своей вместо другаго.

Письмо XVI

Бывши в гостях у господина З. я имел честь видеть Г. М., котораго вы столько мне выхвалили. С перваго взгляду он показался мне кроток как овечка, мил как Ангел, и я почувствовал к нему сильное влечение; но сколько удивился я, когда по отъезде его некоторые из знакомых моих обступили меня и с насмешливым любопытством спросили: как вы думаете о Г. М.? Как лучше быть не может! отвечал я им. — Ошибаетесь, государь мой, сказали мне они: мы и сами так об нем думали, а теперь!... Уверяем вас, что и вы, узнав его покороче, будете согласны с нашим мнением. Почитая сие за шутку, я зделал им возражение, сказав: желал бы я знать тот порок, который вы сему человеку приписываете! Уверяю вас, что он человек самой доброй. Нет! сказал мне тогда один из них: мы говорим не шутя. Этот человек, котораго вы так полюбили, есть совершенный человеконенавидец.

После сего они начали мне разсказывать о поступках его с подчиненными своими. Признаюсь Л. Д. волосы у меня стали дыбом, когда я слушал их. Один говорил, что не пройдет ни одного дня, в которой бы он не отдул одного, а иногда пятерых из людей своих кнутьями и не влепил бы каждому ударов ста по три — и то еще за малую вину; то есть, ежели человек понеосторожности своей другаго, котораго наказывают, не по мыслям помещика ударит. Другой, перебив речь перваго, сказал: мне самому случилось однажды у него обедать; во время стола один из людей его, желая верно доказать господину своему холопское усердие, поставил любимой его борзой собаке тарелку со щами. Г. М. не знаю почему подумал, что щи слишком горячи; потому отдал приказ, чтобы в ту же минуту усердному лакею дали сто пощечин: сколько ни оправдывался бедной тот человек, однако был обвинен и наказан, потому что господину его угодно было зделать его виноватым. Сколь ни велико сие наказание, однако Г. М. тем еще не удовольствовался,

соскочил со стула, схватил тарелку и поднес ее мне, дабы я засвидетельствовал справедливое его взыскание. Но я, любя истину, отвечал ему, что щи не только не горячи, но даже и не теплы. Как! вы хотите потакать плуту? сказал он мне. Потом, затопав ногами, заскрежетав зубами, закричал страшным голосом: кнутьев... кнутьев... и бросился в след за слугою, котораго ухватя под руки, потащили на двор. Вдруг услышал я жалостнейший крик человеческий и хлопанье кнутьев; что продолжалось около четверти часа. Я хотел было тем временем вскочить из-за стола и бежать туда, где делали операцию, дабы убедить Г. М. чтобы пощадил беднаго человека; но жена его начала просить меня, чтобы я оставил намерение свое. Он хотя теперь и оставит его, сказала она, но после замучит. Я принужден был повиноваться ей. Посудите, мог ли я после сего проглотить хотя один кусок.

По окончании екзекуции, возвратился к нам хозяин, сел за стол и начал кушать с большим против прежняго аппетитом. Спустя минут с пять, явился и слуга, над спиною котораго тешились, и на ряду с прочими начал отправлять должность свою. По окончании стола Г. М. вздумал ехать на поле с охотою. Бедной сеченой должен был и тут исправлять должность охотника. Посудите же, есть ли тут человечество?

Я вам скажу еще другую штуку, подхватил третий: случилось мне однажды в летнее время у него ужинать. Вдруг вздумалось ему спросить жены своей, сколько послано за ягодами баб. Она отвечала: восемь. Спустя несколько времени, он опять сказал: пора бы им уже и быть. К нещастию две бабы пришли к столу, имея каждая по блюду с ягодами. Он при входе ея выскочив из-за стола, как бешеной, вскричал: как! вы только принесли ягод, ходя целой день? Бедныя бабы, испугавшись, ни слова не могли выговорить, и стояли как полумертвыя. Но он, не отступая от них, бил по щекам то ту, то другую, безпрестанно крича: ну-у-ну-у-го-во-ри!... за чем так мало? Но женщины сии стояли как будто бы окаменелыя. Тогда он, вышед из терпения, закричал по обыкновению своему: кнутьев! и пошел с ними на разделку. Хлопанье кнутьев и стон баб продолжались около полу-

часа. Я думал, что он уже бьет их на смерть; однако побои кончились, стон умолк, и он возвратился. Дуры, сказал он смеяся, сами себя бьют! Я думал, что оне все восемь набрали только два блюда; но, вышедши на двор, увидел, что там стояло еще шесть баб и каждая с таким же блюдом: так я и тех всех пощекотал в два кнута. За чтож? сказала тогда жена, когда они дело свое зделали исправно? Нет нужды! отвечал он: за то впредь принесут больше. Их не бить, и добра не видать! Я тогда не утерпел и сказал ему: таковая вина, какова сия была, не заслуживает и брани, не только наказания. Вы б, видя свою ошибку, могли их оставить в покое. Нет! отвечал он: я даром ходить не люблю.— У него только и радости, когда бьет людей своих!

Ваша правда, сказал тогда четвертый: однажды я ночевал у него; по утру, напившись чаю, я сел подле него и начал было кое об чем говорить с ним; но он встал со стула и сказал мне: я теперь похожу по двору, не найду ли кого нибудь, к комуб можно было придраться. До смерти хочется постегать кого нибудь. Пошел, и не прошло еще четверти часа, как уже слышан был вопль и стон.

И так Л. Д. мы оба служим теперь доказательством, что человек весьма удобно может ошибиться, судя об человеке по одной наружности. Я готов был присягнуть, что Г. М. человек самой честной; напротив того он совершенный изверг, чудовище, услаждающееся мучениями других. Я дал было ему слово побывать в доме у него, но теперь гнусным почитаю и думать об нем.

Помещик сей для того родился дворянином, чтобы иметь крестьян; а крестьян имеет для того, чтобы бить их. Вот вся польза, какую получает от него отечество!

Письмо XVII

Вчера был я приглашен на вечер к господину N. Собрание гостей было довольно не малое, и состояло из одних молодых людей. Я столько был весел, что не приметил, как прошло время. Около девятаго часу пришел еще к нам один молодой человек, и подошедши к собеседникам моим, которым, казалось, был очень коротко знаком, сказал им с веселым видом: «друзья! сказать ли вам радостную весть.» Что такое? отвечал ему один из них. Господин Банкометов теперь при деньгах; вчера по одному векселю получил он двадцать тысяч рублей. Пойдемте к нему. Он верно от игры не откажется, и денежки будут наши! я вам за то отвечаю. Есть ли с вами теперь деньги хоть тысячи с две, чтобы ими блеснуть ему в глаза? Без денег он играть никак не согласиться.— Тут все до одного заворошились, начали шарить по карманам и сказывать, у кого что есть. Кто двести, кто пять сот, кто семь сот, и наконец кое как собрали тысячу восемь сот рублей. «Довольно! сказал не давно пришедший гость: тысяча восемь сот рублей покажутся ему за десять тысячь. Пойдемте, медлить нечего. Естьли мы упустим теперешнее золотое время, то денежек Банкометовых не видать нам, как ушей своих.

Не бывавши никогда в обществе игроков, я очень мало знал о картежной игре, и мне любопытно стало знать, что они там будут делать; я начал просить тех, которые более других были мне знакомы, чтобы они и меня взяли с собой; на что они очень охотно согласились. Я не знал Банкометова, равно как и он меня: не смотря на то, как скоро мы пришли к нему в дом, он принял меня так, как бы я ему весьма давно был знаком, так что ни малейшей не было нужды в рекомендации товарищей моих.

Спустя несколько времени, один из гостей сказал Банкометову языком игроков: не метнуть ли на право и на лево? Да деньги есть ли с вами? ответствовал он, ни мало не подумав. Затем не станет! подхватил другой: на

первой раз у нас около пятка тысяч будет; а в случае нещастья принесем еще столько. А когда так, сказал Банкометов, так дело сделано. «Малой! стол и карты!» что в ту же минуту было подано. Хозяин сел и начал метать банк, объявя, что он отвечает на пять тысяч рублей, которые тогда же вынес. Игроки сели вокруг его и начали пунктировать. Сначала щастие служило хозяину, и он в короткое время выиграл у них около тысячи; чему я несколько порадовался, потому единственно, что они, не принявшись еще с ним играть, разщитывали уже, кому что достанется из выигрыша. Самохвальство ваше, думал я, было достойно наказания — и теперь наказано.

Но в эту же минуту игра, точно как нарочно, взяла совсем другой оборот,—во вред хозяина. Он проиграл не токмо весь выигрыш, но задел и своих собственных около трех тысяч рублей. Далее, чем больше проигрывал, тем более входил в азарт; а чем более горячился, тем более проигрывал. Мне кажется, он вспыхнул бы, или, превратясь в пары, улетел на воздух, естьли бы игра еще чрез несколько минут не кончилась. Тут сильной жар игрока страстного в одно мгновение потушен был в нем холодностию и раскаянием игрока промотавшагося: ибо около полуночи все двадцать тысяч рублей были уже в руках у пришедших со мною приятелей его, с которыми они благополучно отправились по домам, оказавши Г. Банкометову все знаки искренности и оставя его ожидать будущих благ.

Вышедши за вороты, они начали поздравлять друг друга с выигрышем и всячески издеваться над глупостию Банкометова. Порадуйтесь и вы нашему щастию, сказал мне один из них. Извините, я желал вам противнаго, ответствовал я, потому что вы так много надеялись на свое щастие. Мы и не ошиблись! подхватил другой. Правда! но начало игры не предвещало вам ничего добраго. Мы нарочно так вели, чтобы его сначала не обезкуражить, и чтобы он не перестал играть. А когда нам надобно было зделать по своему, тогда мы и употребили игрецкую хитрость. В чем же состояла хитрость ваша? спросил я его. А вот в чем: когда мы приметили, что уже довольно его потешили, тотчас потребовали новых карт. Слуга, будучи нами подкуплен, подал не свои, а наши карты;

которыя мы по приходе своем ему отдали; и которыя все до одной были перемечены.

Банкометов же, не подозревая человека своего, подумал, что щастие, обыкновенно переменяясь, на тот раз на время его оставило, и ласкаясь надеждою, что оно опять будет ему благоприятствовать, продолжал играть. Не всегда ли вы так делаете? спросил я, досадуя на самого себя, что имею знакомство с картежными игроками. А как же бы вы думали? отвечал он: и с нами так же поступают; в игре кто кого обманет, тот и прав.

Я проклинал внутренно подлое ремесло их и поступок с Банкометовым; но пособить было нечем: дело зделано. Разбойники оставляют иногда что нибудь ими окраденному, а игроки отняли все до последней полушки у приятеля своего Банкометова.

Я подумал, что они. человеку, помогшему им в плутовстве, дали по крайней мере ста два рублей; но вообрази мое удивление, когда услышал от них, что дали ему только двадцать пять рублей; — и за такую сумму сей бездельник пожертвовал едва ли не всем капиталом помещика своего. — Вот до какой подлости могут доходить люди, преданные сребролюбию! Об самих игроках я не скажу ни слова, потому что не нахожу слов, которыми бы можно было выразить всю гнусность страсти их к игре.

Письмо XVIII

Сей час готовлюсь я ехать на свадебный пир к господину Высокомерову, который выдал дочь свою за господина Безвыгодова, отставного небольшей руки Офицера. Многие из здешних жителей особенно степенныя старушки, разсуждая о новобрачных, не стыдяся проговаривают, что Г. Высокомеров проквасил в девушках дочь свою; поелику ей исполнилось уже тридцать четыре года. Многие достойные женихи сватались

за нее во время ея молодости, но Высокомеров каждому из них отказывал с презрением: иной, по мнению его, был не хорош, другой стар, третий глуп, четвертый не богат, пятый не знатен, и так далее. А жена его совершенно не могла уставить никакой цены себе и дочери своей; потому не токмо не хотела слышать никаких предложений о замужестве дочери своей, но даже публично поносила всех осмелившихся адресоваться к ним женихов, не разбирая ни породы, ни достоинств их; чем возбудила она всеобщее к себе презрение и ненависть.

Таким образом, спесивая дочька их, упустя цветущия лета свои и приметя, что красота ея мало по малу увядает, и что молодые женихи вовсе ею не занимаются, начала чувствовать скуку — скуку девичью. Чтобы разсеять ее, она повсеминутно гадала в карты о супружестве своем; но и карты, кажется, так же, как женихи издевались над ея легкомыслием: ибо избираемые ею короли не токмо отвращались от назначенной им дамы, но еще всегда ложились между пиковой масти, а тем увеличивали досаду ея. Это почитается за худой признак!

Наконец карты стали ложиться лучше; невеста стала повеселее. Тогда один приезжий бедняк, а именно Г. Безвыгодов осмелился присвататься к ней, и был столько щастлив, что не был подобно прочим обруган и не получил отказа; однако же Г. Высокомеров, желая и в сем случае выказать важность свою, сказал жениху, чтобы он взял терпение по крайней мере на год, представляя ему, что некоторыя обстоятельства не позволяют им прежде означеннаго времени выдать дочь свою. Безвыгодов согласился на сие требование и без дальних хлопот обратно отправился в полк (тогда он был еще в службе), взяв с них обещание, что к назначенному времени дадут ему чрез письмо решительный ответ; и он тогда же, взявши отставку, возвратится для получения руки дочери их. И тот и другой довольны были сею отсрочкою потому единственно, что им хотелось друг друга провести: Безвыгодов надеялся в это время найти лучшую для себя невесту, а Высокомеров — приискать для дочери своей лучшаго жениха.

Но правду говорят: суженаго не обойдешь, не объедешь: сколько ни старался Высокомеров ласковым своим

обхождением заслужить любовь и доверенность молодых людей, все они, наслышавшись о гордости его, а равно и о том, что дочь его уже в летах, старались избегать коротких с ним связей, и на ласки его отвечали всегда одною холодною учтивостью. Отчаявшись получить желанной успех, он принужден был решиться приступить к исполнению обещания, данного Безвыгодову. На сей конец он объявил дочери своей, что известный ей человек, то есть Безвыгодов, который за несколько пред сим проезжая чрез их город, был у них в доме, делает ей честь и за щастие почитает получить ея руку. Выслушавши сие, она начала отговариваться, представляя главнейшею тому причиною во первых бедность его, во вторых нискость чина, в третьих незнатность рода; что подтверждала и мать ея, желая тем потешить любезную дочку свою. Но Высокомеров, будучи при всей своей гордости разсудителен, представил им убедительнейшия доказательства в опровержение их мнения. Друг мой! сказал он дочери своей, тебе нечего более ожидать: естьли ты пропустишь этот случай, то на всю жизнь останешься в девках; избери любое. На всю жизнь... как поразительны сии слова для гордой невесты! Подумав несколько времени, и видя, что никому не нравится, сколько ни старались вытягиваться пред приезжающими в дом их гостями, решилась наконец просить отца своего о вызове Безвыгодова.

По получении известия, Безвыгодов не замедлил взять отставку и приехать к ним. Однако же, верно будучи кем нибудь настроен (потому что самому ему, кажется, этого не выдумать) объявил нареченному тестю своему, что он не иначе согласится взять за себя дочь его, как разве он к обещанным в приданое пятидесяти душам прибавит еще двадцать, в противном случае он будет искать щастия своего в другом месте.

Высокомеров, видя, что зять его не столько помышляет о дочери его, сколько о ея имении, хотел отказать ему, упрекая жену свою и дочь, что они сами от себя, от своей глупости упустили женихов, из коих некоторые хотя столько же, как и сей были недостаточны, однако искали человека, а не богатства. Тут почувствовали они ошибку свою и раскаялись — но уже поздно. Чем более изыскивали они средств пособить горю своему, тем

более их не находили. — Делать нечего! невеста сама начала просить родителей своих, чтобы выдали за Безвыгодова требуемыя им семдесят душ, а в приданое дали бы хоть ее. — Вчера совершилось бракосочетание их.

Г. Безвыгодов самый безвыгодный человек. Славное наказание за гордость! — Дай Бог, чтобы сим и кончилось! Беда, ежели не будет у них между собою и согласия!

Пусть гордящиеся богатством отцы и матери, и девицы, тщеславящияся красотою своею, посмотрят на сей пример и научатся искать щастия своего не в богатстве и гордости, а в сердечной любви и согласии.

Письмо XIX

Кажется мне, что Г. Высокомеров почел бы весьма неприятным для дочери своей предзнаменованием, естьли бы на свадебном пиру ея не было хотя одного гостя высокомернаго, гордаго; к сожалению их было довольно: на всех их смотреть было гадко: но мне особенно приметен стал один молодой человек, сын одного живущаго здесь богатаго помещика, занимающаго первейшую должность изо всех тех, которые только зависят от выбора. Он так надут гордостию, что, мне кажется, скоро лопнет. Сперва подумал я, что он гордится отцовым чином; но совсем не то: он почитает себя превыше всех смертных, потому единственно, что учился у троих учителей, которых отец его содержал у себя для его воспитания, и ничего не знает. Поверишь ли, любезный друг! ученик трех учителей, как говорится, не умеет и трех перечесть, не умеет сказать кстати слова, не умеет даже шагнуть. Лишь только он взошел, то зделал всем гостям, в разных местах сидящим, общий поклон, состоящий совсем почти в неприметном наклонении головы; потом остановился, дабы хорошенько разсмотреть, где ему приличнее сесть.

Тут к удовольствию его одна почтенная дама встала с своего места, дабы поговорить тихонько с другою. Увидя место сие праздным, и думая, что севши на него, он будет важнее всех, бросился на него как гончая на зайца. Дама, окончив разговор свой, хотела опять занять свое место; он увидя на нем сидящаго господина недоросля, принужденною нашла себя избрать другое между мущинами. Недоросль не сел с мущинами, которых он почел весьма мелкими в сравнении с собою, верно из сожаления, чтобы не подавить их важностию сана своего и не ослепить блеском премудрости своей, которой он набрался от Французских, Немецких и Италианских кучеров, своих учителей. Но после, видно огорчася, что дамы не сделали ему должнаго приветствия и не входили с ним в разговор, встал с своего места и начал ходить в зад и в перед по комнате с тросточкой в руке, с лорнетом в другой, думая важною, искусною своею выступью удивить всех, и удивил; потому что никто так удачно не мог бы представить пляшущаго медведя.

Приметя, что я разговариваю с отцем его и другими гостями, подошел ко мне так близко, что едва не опрокинул меня вместе со стулом. Я хотел попросить его, чтобы он, ежели угодно, упал сам вместо меня; но он, наведши на меня око зрячих — слепых модников, начал осматривать меня с головы до ног, и тем привел меня в смех. Правду говорят: на дураке, что на пьяном, взыску нет. После сего я начал по прежнему продолжать не упомню какую-то материю, об которой мы прежде говорили. Но недоросль наш, верно желая доказать, что он имеет и язык (ибо он до сего времени только сидел, ходил, глядел и морщился), сказал, улыбнувшись по лошадиному: не правда, государь мой! этого быть не может; я слышал, не помню только от кого, что в некоторой книге о сем написано совсем иначе, нежели как вы говорите. Выговоря сие, он опять приложил к глазу лорнет и начал смотреть на меня пристальнее прежняго, желая верно хорошенько разслушать ответ мой. Я, желая освободиться от дальнейших его противоречий, сказал ему: советую вам, государь мой! не оспоривать того, что я сам во многих книгах читывал, и может быть прежде, нежели вы на свет родились. Он отошел от нас, кривляясь подоб-

но обезьяне, когда скажут или сделают ей что нибудь неприятное, и пристал к кругу барышень, которыя при виде его подняли громкой смех и начали издеваться над ним, как над шутом. Он, почитая сие за доброе их к себе расположение, вздумал продолжать проказы свои далее: сорвал с одной из них шаль, и окутавшись ею, сел между ими; посидев не много, подошел к мущинам и садился к некоторым из них на колени. Наскучивши его глупостями, некоторые начали говорить довольно внятно, что доброй отец мог бы унять такого глупаго повесу. Не смотря на то, отец его занимался только самим собою и почти безпрестанно нюхал табак. Да и как может Руской, хотя он и отец, учить чему либо того, кого учили иностранные учители? Это была бы самая неизвинительная и грубая погрешность противу правил вежливости и вкуса!

Вот отец, который истратил множество денег на учителей для того только, чтобы сын его зделался примерным дураком; и вот сын, который достигши самаго вышшаго степени совершенства в дурачестве, не старается отблагодарить отцу своему за попечения о его образовании, потому что он очень мало слушает отца своего, сказал один из гостей. А это-то и есть лучшая благодарность! возразил другой.

По моему мнению, оба они сказали правду. Нещастны отцы, имеющие худых детей; но несравненно нещастнее дети, имеющие худых отцев!

Письмо XX

С давняго времени семейство господина К. и господина Н. жили в совершенном между собою согласии. Никто не мог представить, чтобы они когда нибудь между собою поссорились; однако вчерашняго дня, к общему всех удивлению, это случилось. Г. К. явно жаловался на семейство Г. Н. будто бы оно при некоторых людях по-

рочнейшим образом поносило честь дочери его, которая не давно вышла за муж; к чему не токмо он сам, но ниже одна душа из домашних его не подали ни малейшаго поводу.

Услышавши сие, некоторые из приятелей его начали ему доказывать, что честь благороднаго человека в сем случае весьма много терпит, и что он очень худо поступит, естьли таковую обиду оставит без отмщения. Напротив того я старался всячески убедить его, чтобы он примирился с Г. Н. но как Г. К. живейшим образом чувствуя причиненную ему обиду, и разстроиваем будучи представлениями других, мало на предложение мое соглашался, то я начал советовать ему, чтобы он по крайней мере помедлил сердиться на Г. Н. доколе не изследует в точности всего дела: на сей конец я предложил ему, чтобы он, как должно благородному человеку, при удобном случае сделал за сие Г. Н. публичный выговор. Совет мой ему понравился, и он сего же дни выполнил его. «Государь мой! сказал он господину Н. будучи в гостях у одного из здешних дворян, до сведения моего дошло, что вы и домашние ваши явным образом поносите честь дочери моей, которая не давно выдана за муж. Подтвердите теперь при многолюдном собрании то, что вы сказали при нескольких людях. Будьте уверены, я не взойду с вами в жаркой спор, чтобы доказать невинность дочери моей. Всем известная честность ея сильна опровергнуть всякое ваше злословие. Мне хочется только узнать, в самом ли деле вы виноваты; или может быть сия девица вздумала позабавиться на наш щет, поссорив нас между собою.» Тут указал он на одну, находившуюся в сем собрании барышню, которая, не слыхавши разговора их, безпрестанно перебегала с места на место и шептала то с той, то с другой из подруг своих.

«Уверяю вас честию, сказал Г. Н. что мы не токмо не говорили ничего худаго об вашей дочери, но даже и в помышлении того не имели. Мы сами хотели сказать вам то же самое, что сказали вы мне. Сия же самая девица за секрет разсказывала мне, что вы неоднократно называли меня бездельником, приписывая мне такия скаредныя дела, каких я и не воображал никогда: это правда ли?»

При сих словах Г. К. с восхищением обнял друга

своего и просил у него прощения в своей легковерности. «Я прощаю вас! сказал Г. Н. но только с тем условием, чтобы и вы меня простили. Я не менее вас был легковерен».

Потом подошли они к отцу той барышни, которая съиграла с ними сию странную комедию, и начали просить его, чтобы он запретил дочери своей заводить такия сплетни. Чувствительный дворянин, услыша сию неприятную весть, переменился в лице и едва не заплакал с досады. В ту же минуту подозвал он дочь свою и сказал ей сердешным, но отеческим голосом: «слышала ли ты, что говорят об тебе. Г. К. и Г. Н. Ни полуслова не слыхала папинька! От. Знаешь ли по крайней мере, сколько ты их оскорбила? Дочь. Я совсем не знаю и того, чем могла оскорбить их. От. Говорила ли ты Г. К. что Г. Н. говорил много худаго на щет дочери его?

Дочь. По чести, ни полу-слова!

От. Говорила ли Г. Н. что Г. К. называл его бездельником? Дочь. Клянусь вам, папинька! я знать ничего не знаю!

Госпожа К. видя, что одних словесных доказательств не довольно, чтобы уверить дворянина отца в подлом поступке дочери его, (ибо редкая дочь и редкаго отца не уверит в невинности своей и самыми ничтожными доказательствами), встала с своего места, и вынув из кармана записочку, подала ему, сказав: «прочитайте, и вы увидите, правду ли мы говорим. Нещастная! вскричал растроганный отец на дочь свою: ты имела безстыдство не токмо говорить о Г. Н. но даже писать... Удались отсюда, чтобы присутствие твое не терзало сердца моего напоминанием о безчестном поступке твоем. Не надейся и впредь быть когда либо допущенной в благородныя собрания. Всеобщее презрение и ненависть будут всегдашними твоими собеседниками, доколе ты глубоким раскаянием и хорошим поведением не загладишь зделанного тобою проступка.»

Сколь безстыжа ни была барышня сия, однако слыша страшныя угрозы отца, смутилась и начала плакать; но он, не смотря на ея слезы, повторил угрозы свои и велел лакею отвести ее домой.

Молодыя подруги ея вывели из сего случая полезное

для себя нравоучение. «Ах! сколь пагубна для нашей сестры болтливость!» шепнули одна другой на ухо. «Ты верно тронулась тем, что девицу... за болтливость выгнали из собрания? ответствовала та: в этом виноват больше отец ея. Да и она не права: не глупа ли она, что умевши поссорить двоих простаков, не успела зделать безделицы, а имянно, схоронить концов. Я бы так сделала, чтобы сто человек перерезались и не узнали, кто их стравил.

Между тем один из гостей подошел ко мне и задал следующий вопрос: «у вас, мил. госуд. в большом свете есть ли подобныя сей девушки?» Нет, или по крайней мере очень мало, ответствовал я. О! так мы можем хвалиться перед вами! вскричал он с восторгом. Очень можете, отвечал я. Какаяжь бы этому была причина? сказал он поморщившись с важностию. Причина та, отвечал я, что у нас должность смутниц и переносщиц вестей отправляют большею частию пожилыя женщины. Чем же занимаются девушки? возразил он. «Женихами, любовниками; а когда наскучит им чесать Амуру кудри, перебирают скляночки с духами и проч. Он пошел от меня, доволен будучи моим ответом; а я рад был тому, что дал ему надлежащее понятие о девицах большаго света, об которых здесь, в мелких городах, по невежеству своему, не очень хорошо думают!

Письмо XXI

Дни с три тому назад ездил я с одним приятелем своим в село господина П. который принял нас и угостил очень хорошо. Угощение состояло большею частию в одних извинениях хозяина. Извините меня, твердил он безпрестанно, что я угощаю вас по деревенски. В самом деле, все было деревенское: деревенской дом, деревенской хозяин, деревенская хозяйка, деревенские дети. Все они хороши; но дети, из коих одному десять, а другому одиннадцать лет, такие соколы, что едва ли не перещеголяли

самого записнаго повесу — Митрофана Трифоновича. Это ни мало не удивительно, что они перещеголяли чучелу, Митрофана: таких щеголей весьма много; но то странно, что при них живет издавна знакомый мне весьма исправный учитель. В продолжение стола дети делали различныя шалости, и учитель, сидя подле них, не сказал им ни одного слова. Вот что меня удивило!

По окончании стола я подошел к учителю и по старинному моему с ним знакомству сказал ему: «я удивляюсь, госуд. мой! что вы будучи человек всегда к должности своей рачительный, строгий и любящий благопристойность, позволяете воспитанникам своим делать такия шалости. Не удивляйтесь! отвечал он: родители их с нами же были, поступки их видели: но так же, как и я, не сказали им ни слова. Будьте уверены, что шалости их для них приятнее, нежели скромность и вежливость. Не ошибаетесь ли вы? возразил я: может быть родители потому только ни во что не вмешиваются, что поручили воспитание детей своих совершенно вам? Совсем напротив, отвечал он: они мне настрого запретили учить детей своих благопристойности в поведении. Едва ли можно найти таких родителей, которые бы детям своим желали прямо зла, сказал я с некоторым неудовольствием. Быть может! отвечал он: но здешние родители точно таковы; я докажу вам это опытом.»

Не успел он выговорить слов сих, как старший ученик его подскочил к столу, схватил тарелку с вареньем и начал кушать его с чрезвычайною торопливостию, как будто бы кто его погонял, или грозил вырвать у него из рук тарелку. Опорожнивши тарелку, он бросил ее на стол так сильно, что она, перевернувшись раза с три, слетела на пол и разбилась в дребезги.

Учитель, желая доказать справедливость сказанного им, взял ученика своего за руку и отвел от стола. Приметя сие, Г-жа П... воспылала материнским гневом и закричала на учителя: «а вам какое дело жалеть чужаго добра? Слава Богу! тарелок у нас довольно. Пусть он бьет их на здоровие! Хоть все перебей, мы других купим.» Не о тарелках дело сударыня! отвечал он: я знаю, что у вас их довольно; но не худо, кажется, было бы, естьли бы дети ваши знали благопристойность. Благопри-

стойность... подхватила с язвительною усмешкою Г-жа П, вот еще какой мудрец! хочешь учить благопристойности; разве сами мы не знаем ее? — Мы не подряжали вас учить детей своих благопристойности. Так вы и знайте один свой Французской язык!» — Учитель замолчал, и взглянув на меня, улыбнулся.

Ну! Правду ты говорил, подумал я сам в себе: дети Г. П. в школу твою вступили поросятами, а из нее выдут взрослыми свиньями. Между тем в другой комнате послышался мне пронзительный крик; я приложил ухо и услышал, что меньшой сын Г. П. бранит слуг своих отборнейшими ямщичьими словами. Прошло около четверти часа, но он не перестовал читать похвальныя речи свои всем попадающимся ему в глаза. Наконец дядька, приставленный ходить за ним, взошел к нам и принес жалобу Г-ну П. Сей не говоря ни слова сыну своему, пошел вон, сказав дядьке: «поди за мной!» По выходе их Г-жа П. сказала с насмешливым видом: по делам вору и мука! — Я думал, что Г. П. пошел наказывать сына своего за учиненную шалость; потому начал просить Г-жу П. чтобы они на сей случай хоть для меня простили ему сию небольшую вину. «Нет, гос. мой! сказала она: ежели дать им потачку, они готовы и Бог знает как изувечить детей наших. Никто, они же виноваты, что дети знают такия ругательныя слова. Им бы не от кого их услышать и перенять!» — Тут-то я узнал, что повели наказывать не молодаго барина, а престарелаго дядьку его; но что делать, видно того требует правосудие!

Спустя несколько минут, виновник зла сего вбежал к нам, и приближась к брату своему, с радостным видом сказал ему довольно громко: братец! братец! ведь дядьку-то нашего батюшка высек, и он божился, что никогда ничего, чтобы мы ни стали делать, не будет на нас сказывать ни ему, ни матушке. Теперь-то нам будет воля! — качай во всю Ивановску.—Сказавши сие, пошли они в другую комнату, передражнивая дядьку своего, как он кричал и вертелся под плетями; чем очень насмешили родителей своих, которые осыпали их похвалами за таковую переимчивость. Как я буду настоящим барином, сказал меньшой брат, так стану сечь людей еще больше, нежели батюшка. «Так и должно! отвечал другой: я часто

слыхал от матушки, что без побой от них и добра не видать; а бить их ни чуть не грех: лакей хуже собаки.» Вот настоящия дворянския чувствия, подтвердил меньшой.

Я советовал учителю оставить этот дом, хозяин коего поставляет преимущество свое пред лакеями в том только, что подобно сильному скоту может бить скотов слабых. Я давно намерен, сказал он, это сделать: доживаю только год. Вы можете представить, сколько должен я перенесть огорчений и от учеников своих! ежели во время учения случится мне зделать им выговор за неисправность, они тотчас расплачутся, заверещат сколько есть силы. Отец и мать прибегут как бешеные, начнут упрекать меня, что обременяю детей их ученьем, довожу их до слез, причиняю им головную боль, на которую они ежедневно жалуются, и которая им препятствует учиться, и проч. и проч.

Любезный друг! ты может, прочитавши описание сих дворянчиков, скажешь с Г. Правдиным, что их ничто не может исправить, кроме военной службы: средство доброе, надежное! — но, к сожалению, Митрофан и в отставке таков же, каков был в недорослях. Как бы то ни было, по моему мнению дети Г. П. ежели проучить их под ружьем, могут зделаться несколько оборотливее, вежливее; но ничуть не человеколюбивее. Будучи простыми дворянами, они почитают людей своих хуже собак; какова же будет участь сих бедных людей тогда, когда господа их зделаются дворянами Офицерами?

Письмо XXII

Л. Д.

Дело мое касательно удержания за собой известной тебе деревни кончилось благополучно. Я с радостию оставил город, где обстоятельства заставляли меня входить в сообщество с людьми разнаго покрою, с худы-

ми и нехорошими, которых ты, я думаю, знаешь по моим описаниям: господин Д... узнавши, что я расположился ехать по тракту к городу М. заложил дорожную повозку и поскакал за мною в след. Целой день ехали мы вместе, разговаривали об разных материях, но ни разу не спросили друг друга, куда кто едет. На другой день, когда мы проезжали чрез одно село Г. Д. остановил меня, сказав: «здесь надобно нам погостить.» У кого? спросил я. «У моего зятя, ответствовал он. Я не имел никакой причины отговариваться. Г. Д. на двор, я за ним; Г. Д. в дом, я за ним. Зять его, человек вежливой и, как видно будет после, весьма хороший економ.

Сначала разговоры наши были просто учтивые; но как мы за столом и после стола опорожнив несколько бутылок с лучшими винами, стали гораздо повеселее, и разговоры наши зделались живее, откровеннее; Г. Д. начал выхвалять ум и хозяйственность зятя своего, доказывая тем, что он в весьма короткое время к пятидесяти душам, доставшимся ему в наследство, умел присовокупить еще до тысячи душ. Я подивился такой премудрой економии и из любопытства спросил хозяина: «какия употребили вы средства к толь скорому обогащению: я думаю, что они должны быть очень хороши и достойны замечания.» Я ласкаюсь надеждою, что они вам не понравятся, отвечал он, восхищен будучи похвалами тестя своего: родитель мой скончался за двенадцать лет перед сим, оставя мне в наследство только пятьдесят душ. Я, получа отставку, и приехавши сюда, разчел, что получаемым с сих душ доходом никак не можно будет мне содержать себя по приличию; почему принужден был изобретать разныя средства к умножению доходов своих. Одно из них, самое первое, так мне понравилось, что других я вовсе не употреблял, да и употреблять не намерен. По приезде своем выбрал я из пятидесяти душ десять человек, годных в рекруты, и продал их економическим крестьянам, которые тогда находились в крайности в разсуждении поставки рекрут, за десять тысяч рублей. На сии деньги купил целую деревню с тридцатью душами. Следственно двадцать душ и земля, принадлежащая к новой деревне, пришли мне даром. Из сей новой деревни таким же образом продал я восемь душ, за которые

взял семь тысяч пять сот рублей. На сию сумму купил я еще сорок две души, по причине крайней нужды продавцу в деньгах. И так я выбарышничал себе 34 души с землею. Продолжая таким образом торг свой, я в несколько лет так увеличил число крестьян своих, что в состоянии был продать вдруг 46 человек. За тридцать четыре тысячи пять сот рублей, за них полученные купил я вдруг 200 душ. В течении двенадцати лет сверх всех хозяйственных издержек приобрел я девять сот пятьдесят душ и сто двадцать пять тысяч рублей наличными деньгами. Вот, государь мой! продолжал он, каким образом достиг я теперяшняго состояния, которым, признаюсь я очень доволен.»

«Государь мой! сказал я ему, выслушав историю его, которую он разсказывал с веселым и торжествующим видом, но которую я слушал с сердечным содроганием, потому что она весьма живо напомянула мне о печальном произшествии в деревне Н. я: «вы очень хорошо успели в своем предприятии: но помыслили ли когда нибудь о тех горьких слезах, которыя проливали отцы и матери, разставаясь с детьми своими, и которыя проливали дети, разставаясь с своими родителями? Не токмо думал, сказал он усмехнувшись, но многократно видел, как они текли по замаранным лицам их. Забавное зрелище! естьли бы вы поглядели на них в это время, или хоть издали послушали, как ревут тогда женщины, верно бы насмеялись вдоволь».

Можно ли с большим отвращением и ужасом слушать Дагомайца *, когда он, вышедши на улицу, начнет похваляться пред товарищами своими, что половину плененнаго им неприятеля скушал на обеде, а другую оставил на ужин? Однако я скрепился и сделал ему почти тот же самой вопрос, только другими словами, в роде шутки: «сколько бы не плакали матери об детях, жены об мужьях, однакожь они верно менее на вас жалуются, нежели молодыя девушки, которых вы лишили женихов?» Совсем нет! отвечал он: у меня было положено, ежели отец хочет удержаать при себе сына, а другой выдать за

---

* Дагомайцы, народ, живущий в глуши Африки, и имевший обыкновение пожирать неприятелей, взятых в плен.

него дочь свою, то они, сложась по согласию, вносили мне тысячу рублей. С иных я брал и менее, смотря по достатку. Впрочем богатые всегда дополняли сумму, уступленную бедным. Мне кажется, это распоряжение очень хорошо, потому что я и деньги получал, и крестьян не терял.»

Выговоря слова сии, он поднес мне стакан шампанскаго; но я с ужасом отрекся от него, извиняясь головною болью. Мне казалось, что стакан сей наполнен слезами и кровию нещастных крестьян его. В ту же минуту я простился с ним, сказав, что имею важное дело, которое не терпит ни малейшей медлительности, и прощаясь просил Бога, чтобы он избавил меня от вторичной встречи с сим великим економом.

Письмо XXIII

Нынешнюю ночь провел я в деревне, принадлежащей Г. И.... которая лежит верстах в 25 от М. В отведенной мне для ночлега избе приметил я под лавкою порядочной величины связку бумаг, которыя от пыли и копоти совершенно почти изотлели. Мне известно было, что хозяин не умеет грамоте, и не зная почему полюбопытствовал знать, что это за бумаги? Не твои ли это бумаги? спросил я хозяина. Нет! отвечал он. Чьи же? Не знаю: лет с двадцать тому назад, как я, ехавши из города, поднял их на дороге. И ты до сих пор их бережешь? Да куда же их девать? с рук никто не снимает; сами читать не умеем, а сожечь будто как жаль: так лежат, да лежат. Я взял несколько листов и начал разсматривать. Они писаны старинным, или, как говорят, приказным почерком! Это, как я догадываюсь, были записки какого нибудь путешественника. В них нашел я следующую достойную любопытства статью: «Варварство старинных веков не вовсе еще, или по крайней мере не во всех местах прекратилось. Я не верил прежде разсказам о со-

держателях постоялых дворов, будто бы многие из них, особливо живущие в лесных местах, имели обыкновение умерщвлять проезжающих, чтобы завладеть их имением; но я теперь никак не могу не верить. Я лично видел сих ремесленников и слышал ужасные их разговоры, которые помню слово в слово. В деревне, где я остановился, был праздник. У хозяина было множество гостей. Сначала, пока они были только веселы, разговаривали между собою — шумели; но как скоро напились, по выражению их, до зарезу, начали спорить, браниться, упрекать друг друга всем тем, чем кто мог, или кто что знал. Что ты, брат, величаешься? сказал один из них товарищу своему, осердясь на него за то, что он не принял подносимаго ему стакана вина: али ты думаешь, что ты лучше других? я знаю, как ты с детками своими — помнишь — вставши пораньше, выехал в лесок, да втискал одного проезжающего в реку. Я тебе не смехом говорю: ты бы пропал, как мясной червь, естьли бы не выручил тебя староста, дядя мой, Федор Парамонов. А что сделал мне дядя твой? отвечал сей, напрягши все свои силы: ибо он столько был пьян, что совсем почти не мог и говорить. Как что? подхватил первый: разве ты забыл, что он отвел от тебя подозрение, сказав погоне, что в это время он послал тебя за мирским делом совсем в другою сторону. По щастию тогда в наших краях шатались три беглые солдата: беду увалили на них, а ты стал прав, как будто не твое дело.

Обвиняемый так мало трогался укоризнами товарища своего, что слушая его, уснул спокойно, облокотясь на стол. Да и сей в то же мгновение успокоился, как скоро подали ему большой ковш пива.

Между тем началась другая ссора от столь же маловажной причины, как и первая. Ей, Гур Филатов! сказал один весьма пьяной гость другому пьянейшему, не спорь со мной! я вить при пожаре был и видел все, что у тебя было. Ну, что ты видел? сказал ему тот сердитым голосом. А вот что, отвечал первый: помнишь, как загорелся у тебя задний сарай, и ты просил всех, чтобы его не тушили. Не тушить, так не тушить, сказали бывшие при пожаре и отошли прочь. Не правда ли. Ну, так сарай твой сгорел. Спустя несколько времени идучи по этому

месту, где он стоял, я приметил место, взял кол, разрыл пепел. Что в ней было? — тото брат! Я нащитал человеческих голов одних больше полутора десятка. Скажи-ка, как они туда зашли? Но сей, приметно струсивши, дал ему руками знак к молчанию, сказав: что, брат, поминать про старину? кто бабушке не внук? Такие ли ныне у Бога дни, чтобы ссориться, дай-ка выпьем. Хозяин! хозяин! что ты загляделся? подноси! Хозяин тотчас подал им по большому стакану вина. Они выпили, и к несказанному моему удивлению, потушили вином пламень гнева своего.

Вскоре потом учинилась третья и важнейшая ссора. Один из пьяных сказал своему соседу, подле него сидящему, на котораго он, как видно, издавна имел неудовольствие: Евстафей Сидоров! не честной ты человек предо мною: ты меня больно обидел в дележе, сам знаешь в каком... с другими ты поделился, а меня так обошел. Добро, помни! я и сам буду таков! — Полно врать! отвечал Сидоров: мы и сами, брат, не многим попользовались. Потом они так долго перекорялись и так разсердились друг на друга, что дошло дело до драки, а наконец и до ножей. Я с помощию человека рознял их, и возстановя тишину и спокойствие, спросил сего спорщика: верно вы имеете важную какую нибудь причину ссориться между собою! Как бы не важную, отвечал он, так стал ли бы я так много сердиться! Лет за пять перед сим сманили мы с прочими товарищами у одного помещика, живущаго в городе, девку. Она, обокрав своего барина, пришла к нам в деревню. Мы хотели было ее отвести подалее и выдать с хорошим награждением за муж; но узнав, что она принесла с собою слишком тысячи на четыре, пожалели упустить это добро в чужия руки — да чтобы не отыскали как нибудь следов: ну, так вестимое дело! скрыли концы — то с камишком в воду. Я больше всех в этом деле хлопотал, и при всем том этот бездельник ничего мне не дал, так не досадно ли? — Выговоря сие и как будто пробудясь от глубокаго сна, начал осматривать меня с головы до ног; потом вскричал с изступлением: ба! да с кем я говорю? Я хотел засвидетельствовать, что он говорил; но не кем было. Все бывшие тут были одной шайки. Он, проникнувши намерение мое, ска-

зал мне с зверским видом: ты не думаешь ли прижать меня, барин? Так я тебе ничего не говаривал. А после пусть жилы все из меня вытянут, я знать ничего не знаю! Тут начали они смигиваться и делать друг другу ужасныя мины. Я догадался, что стою от смерти своей на один только шаг; трепет овладел сердцем моим; однако сей же самой страх смерти зделал меня добрым — отважным. Я указал им на саблю и пистолеты, которые при мне были, и не говоря ни слова, вышел на двор, сел в повозку и удалился от сего вертепа разбойников. Как жаль, что не льзя мне было в скорости приехать в город и объявить полиции о сих извергах; но Божие правосудие когда нибудь их покарает!»

Ежели это не выдумка какого нибудь праздношатающагося марателя бумаги, так ужасная истина! Я не понимаю, каким образом человек, который имеет при себе саблю, пистолеты и в добавок человека, мог замешаться в собрании толико подлых людей. Впрочем никак нельзя непочесть сего за истину: народныя предания подтверждают сие произшествие произшествиями в тысячу крат ужаснейшими. Вот до какой степени корыстолюбие ожесточает сердца людей!

Письмо XXIV

Ты просил меня любезный друг, прислать тебе подробное известие о смерти доброй, нещастной помещицы Е., которую ты, знавши почти по одному слуху, так много любил и почитал. В само деле она очень достойна любви и почтения: она была умна, ласкова, добросердечна, не горда, управляла подчиненными своими как мать. Это подтвердили сами убийцы ея, сказав в допросе: «она нам была не барыня, а родная мать.» Когда спросили их: для чего же вы убили такую госпожу, которая была вам мать? Так грех попутал, ответствовали они — обыкновенное извенение раскаявшихся злодеев! «Она, приба-

вили они, расположилась поселиться в нашей деревне навсегда. Жить в одной деревне с своей помещицей нам показалось что то дико, потому что прежде ее ни один помещик в нашей деревне не живал; больше не чем ее винить.

Смерть ея, по показанию сих же злодеев, случилась следующим образом: убийцы, крестьяне ея, собравшись в довольном количестве, пришли к дому ея в ночное время и отправили к ней старосту, котораго она особенно пред прочими жаловала, будто бы для принятия от нее обыкновенных приказов. Она, сделав ему легкой выговор, что так поздно пришел к ней, отпустила его и легла спать. Злодеи, дав время уснуть ей и людям ея, завалили бревнами все двери, под окнами людской избы поставили вооруженных топорами и рогатинами людей. Таким образом, предпринявши все злодейския предосторожности, и не опасаясь ни малейшей тревоги со стороны дворовых, вышибли бревном закрой и оконницу у спальни госпожи своей, вскочили в окно, и не дав ей времени хорошенько опомниться, схватили ее, обвертели в шубу, вытащили на двор, положили на дровни, забрали все ея имение и поскакали в лес. Отъехавши от деревни своей верст с десять, остановились на реке и начали прорубать пролубь, чтобы утопить нещастную жертву бешенства своего. Но как они на сей случай для смелости довольно выпили и весьма плохо глядели глазами, то нещастная пленница нашла было случай убежать от них. Но что может сделать слабая женщина против множества убийц, подобно тиграм разсвирепевших на нее? Один из них, приметя сие, побежал за ней и на бегу бросил в нее топор. Она не столько от жестокости удара, сколько от ужаса и безсилия упала без чувств на снег. Жестокой мороз тотчас возвратил ей жизнь как будто бы для того, чтобы она умерла, почувствовав наперед все ужасы смерти.

Между тем пролубь изготовлена. Изверги подводят к ней полумертвую госпожу свою. Увидевши, так сказать, зев смерти, готовящейся поглотить ее, она падает пред мучителями своими на колени, просит, умоляет, заклинает их небом, землею, всем что может взойти на разум человеку, находящемуся уже в объятиях смерти; клянется предать вечному забвению поступок их, простить

их, отпустить на волю; но все тщетно: прозьбы ея увеличили только остервенение их. Они, связавши ей руки, опустили ее в пролубь и держали, доколе она не захлебнется. Но она, не взирая на усилие их, успела два раза выбиться из пролубы: наконец погрузили ее в третий, и смерть прекратила мучения сей любви достойной женщины.

Убийцы, заваливши пролубь льдом и снегом, возвратились в домы свои. На утро бросились в разныя стороны объявлять, что барыня их в прошлую ночь не известно кем похищена, и что дом ея совершенно опустошен. Правительство отыскало убийц, не смотря на все их предосторожности, и они получили достойное наказание.

Когда мне разсказывали о сем произшествии, я пролил несколько сердечных слез из сожаления как о сей доброй госпоже, так равно и о убийцах ея, и вообще о всех тех загрубелых в невежестве людях, которые ненавидят и самых добрых владельцов своих.

Письмо XXV

Частыя встречи с такими людьми, которых я тебе описывал, мне очень наскучили; и я давно бы, окончa путешествие свое, возвратился к тебе, любезный друг, естьли бы не подкрепляла меня надежда найти когда либо людей прямо добрых, умных и насладиться беседою с ними. Естьли есть порочные, (так предполагаю я) то должны быть и добрые. Всего более утешался я тем, что перебирая в мыслях родных своих, не находил между ими ни Высокомеровых, ни картежных игроков, ни Вральманов, ни Безпорядковых, ни Н. Я. но как много обманулся я!

Приехавши в М. остановился я в доме зятя своего. Он и жена его, а моя сестра, чрезвычайно обрадованы были прибытием моим. Во время пребывания моего в доме его приметил я, что один молодой человек часто посещает зятя моего и всегда, как скоро придет, ищет взо-

рами дочери его, которая, кажется, была главнейшею причиною всех посещений его. Племянница моя взирала на него также не хладнокровно, и нередко оба они испущали вздохи. У нас щеголей редкой вздох может прокрасться! Чему дивиться? думал я: такие взгляды, такие вздохи для нас не новость. Многие любовники умеют вздыхать, умеют плакать для того, чтобы обманывать друг друга. Но я ошибся: они любят друг друга не шутя; вздыхают не для того, чтобы вздохи сии служили им в праздности вместо занятия, как делают модные романисты: вздохи их ни что иное суть, как дым, производимый пламенем любви, возгнездившейся в сердцах их.

Лиза (так зовут племянницу мою), выбрав удобный случай, призналась мне в страсти своей к молодому Скромову (имя любезнаго ея) и просила меня, чтобы я постарался убедить родителей ея к соединению их; а без сего, сказала она, они никак не согласятся: они желают мне богатство и нещастия. Такая откровенность и разсудительность молодой милой девушки, притом же родственницы, мне чрезвычайно понравились, и я дал ей обещание, что всеми силами буду стараться о ея щастии.

В тот же день сделал я предложение сестре и зятю; но они и слышать не хотели, чтобы дочь их была за Скромовым. Почему же, спросил я, разве он глуп, или худ по сердцу? Совсем напротив, отвечал мне зять: он очень добр, честен, умен, обучен разным наукам, хоть куда молодец! Чегож вам хочется? вопросил я. Он беден! отвечала сестра моя: а за беднаго, прибавила она, кто бы он таков ни был, я никак не соглашусь выдать дочь свою. У меня есть на примете жених, который стоит десяти Скромовых.

Не о Развратове ли ты думаешь? спросил ее муж ея с неудовольствием. Об ком же больше? отвечала она гордо. Ах, друг мой! сказал он с важностию, да разве ты хочешь згубить на веки Лизаньку?

Тут спросил я зятя, кто таков этот Развратов. Человек распутнейшаго поведения, отвечал он, мот, пьяница прегорький, в кабаках и живет, часто приходит домой в одной рубашке. Не уже ли только на нем и чинов? спросил я улыбаясь. Еще презельной забияка! отвечал он. Где завести ссору — драку, то его дело. Каких больше

надобно вам совершенств и достоинств в зяте своем? сказал я с насмешливым видом. Ах, братец! отвечала с чувствием сестра моя, естьли бы вы знали, сколько богат отец его.... Такие богачи, не похвалясь сказать, едва ли есть и в Москве. То так, отец его богат; но дает ли он сыну своему хоть по полушке на год? спросил насмешливо взять. Старик не вечно будет жить, отвечала сестра моя, когда нибудь умрет; а наследников больше нет. При жизни отца он будет жить в нашем доме, под нашим присмотром. Сама ли ты будешь шататься за ним по кабакам? а я кланяюсь! Ты вздор городишь миленькой! теперь он молод; поживет еще, так образумится, станет и ум копить. Полно, друг сердечной! он и нас с тобой заложит в кабаке. Пословица старинных людей справедлива: коли повадился куда кувшин по воду, там сломить ему и голову. Нужды нет, пускай он ходит по кабакам! только бы Лизанька родила наследника; он хоть околей. С богатством при детище проживет она весь век, и ох не молвит.

Почувствовав сильное отвращение к сестре своей, я не мог более с ней говорить. Пришедши в комнату к Лизе, объявил ей мнение отца ея и матери, и советовал ей, чтобы она, ежели не может преодолеть страсть свою, по крайней мере менее безпокоилась. Милое дитя сие, выслушав ответ мой, с слезами на глазах простирало ко мне дрожащия руки свои. Ах, дядюшка! сказала она наконец, ожидала ли я от вас такой грозной вести? на вас одних полагала я всю надежду свою! Я давно знала, что матушка уважает вас без меры, и мне казалось, что не токмо одного слова, но даже одного взгляду вашего довольно будет к тому, чтобы расположить сердце ея в мою пользу.

Не отчаявайся, милая племянница! сказал я ей: поелику ты надеялась на меня, я постараюсь оправдать надежду твою. Выговоря слова сии, я вышел от нее, оставив ее колебаться между страхом и надеждою.

Молодой Скромов, сколько я мог приметить из обращения с ним, имеет превосходныя дарования и отменное добросердечие. Я полюбил его сердечно.

Л. Д. естьли мне не удается сделатся Гоген-Штауфеном, то я непременно сделаюсь сватом Гаврильичем.

Зять мой ищет дочери своей жениха богатаго, но не Развратова; а сестра, хоть Развратова, да богатаго. Их согласить не трудно. Скромов, котораго один теперь не любит, а другая ненавидит, будет для них лучше и милее всех мущин на свете, ежели он будет иметь в подарок от меня 10,000 рублей; а Лизу учиню после себя наследницей. Пусть удастся мне сделать ее щастливою, сестра моя на всегда останется в памяти моей безрасудною, корыстолюбивою, готовою, для получения богатаго подарка, переменить свои мысли; при воспоминании об ней я всегда буду стыдиться того, что ей брат.

Письмо XXVI

В здешнем городе, сколько я мог применить, всякия приключения, точно как в какой нибудь школе сочинения, всегда делаются из какого нибудь нравственнаго предложения или старинной пословицы. На примере, следующее произшествие не служит ли, так сказать, разсуждением или простым доказательством на пословицу: без денег горе, а с деньгами бывает иногда и вдвое?

В самом деле! молодая пригожая М. не претерпела бы столько огорчений и жестоких обид от бабушки своей и престарелой тетки, которыя по смерти матери ея взяли ее под свою опеку, естьли бы не осталось ей в наследство так много движимаго и недвижимаго имения. Бабушка, взявши ее к себе в деревню, и желая воспитать ее в любви и страхе Божием, безпрестанно твердила ей следующее правилю: «не будь корыстолюбива, дочь моя, не ослепляйся богатством своим, не воображай, что оно твое; представляй всегда, что оно принадлежит мне. Ежели ты сего не зделаешь, я силою отниму его у тебя, и тем исполню долг любви Христианской. Куча золота ничто иное есть, как куча пыли или гадких червей. На что тебе им прельщаться? Уступи все имение свое мне. Поверь мне, друг мой, чрез это ты избавишься многих

хлопот, а наипаче греха быть богатою невестою, — что подтверждала и тетка ея.

М. имея доброе сердце и тихой нрав, ни мало им ни в чем не прекословила, но во всем была покорна, как кроткая овечка. Не смотря на то, сии две престарелыя Гарпии, предвидя, что им должно будет когда нибудь разстаться с имением ея, повсеминутно безжалостнейшим образом журьбами своими терзали слух и нежное сердце ея. М. все сносила великодушно. Наставницы ея, в восторгах живейшей любви не редко давали ей сильныя пощочины, разумеется не с тем, чтобы бить ее, а чтобы только ударить. У бедной М. никогда почти не осыхали глаза от слез.

Она претерпевала мучения сии более года, да и долго может быть должна бы была терпеть, естьли бы один сострадательный дворянин не вступился в участь ея и не предложил ей спасительнаго совета, а именно: без ведома бабушки и тетки своей выдти за муж. М. сначала отговаривалась, но по прошествии некотораго времени доведена будучи необходимостию, то есть ругательствами и страхом лишиться всего имения своего, согласилась на сие предложение.

В одно время обе надзирательницы ея отлучились за некоторым делом в губернской город, оставив М. дома одну. Они прибегли под покровительство к одному чиновнику, в доме коего и остановились.

В это время молодой человек, сын сего чиновника, который довольно знал М. и котораго знала М. (а молодой любви достойный мущина и пригожая, чувствительная девица редко сводят знакомтсво без любви) приехал к М. поговорить с нею о том, о сем, наконец о любви. Сговориться долго ли? Прежде нежели ленивой успеет слесть с печки, чтобы помолиться Богу, они уже обвенчались и уехали в свое место.

Бешенство надзирательниц ея было неописанно, когда они узнали о сем произшествии. Побесившись у себя в деревне, они приехали беситься же в город, подали прозьбу о уничтожении брака воспитанницы своей, яко незаконнаго, потому что она прежде времени взяла у них принадлежащее ей имение. Дело производят по всей законной форме; но видно, что сделано, то свято.

Справедливо говорят, что человек два раза в жизни бывает глуп: во младенчестве, и в старости. И младенцы и старики любят в деньгах не употребление или пользу, а просто деньги. Младенец пленяется ими потому, что почитает их игрушками; а старик любит их за то, что они деньги. Два крайние возраста человека суть возрасты глупости, а средние по большой части, бывают совершеннаго безумия, сказал один остроумный писатель. Когда же человек бывает умен?

Письмо XXVII

Дружество между домом Свисталова и домом Надувалова совершенно рушилось. Вот и еще к числу прочих прибыло одно доказательство, что в мире нет ничего прочнаго, постояннаго. Любовь, дружество суть также временныя, скорогиблемыя услаждения человека. Разрыв дружественной связи между сими двумя домами достоин замечания потому более, что они столь короткое время живши в уездном городе, успели возненавидеть друг друга столько же, сколько прежде любили живши в столице. Ты сказывал мне некогда, что они почитали тот день нещастным, в который обстоятельства не позволяли им быть вместе; а теперь тот день почитается у них нещастным, в который они увидятся друг с другом.

Будучи обоим коротко знаком, я спрашивал и того и другаго о причине взаимной их ненависти; но они дали мне самые пустые, неудовлетворительные ответы так, что я подумал, что они ненавидят друг друга не зная сами за что. Неоднократно предлагал я им, чтобы они помирились, или по крайней мере менее ненавидели и злословили друг друга. «Брани, а на мир слово покидай!» говаривали старинные люди. Какая разумная пословица! при каждом свидании с ними я твержу им ее; но они, кажется, думают, что им не достает еще ненависти, чтобы возненавидеть друг друга столько, сколько

надобно; потому опасаются, чтобы сия малая ненависть не истощилась, чтобы место ея не заступила прежняя любовь, которая по необходимости опять соединит их между собою.

Видя, что все мои старания примирить их и даже узнать настоящую причину вражды их остаются тщетны, я прибег к последнему средству, которое мне лучше прочих послужило. Зная, что многие господа имеют неосторожность о секретных материях говорить между собою при рабах своих, я спросил одного из слуг Г. Надувалова, не знает ли он, почему господа его поссорились с Свисталовыми? Как не знать! отвечал он. Приметь Л. Д. лакей стоя у дверей, смотрит в землю, кажется, страшится и подумать о том, чтобы вслушиваться в господския речи, но в самом деле держит ухо востро и не проронит ни одного слова.

Из слов сего лакея узнал я, что Свисталовы Надуваловых и Надуваловы Свисталовых за то только ненавидят, что в обеих домах есть по девушке невесте. Какая вздорная причина, но в самом деле так. После я спрашивал посторонних людей — они сказали тоже. У Свисталова дочь, у Надувалова дочь, у двоих две дочери невесты, и они думают, что у нескольких тысяч отцов один только сын жених, достойный дочерей их. Таким образом барышни злятся друг на друга, опасаясь, чтобы одна в женихе не перехватила щастия у другой; отцы их, чтобы один в лице зятя не присвоил себе честь, принадлежащую другому; а матери сердятся, кажется, потому только, чтобы сердиться, или страшась также, чтобы одна не зделалась тещею прежде другой.

И к тому и другому сватались многие достойные женихи; но Свисталов всегда отбивал у Надувалова, Надувалов у Свисталова. Они столько теперь прославились в здешнем округе, что ни один жених не осмелится к ним присвататься. Свисталов и Надувалов притча во языцех!

Л. Д. они тебе более знакомы, нежели мне: пожури их, чтобы перестали ссориться за женихов, мучить себя и смешить других. Ради Бога, постарайся уверить их, что женихов на свете не один. Естьли же не послушают они дружескаго твоего совета, то употреби угрозы: скажи,

что ты не подалеку живешь от типографии, что типографщики тебе весьма знакомы, или даже родня; следовательно ты имеешь всякую возможность о вражде их — о их глупости — дать знать всему свету чрез газеты или чрез какой нибудь журнал; особенно попужай журналом, журнал для них всего страшнее; ибо всякой попавшийся в журнал, по мнению их, есть человек подозрительной, лишенный всех чинов, привиллегий и самого титла: дворянин. Такого человека все женихи будут бежать точно также, как модныя щеголихи дехтярнаго ряду на ярмарке. Я уверен, что они после этаго не только сами помирятся, но и внукам своим закажут ссориться за женихов.

Письмо XXVIII

Л. Д.

Третьяго дня имел я удовольствие прогуливаться верстах в пяти от города на прекрасной долине, где безчисленное множество цветников и аллей насаждено руками натуры с таким искусством, какое свойственно одной природе. Подходя к речке, приметил на берегу оной стоящаго человека, который, как казалось погружен был в глубокую задумчивость. Так, правду сказывали мне, что это место самое романическое, думал я сам в себе. Этот человек или страстной вздыхатель, пришедший сюда питать томную задумчивость души своей, или старец, с горестию воспоминающий о утехах молодости и уподобляющий течение жизни человеческой течению сей речки. Сии мысли вдохнуло в меня само очаровательное местоположение. Я подхожу к незнакомцу ближе. Он оборачивается — и какая встреча! мог ли я подумать, что на берегу, или под тенью высокой осокори найду И. С.? Тебе, я думаю, известны частию душевныя качества сего молодаго человека. Он имеет превосходныя дарования, умен, честен, добр, чувствителен, и без сомнения был бы

любезен, естьли бы чрезмерная пылкость не делала его высокомерным, нередко презирающим других за то только, что они — не он.

Увидя меня, он подошел ко мне, и заключа в свои объятия, сказал мне с тяжелым вздохом, ах Л. Д. как давно не видал я вас! Что с вами сделалось? сказал я ему в свою очередь: вы так бледны, мрачны.... Пожалейте обо мне, отвечал он, и вместе порадуйтесь: судьба поразила горестию сердце мое, но вместе просветила разум и научила меня употреблять дарования свои не на одно изъявление презрения другим. Зависть похищает, а может быть уже и похитила лучшее, единственное благо жизни моей. Ах! Л. Д. продолжал он, бросив на меня исполненный горестной живости взор, какой безкорыстный грех зависть! Все прочие пороки делает человек, предполагая найти в них какое нибудь удовольствие и выгоду, а завистник мучит только себя и других — делает зло с желанием делать зло.

Я несколько обрадовался, что разсудок его одержал наконец верх над тою пылкостию, которая влекла его к высокомерным предприятиям и подвергала всякаго рода излишествам. Мне любопытно знать историю вашу, сказал я ему. История моя для вас, может быть, не занимательна будет, отвечал он: но когда вы желаете, я с удовольствием разскажу вам все, что со мною случилось.

«В то время, как голова моя наполнена была одними высокими замыслами и когда все обитающие на земли казались мне не иначе, как пресмыкающимися червями, любовь со всею жестокостию поразила, так сказать, сердце мое и открыла мне глаза на мои заблуждения. Я всем сердцем полюбил одну благородную девицу; она полюбила меня. Намерение мое касательно ее было не ветренное, но самое честное, то есть: я любил ее с тем, чтобы жениться на ней. Сперва разщел я, могу ли порядочно содержать себя с женою; и когда нашел, что могу, начал прилагать старание узнать посредством одной знакомой дамы, согласна ли будет любезная моя дать мне свою руку и не будет ли в том препятствий со стороны родителей ея. Любезная моя несказанно обрадована была таковым моим предложением. Мать ея, которая имела над ней более власти, нежели отец будучи из числа

тех женщин, которыя почитают первым достоинством человека богатство, дала нерешительный ответ. Однако я не потерял от того надежды добрым поведением своим заслужить когда либо ея уважение и доверенность.

Сколько ни старался я скрывать тайну свою, однако она менее, нежели в три дни сделалась известна едва ли не всему городу. Во всех собраниях твердили, что скоро будет свадьба. Все судили о женихе и невесте, как кто думал. Опытные люди хвалили меня, что я выбрал такую невесту; хвалили невесту, что она выбрала такого жениха. Сама мать ея начала было одобрять наше согласие, и мы надеялись в скором времени соединиться узами брака; но неблагоприятствующая судьба вздумала видно потешиться мучением двух страстных сердец, употребив к тому орудием одного вертопраха, который распутною жизнью довел супругу свою до того, что она его оставила. Не могши сам быть щастливым от любви, он позавидовал нашему щастию, и позавидовал с тем, чтобы совершенно его разрушить. Вкравшись в доверенность к будущей теще моей, и зная корыстолюбивое свойство ея, безпрестанно твердил ей, что для нее весьма не выгодно выдать дочь свою за такого жениха, каков я. Она сначала колебалась, потом столько уверилась убеждениями его, что сделалась ко мне весьма холодна и невнимательна ко врем моим представлениям. Сим самым дала мне выразуметь, чтобы я не имел надежды получить когда либо руку дочери ея. С получением сего отказа получил я от возлюбленной своей новое подтверждение в вечной ея любви ко мне и верности. Мать моя хочет нас разлучить, сказала она: но будьте уверены, что ей этаго сделать никак не удастся: я скорее соглашусь умереть, нежели выдти за кого нибудь, кроме вас, за муж

«Таким образом чем более показываем мы великодушия и терпеливости, тем более завистник наш старается разрушить наши надежды и наше щастие. Обстоятельства понудили меня оставить тот город, где живет любезная моя. Я мог бы теперь возвратиться туда; но остаюсь здесь в намерении, чтобы присутствие мое не ожесточило мать ея еще более, и чтобы дочь свою она не принудила силою дать руку свою кому либо другому; что без сомнения будет стоить мне жизни.

Сим окончил историю свою приятель мой. Я пожалел об нем, пожелал ему щастливой перемены тесных обстоятельств его и возвратился в город.

Как прекрасно доказал он предложение свое, что зависть есть совершенно безкорыстной грех, и что завистник подобен собаке, лежащей на сене!

Л. Д. я думаю, ты согласишься со мной, что любовь есть весьма хорошая наставница молодых людей. У пылких людей она отнимает пылкость и делает их только чувствительными, нежными; жестокия сердца она магическим прикосновением своим не редко делает мягче воску. В нынешнем свете так почитают сие справедливым, что многие молодые люди, страждущие честолюбием, нарочно влюбляются, или представляют себя влюбленными, чтобы другие могли заключать об них, что они не честолюбивы. Уметь скрывать пороки свои по нынешнему значит быть добродетельным.

Письмо XXIX

Л. Д.

Я удивляюсь, почему многия женщины ревнивость мужей своих почитают за доказетельство любви их. Говорят, что Турчанки весьма не довольны бывают мужьями своими, естьли они их не бьют. Это значит, что они не ревнивы, а следовательно и не любят их. В просвещенных нациях, где все мущины и женщины привыкли обходиться между собою с такою простотою и вольностию, что совершенно почти не можно отличить мужа от любовника и любовника от знакомаго, ревнивость ничто иное будет, как достойная смеха и презрения глупость. «Пусть будет сердиться на меня жена моя за то, что я не ревнив, я никак не соглашусь всегда ходить за ней, примечать за всеми ея поступками, толковать все ея слова, все взгляды, все мины, какия она будет делать молодым щеголям. Ревнивость есть ядовитая горечь, от-

равляющая все наши забавы и удовольствия, какия мы можем вкушать в веселых компаниях,» сказал один неревнивый муж в присутствии жены своей, которая, слушая его показывала вид неудовольствия, что он не ревнив; но внутренно радовалась, что не препятствует ей разговаривать о любовных делах с одним щеголем, который ластился около нее, как голодная собака около окна, из котораго ожидает куска хлеба.

Не давно случилось мне видеть одну молодую барыню, коея красота, милый, благородный взгляд, выражающий кротость и чистосердечие, внушали в каждого любовь к ней и почтение; но коея поступки делали ненавистною красоту ея и обманчивою привлекательность. Я охуждал ее внутренно, что она, имея мужем своим Купидона (ибо муж ея не последний красавец), не редко бросает сладострастные взоры на безобразных Вулканов и Момов; но после узнал, что муж ея достоин носить на голове своей многоветвистое украшение оленей, потому что он в ревности своей едва ли не превосходил каждаго Китайца. Жена его была образец непорочности и верности в любви; но он столько был неосторожен и глуп, что самую верность ея почитал изменничеством. Каждый молодый мущина, который сказал ей хотя одно слово, взглянул на нее, прошел мимо ее, был, по мнению его, любовник ея. Когда кто нибудь при первой встрече спрашивал ее: «в добром ли вы здоровье?» он приказал говорить ей: не очень в добром, потому что это, по толкованию его, значило: «я люблю вас. В следующее воскресенье один приятель мой позовет мужа вашего на бал. Вы притворитесь больной. Я прилечу к вам, и мы поговорим наедине о любви своей!»

Приезжая домой из собраний, он обыкновенно делал ей строгие выговоры за ея нескромность. Невинная жена доказывала ему непорочность свою всегда клятвами и слезами; но все было тщетно. Желая угодить ему, она ни с кем не стала говорить в компаниях. Приметя такую нечаянную в ней перемену, все спрашивали ее о причине задумчивости ея. «Вы что-то кажетесь печальны» говорили одни. «Какая жалость! вы верно нездоровы?» спрашивали другие. Это еще более бесило мужа ея так, что она решилась наконец никуда не выезжать. Но и это не

помогло: ревнивый муж и тут не перестал подозревать ее. «Мимо нашего дому часто проежжают молодые щеголи!» говорил он с мрачным видом.

Жена, претерпевши столько укоризн и язвительных насмешек от мужа своего за невинность свою захотела попытать щастия, не поласковее ли он к ней будет, естьли она хоть раз изменит ему. Зделавши маленькую неверность, она так живо возчувствовала сладость преступления, что развелась с мужем. И теперь нет, кажется такого человека, которому бы она отказала в благосклонности своей. Я сам слышал, как она говорила одному молодому вертопраху: «мне сказывали, что вы завтра поедете в одну деревню: угодно ли, я вам компанионка?» Как не угодно!...

Таковыя возъимела последствия ревнивость безразсуднаго мужа! Пусть молодыя женщины учатся из сего примера, как обращаться с молодыми мущинами в присутствии своих мужей! Пусть учатся мужья ..... чему, как не задевая ветвистою головою проходит в двери... Щастливым почитаю себя Л. Д. что я не женат: ревнивость не снедает сердца моего. Будучи на бале, я не рвусь с досады слыша, каким образом милая половина моя выхваляет какому нибудь Адонису широту лба моего, на котором удобно могут поместиться пар десять рогов. И приехавши домой, я не смотрюсь в зеркало, чтобы узнать, нет ли на лбу у меня какой нибудь новости!

Письмо XXX

Излишняя ласковость родителей к детям, которою они обыкновенно стараются доказывать им любовь свою, столько же бывает для них пагубна, как и неумеренная, безрасудная строгость. Всегдашнее угождение прихотям делает их своенравными, высокомерными, нетерпеливыми; а излишняя строгость жестокими, притворными, коварными. Сего дни был я в доме одного помещика, о имени

коего умолчу для того, что оно очень мало сделает чести тому, кто его носит. Можно сказать, он имеет немалую вотчину, состоящую из детей своих! все они так грубы, дерски, наглы, что неоднократно в моем присутствии не говоря о прочих шалостях, передражнивали языками мать свою, когда она запрещала им шалить. Отца их не было тогда дома. Мне крайне неприятно было смотреть на детей, которые представляли себя борзыми щенятами, а мать свою — матерью. Не уже ли вы сударыня! не можете с ними сладить? спросил я ее. То-то нет! «отвечала она мне сквозь слез. «Сколь они ни худы, но все мне дети, и я имею нещастие иметь к ним матернюю горячность. Я ужасаюсь, предвидя те худыя последствия, каковыя неминуемо должны произойти от худаго воспитания, каковое дает им родимой батюшка их. Я не имею ни малейшей над ними власти. Ежели я когда нибудь, вышед из терпения, скажу ему хотя одно слово вопреки глупых правил его, он не токмо бранит меня, но не редко бьет. Дети, видя таковую потачку отца, и думая, что им все на свете позволено, поднимают ужасной вопль, ежели я вздумаю когда нибудь обуздать их прихоти. Отец тотчас вступается за них. Что тебе дела до того, что они резвятся? кричит мне он с жаром. Ты бы лучше старалась о том чтобы они были довольны. Бог с ними! я не мешаю им веселиться. Пусть они, выростши большие, станут понимать меня, что я не лишал их в детстве никаких удовольствий. Я не знаю, где он вычитал такия глупыя правила воспитания? А сколь они пагубны, тому служит жалким доказательством большая дочь моя. Имея от природы проницательный разум, нежное, чувствительное сердце, она могла бы быть украшением пола своего, естьли бы худое воспитание не сделало ее неумеренною в своих желаниях, гордою, своенравною, требующею самоскорейшаго исполнения всех желаний своих, какия только могут взойти ей в голову. Муж ея при всем великодушии своем не могши терпеть более крутаго нрава ея, оставил ее. Частию с досады на него, частию негодуя на людей своих, что они не всегда умеют исполнять вздорные приказы ея так, как ей хочется, она беспрестанно задумывается, плачет, сердится на всякаго, кто попадет ей в глаза. Случается иногда, что она, сильно

чем нибудь разтрогавшись, дни по два не выходит из своей комнаты, не принимая никакой пищи; от чего впала в опасную болезнь, которая по моему мнению скоро прекратит жизнь ея.

Мне странно кажется, сударыня! что супруг ваш, видя в дочери своей толь разительный пример худаго воспитания, не старается переменить план сего воспитания. Прочие дети ваши верно будут не лучше нещастной сестры своей, сказал я сей достойной сожаления матери. Несравненно хуже! отвечала она с горестным видом: но муж мой не хочет и слышать, чтобы дочь его была нещастна от воспитания, даннаго ей. Он не видит в ней никакого порока, кроме одной болезни, которою она теперь страждет, и которую, по мнению его, Бог послал на нее за наши грехи.»

В это время приехал муж ея. Будучи худой отец, но хороший хлебосол, он пригласил меня остаться отобедать. Не столько желая угодить ему, сколько жене его, которая также весьма усердно просила меня, вероятно для того, чтобы хотя несколько разсеять грусть свою в разговорах с посторонним человеком, я без всяких отговорок согласился на их требование.

В присутствии отца дети сделались несравненно против прежняго вольнее, резвее и более делали шалостей. Едва сели за стол, как большой сын, коему было не более тринадцати лет, с великим криком требовал того, другаго, третьяго, пятаго, десятаго, так что бедные слуги не знали, что и делать. Не смотря на то, исполняли ли они приказания его, или нет, он безпрестанно жаловался на них отцу своему. Прочие дети делали то же. Отец, уважая жалобы их, жестоко бранил людей, и с каждым писком, которым дети его означали требования свои, соединял свое строгое эй! живее, люди! Охотник слушать бой часов с кукушкой не соскучился бы сидеть за столом с сими господами и до ночи; но я не знал, как дождаться конца. Выпивши чашку кофе, я простился с хозяевами пожелав внутренно отцу лучших правил воспитания, матери лучших детей, детям лучшаго отца.

Странно мне кажется, что законодатели, определяя законами своими строжайшее наказание родителям, убивающим детей своих физически, не определяют никакого

наказания родителям, убивающим детей своим худым воспитанием. Не правда ли, что общество менее терпит вреда, когда лишают его гражданина, нежели когда доставляют ему живаго мертвеца? ибо тот, погребая с собою может быть высокие таланты, высокия добродетели, будучи мертв для красоты и славы общества, погребает вместе и пороки свои — не живет для вреда и безславия его. Напротив сей, также будучи мертв для пользы и славы общества, живет для вреда и безславия его.

Письмо XXXI

Л. Д.

На сих днях был я на бале у одного здешняго судьи. Все гости, бывшие у него, были или секретари, или столоначальники, или судьи, изключая одного стараго, почтеннаго, покрытаго славными ранами Полковника Г. К. и меня. Разговоры были самые приятельские, искренние, веселые. Между прочим, когда разсуждали, какого состояния люди: судьи, или военные и проч. приносят больше пользы отечеству, один старой судья сказал старому Полковнику, дружески пожимая руку его: «военные, по моему мнению, делают отечеству один вред, потому что не принося никакой пользы, живут на общественном содержании. Сколько, я думаю, вы одни на веку своем приели мирскаго хлеба, не сделав за то никакой платы? Я думаю, отвечал улыбаясь Полковник, что я столько же приел сухарей, ничем не платя за них, сколько раз вы, сидя пред зерцалом, кривили душой, получая за то плату.» Шутка колкая! Но здесь шутили не с тем, чтобы обижать и обижаться, а чтобы только шутить и тешиться. — При сих словах все смеялись от добраго сердца; потом молодые судьи начали просить Полковника, чтобы он разсказал им что нибудь про старину, или про свои подвиги. Про свои подвиги нечего мне разсказать, отвечал Полковник; а что было в старину, и что верно ныне есть, скажу:

«Не все то басни, что повествуют нам о суде Шемякином, который жил при Царе Горохе, когда воевали грибы. Много раз и во многих местах бывали Царями горохи, а судьями Шемяки. На моей памяти, не упомню в каком городе (Г. Полковник вероятно из скромности не объявил о имени города), случилось произшествие, заслуживающее ваше внимание, господа молодые судьи!—Один крестьянин, ехавши в город, збился с дороги и принужден был ночевать в одной деревне, которая была в стороне, в довольно далеком разстоянии от дороги, ведущей в город. Вставши по утру, он хотел продолжать путь свой; но как не доставало у него денег для заплаты за десяток яиц, которые он съел на ужине, то хозяин не прежде спустил его со двора, доколе он не дал ему обязательства доставить надлежащую сумму при первом удобном случае. Прошел месяц, но крестьянин не имел случая переслать содержателю постоялаго двора денег. Сей будучи великой сутяга, подал объявление, что такой то крестьянин, ночевавши в его доме, уехал от него, не заплатя ему за десяток яиц. По прошествии десяти лет должник встретился нечаянно в городе с заимодавцем своим, и вспомня, чем ему должен, хотел в ту же минуту заплатить долг, извиняясь, что частию по забвению, частию по невозможности переслать деньги, он был должным ему толь долгое время; но сей сказал ему в ответ: теперь тебе не так легко разплатиться со мною, как ты думаешь. Пойдем-ка в суд. Ты увидишь, что привезеннаго тобою товару и с лошадью не довольно будет к тому, чтобы ты мог заплатить то, чем мне должен. Крестьянин без всяких отговорок пошел с ним в суд, думая, что судьи над ними посмеются; но вышло совсем иное.

«Проситель представил судьям, что из десяти яиц, съеденных сим крестьянином, высиделось бы у него десять цыпленков, которые в свое время также бы нанесли яиц и вывели детей. Таким образом в течение десяти лет он множество бы мог продать куриц, петухов и яиц, а сверх того и сам бы мог довольствоваться ими.

Судьи, выслушав сии доказательства, долго думали, как им поступить в сем деле; наконец решили в пользу просителя, и так дорого оценили яица его, что бедный

должник должен был поступиться товаром своим и лошадью. Правильно ли решено дело? спросил невзначай Полковник однаго молодаго судью. Так правильно, что ничто правильнее быть не может, отвечал сей. И тогда так думали, продолжал улыбаясь Полковник; но послушайте, что вышло на поверку.»

При сих словах все судьи хватились и, казалось, весьма стыдились опрометчивости своей, потому что все они, изключая может быть очень немногих, одобряли взорами мнение молодаго собрата своего.

«Крестьянин, вышедши из суда, где зделали ему смех и горе, пошел к лошади своей, чтобы в последний раз погладить любимаго им животнаго и проститься с ним на всегда; но едва отошел он шагов с двадцать, как встретился с ним разумный, замысловатый, веселый сосед его, и ударя его по плечу, вскричал: здравствуй сосед! что так невесел? Чему брат радоваться? отвечал сей сквозь слезы: Бог послал на меня такую напасть, что не знаю, что и делать; голова с плечь долой катится. Что такое, что с тобой зделалось? Тут разсказал обиженный соседу своему, что с ним случилось. Так ты и безпокоишься об этом? спросил смеяся весельчак. Ну, как не безпокоиться? посуди ты сам! Не тужи брат! пойдем-ка вместе со мною в суд. Объяви судьям, что ты недоволен решением их, что берешь аппеляцию. Меня назови поверенным своим по делу. Так авось Бог милостив! Крестьянин рад был делать все, кто что ни присоветует, чтобы только не лишиться товару и лошади своей. Взошел в присутствие, потребовал апелляции, представил повереннаго; но поелику часы, назначенные для заседания, уже вышли, то им приказано было вместе с заимодавцем явиться на другой день. Поверенной строго наказал товарищу своему, чтобы он явился в суд как можно ранее и дожидался его.

Бедный крестьянин хотя отчаялся получить желаемое, однако, чтобы не нажить новой беды, с зарею вместе явился у дверей присутственнаго места. В известное время приезжают судьи, требуют повереннаго, но его нет; проходит час — другой, поверенной не является. Судьи, позевавши довольно времени, начали от скуки шутить над крестьянином. Где же твой поверенной?

спросил один из них. Не знаю! Ну брат! простись с ним: он сам теперь верно ест яица и совершенно позабыл о своем деле. Полно, брат! хлопотать попустому, брось все, да поди лучше к поверенному своему и пособи ему доедать яица. Крестьянин, слушая сии насмешки, пожимал только плечами и молчал.

После сего судьи опять предались бездейственности своей. Наконец звук колокольчика, возвещающаго время исхода, пробудил их от тягостной дремоты. Они хотели взять шляпы и итти вон; но в ту минуту является поверенной. Худож ты, брат помнишь свое дело! сказал ему один из судей. Напротив я очень помню, отвечал поверенной: но крайняя нужда не допустила меня придти сюда ранее. Какая? подхватил судья.

Повер. Позвольте мне наперед спросить этаго крестьянина, какими он яицами кормил соседа моего; потом извольте спрашивать об чем вам угодно.

Тьфу, пропасть! какая: неужели сырыми! будто у меня в дому и огня нет! отвечал тот.

Судья. Скажи-ка ты нам, Г. Стряпчий! за чем ты так долго не приходил?

Повер. Варил горох, да не доварил: так торопился. После полден надобно будет его сеять.

Судьи подняли громкий смех. Вот-так уж поверенной! сказал один из них, задыхаясь от сильнаго смеха.

Позвольте доложить, что вы находите смешнаго в речах моих? сказал с равнодушием поверенной. Да не глуп ли ты братец! что хочешь сеять вареной горох? отвечал ему судья. Неужели ты думаешь, что он взойдет?

Повер. Почемуж не думать? ежели у вашего Благородия из вареных яиц высиделись бы живые цыплята, так неужели у меня из варенаго гороху не уродится невареной?

Судьи выразумели смысл шутки сей, которая сперва показалась им глупостию, закусили губы, покачали головами, посмотрели друг на друга и тотчас зделали совсем другое решение делу, в пользу должника; а на истца за несправедливое требование в ту же минуту наложили цепь. Таково могущество судей! прибавил Полковник: для них столько же легко виноватаго сделать правым, сколько и праваго виноватым.»

Наши судьи, слушая Г. Полковника, неоднократно прерывали его громким смехом на щет глупости тех судей, о которых он разсказывал, не представляя того, что с ними едва ли не каждой день случаются подобныя сему произшествия.

Что касается до меня, то я не будучи судьею, от искренняго сердца благодарил Г. К. за сей нравоучительный анекдот и жалел, что все смеялись слушая его; но не все понимали важность значения сей по видимому только забавной истории: ибо я приметил, что некоторые занимались только последними словами Г. К. когда он говорил о могуществе судей, принаровляли их к себе и восхищались тем, что они судьи.

Ты может быть подивишься Л. Д. что судьи не осердились на Полковника, что он так исправно пощекотал самолюбие их. Я скажу этому причину: одни не сердились потому, что выразумели важный смысл сего анекдота и доброе намерение, с каковым разсказывал его Г. К. а другие потому, что ничего не поняли.

Как приятно слушать прямаго сына России, когда он с твердым, решительным Руским духом, без лести и прикрас говорит Рускую правду!

Письмо XXXII

Л. Д.

Здесь живут два человека, муж с женою. Оба они истинно добродетельные люди, или по крайней мере такими их называют. Какое необыкновенное явление в веке просвещенном! Я подумал было, что в другой раз настали времена баснословныя; что Филемон и Бавцида. из дерев опять превратилися в людей и поселились в здешнем городе; а после узнал, что это не Филемон и Бавцида, а один старый небогатый помещик, который с женою своею живет точно так же, как жил Филемон с Бавци-

дою, а может быть и лучше: об этом судить мудрено. Филемон и Бавцида жили весьма за долго до нас, тогда, как дерева в веселой час пели песни, а пригорки и горы прыгали перед ними антраша; но наши герои живы еще и теперь, и в этом то состоит вся их выгода и преимущество пред теми. Филемон и Бавцида, живши в веке варварском, были презираемы развращенными современниками своими; напротив наша чета пользуется от всех величайшим уважением. Им нет и имени, все почти молодые люди обоего пола называют их: наши друзья. Какая честь для стараго помещика и жены его, и какое чудо для света! молодые люди без меры любят и почитают стариков; нет ни одного собрания, где бы не говорили об них с величайшею похвалою; кавалеры и дамы не редко отказываются от маскерадов, покидают танцы и все веселости, извиняясь, что они в тот день не посещали еще друзей своих.

Всеобщия похвалы, возбудивши во мне уважение и даже удивление к сим людям, возбудили вместе и любопытство узнать их лично. Они должны быть или слишком добры, или слишком худы, думал я; однако последнее почитал несравненно более справедливым, нежели первое, потому что их прославляли одни молодые люди, а опытные старики отзывались об них не так-то хорошо. Я открыл сомнение свое одному знакомому мне молодому человеку, который был член общества, преданного друзьям. Старики не любят их из зависти отвечал он мне с неудовольствием, по чести говорю, из одной постыдной зависти! Угодно ли, я познакомлю вас с ними? и вы увидите, что я говорю правду. Я рад был сему случаю.

На другой день он привел меня в дом друзей своих. Хозяин и хозяйка приняли меня весьма ласково. Разговоры были самые приятные. Мы разговаривали около двух часов; но сии два часа показались мне не более двух минут: однакож это мне не помешало заметить, что товарищ мой куда-то отлучился, и что тому уже более часа, как он нас оставил. Я спросил хозяина, и получил в ответ, что он, будучи охотник до новостей, верно занялся газетами, которыя он обыкновенно читает в его кабинете. В это время хозяйка также вышла от нас в дру-

гую комнату. Спустя несколько минут по выходе ея взошел к нам товарищ мой с разгоревшимся лицом и помутившимися глазами. За ним, в сопровождении хозяйки, взошла неизвестная мне молодая барыня с таким же лицом и глазами, как и товарищ мой. Я заключил, что они, читая газеты, спорили о какой нибудь новости, а может быть о чем либо и старом. Да и неудивительно, потому что один был Русской Француз, а другая Русская же немка. Каждый имеет пристрастие говорить с похвалою о своем отечестве; а как говорить с равнодушием, или с жаром, на это особенных правил не положено.

Вскоре после сего приехала еще одна молодая женщина. Красота ея и ловкость в обращении делали ее не последнею из тех приманчивых прелестей, на которых не редко заглядываются и путешественники, любящие только осмеивать поступки других, не изключая из сего и самых красавиц. Я взглянул на нее раз, она на меня два; я два, она четыре; я четыре, она восемь. Мне хотелось сравняться с ней; но никак не можно было этого сделать, потому что она умножала все то, что я складывал в одну сумму. Мы сели друг к другу поближе, начали разговаривать, сперва учтиво, потом повольнее, повольнее, наконец и гораздо повольнее. Но в это время товарищ мой сделал мне знак, что время идти домой. Правду говорят: сытой голоднаго не разумеет. Он уже до сыта наговорился, наспорился: а я еще только приступал к делу: однако не учтиво бы было медлить долее; я встал, разкланялся и ушел.

Хозяин при прощании вынудил из меня обещание, что непременно на другой день приду к нему обедать. Придти не мудрено: я пришел, прекрасная Дульцинея была уже там и, казалось, ожидала меня. Обращение наше с нею было еще вольнее вчерашняго!

После обеда подали хозяину письмо. Прочитавши его, он начал извиняться, что обстоятельства заставляют его часа на два отлучиться, и усердно просил меня, чтобы я дождался его возвращения. Хозяйка, вероятно приметя, что мы хоитм завести жаркой спор, оставила нас под предлогом, что идет варить кофе; потому что никто из людей, как говорила она, ей по вкусу сварить не может.

Мы остались двое. Какое опасное искушение! Мы начали говорить об одной известной нам, да думаю и всем не незнакомой материи, и говорить с жаром. Наконец, когда сей жар начал увеличиваться и доходить до той степени, где он непременно бы сам собою погас, я вспомнил, что о сем происшествии намерен писать к тебе Л. Д. но как же бы я мог писать к тебе, естьли бы глаза мои помутились так же, как вчера у моего товарища? Отруби ту руку по локоть, которая не желает себе добра, которая что нибудь напишет в свое охуждение. А утаить, значит солгать. Прямое дружество не терпит лжи и обманов. Таким образом почувствовав, что лице мое и так уже сильно горело, не стал более говорить об этой материи, которая так жестоко воспламеняет кровь.

Хозяин с хозяйкою возвратились, восхищаясь, кажется, тем, что доставили нам случай поговорить наедине, и усердно благодарили меня, что я имел терпение дождаться их. Спустя несколько минут я должен был расстаться с ними. Собеседница моя, узнав, что я на утро же оставлю их город и никогда может быть не увижусь более с ними, изъявила сердечное сожаление, ежели только можно почесть за знак сожаления слова сии: «ах, как жаль! как жаль!».

Так вот почему молодые люди так много любят сию благословенную чету! Дом новаго Филемона есть храм, над дверьми коего написано: храм добродетели, а внутри приносят жертву порочной любви. Мужья приходят в него для того, чтобы обмануть жен своих; жены, чтобы обмануть мужей; целомудренныя девицы, чтобы избавиться от нарекания и не прогневать родителей своих. Имя друзей покрывает все преступления их. Что, естьли бы Юпитер, оставя Олимп, пришел в сей город: я думаю, он бы всех жителей, хотя они многогрешны, вывел из сего погибельнаго места; а добродетельнаго Филемона и Бавциду, в награду за добродетели их, посадил в Мертвое море, чтобы они купались в нем вечно.

Письмо XXXIII

Ты может быть думаешь, что я все еще в М. нет! я уже в К. Здесь все то же, что и везде: и здесь также, как и в других местах, скудной ум ходит пешком, а богатая глупость ездит на скотах. Скоты суть самая язвительная эмблемма глупости, которую они возят. Однако на это не смотрят: умнаго бедняка никогда не предпочтут богатому глупцу. Я это много раз видал во время путешествия своего, и в добавок видел еще сего дня, бывши в гостях у одного из знакомых моих.

Когда мы сидели и дружески разговаривали между собою, взошел к нам незнакомой мне человек. Судя по грубому виду его и одеянию, а еще более по огромному брюху, которое отвисло у него до самых почти колен, я заключил, что он должен быть богатой откупщик. Так и есть! Однако как бы ты думал? При входе его все соскочили с мест своих, бросились ему на встречу, окружили его, шаркали ногами и кланялись сломя голову. Он принимал учтивости их не иначе, как должную ему дань, и сам каждому из них, смотря по лицу, оказывал ласковость, которая ничто иное была, как грубость, только не очень грубыми словами произнесенная. Те, которые получили от него знаки благоволения, с удовольствием отходили от него к своим местам; однако никто не осмеливался сесть, потому что откупщик еще стоял.

Я, не имея никакой нужды в богатстве его, а следовательно и стоять до тех пор, пока он не сядет, сел по прежнему на свое место. Он, приметя сие, бросил на меня презрительный взгляд и спросил одного из предстоящих пред собою, кто я таков; потом опять начал смотреть на меня и морщиться, желая верно чрез сие дать знать, что таковый поступок мой очень оскорбителен для чести и важности его. Но я очень мало занимался им и важностию его, которая состояла не в ином чем, как только в толстоте брюха. Тут подошел ко мне один из приверженных к нему и начал превозносить его громкими похвалами. «Этот человек, сказал он мне, заслужи-

вает всеобщую любовь и почтение. Он весьма разумен, потому что богат: без ума нельзя нажить богатства. Поверите ли вы, прибавил он, Г. откупщик был крепостной человек одного помещика, выкупился и записался в купцы? Вот что делает разум!» Я не отвечал ему ни слова и желал услышать, что будет говорить откупщик сам о себе. Он начал говорить со всеми вдруг, и каждому в особенности врал, что знал, то есть, что только можно найти глупаго в голове совершеннаго глупца; однакож слушателям так разумны и замысловаты казались слова его, что они не находили слов, чтобы достойно восхвалить премудрость его.

Мне наскучило смотреть на отвратительныя телодвижения, которыя он делал углубляясь в разсуждения свои; а еще более слушать то, что он говорил; потому что может ли из безумной головы выдти небезумное слово? Я простился с хозяином и ушел, оставя собеседников своих изгибаться перед сим золотым идолом.

Примечание старинных людей справедливо Л. Д. что гугнивые бывают великие охотники говорить, хромые ходить, безголосные петь, глупые разумно обо всем разсуждать. Откупщик разсуждал — и разсуждал о высоких материях. Высокия материи, об которых он разсуждал, были так блистательны и пленительны, как самая лучшая Гайденова симфония, когда бы мы услышали ее пропетую голосом искусной певицы — овцы. Не знаю только, кто из них глупее: откупщик ли, который пленялся незаслуженными им похвалами, или те, которые не шутя хвалили его? — Впрочем как бы то не было, откупщика нельзя назвать совершенным безумцем, потому что и на это потребен разум, чтобы из хорошаго сделать худое.

Письмо XXXIV

Сего дня прогуливался я в одной прекрасной роще, находящейся в дачах Г. Б. Шестеро молодых щеголей, как говорили они, делали мне честь своим сотовариществом Мы ходили большею частию взад и вперед, на все глядели; но, кажется, ничего не видали, потому что и глазами, и руками, и ушами разговаривали между собою. Известно об чем могут говорить молодые люди, притом же люди со вкусом. Любовныя интриги, карты, псовая охота — вот предметы, которые они более всего на свете разумеют и любят.

Не одни наши модники за удовольствие почитают хвалиться пороками своими — пороками непорочными, то есть модными: эту честь разделяют с ними очень многие и в уездных городах живущие. Ветренностию, по мнению их, так же можно хорошо щеголять, как и модными нарядами, потому что ветренность не последняя новость в нашем отечестве.

Сопутники мои, вероятно желая показать, кто из них более образован, ловок, решителен, знающ правила вкуса, а следовательно и достойнее других назваться молодцом, разсказывали друг другу о шалостях своих. Один с восторгом говорил, что для него самое приятнейшее в жизни время было то, когда отец его отлучился на несколько времени в П. т.р. г; потому что он, будучи тогда хранителем всего имения его, проигрывал приятелям своим рублей по сту, по двести и более за вечер, и жалел, что неугомонной отец скорым возвращением своим лишил его удовольствия промотать все его имение. Другой, выслушав его, и не оказавши ни малейшаго удивления, сказал с важным, но удовольственным видом: «я получаю доходу не более трех тысяч рублей в год, не смотря на то, имею честь держать большую о х о т у (что вам небезъизвестно) и употреблять на содержание ея более двух тысячь. На содержание себя мне остается одна тысяча. Представьте, можно ли жить хорошенько на тысяче рублях при нынешней на все дороговизне? Сверх се-

го я имею трех любовниц и дарю им каждой по двести рублей.» Трех любовниц? подхватили прочие. Любовницы — какая обширная материя!»

О любовных делах молодые ветрогоны столько же много могут говорить, как деревенския бабы о домовых и леших. Наши ветрогоны так много говорили, что я не мог всего и прислушать. Один из них для свидания с своей Дульцинеею превращался в торговку, другой в продавца фруктов, третий в лекаря. «Все вы весьма хорошо играли роли свои: но я несравненно лучше вас! сказал четвертый. Влюбяся в дочь одного богатаго дворянина, я превращался в золотой дождь и падал в окно к возлюбленной своей. Она любила меня страстно; но так была строга, что не позволяла мне делать никаких шалостей. Я поклялся небом и землею, что буду любить ее вечно, что в скором времени женюсь на ней. Она поверила, я получил желаемое и оставил ее, потому что нашел другую, которую теперь также стараюсь обмануть.»

Гдеж ваша клятва? спросил я его с неудовольствием. Благодаря просвещению, ныне вывелись такие дураки, которые бы давши клятву девушке, хранили ее, ответствовал он смеючись.

Слыша таковой отзыв о просвещении, кто не подумает, что или просвещение само в себе есть глупость, или глупы те, которые почитают себя просвещенными? Я не захотел более слушать разсказов сих просвещенных невежд, пожелал им попутнаго ветра (ибо для мотыльков (бабочек) встрешной ветер очень неприятен) и пошел домой.

Опыт есть самый лучший учитель, говорят старинные мудрецы. В самом деле самый лучший, и еще прибавить надобно: самый любезнейший. С одной стороны, что может так безобманчиво уверять нас в истинне чего либо, как опыт? С другой, что лестнее для сердца человеческаго, как самому собою, собственным разсуждением разсеявать мрак заблуждений своих, которым обыкновенно подвергает нас неопытность наша, и в то же время без всяких посторонних убеждений, без всяких систематических доказательств уверяться во многих истинах, которыя прежде казались невероятными? На пример, мог ли

бы я прежде сего поверить, что в природе действительно находятся все те люди, которые в Истории и в театральных пиесах изображены самыми чернейшими красками, и которых мы вовсе не зная, с ужасом и омерзением произносим имяна их? А теперь, теперь Л. Д. никакая сила человеческая не может разуверить меня в том, что их нет. Поверишь ли, что в толь короткое время путешествия моего удалось мне видеть такого сорта людей несравненно более, нежели сколько я знал их по разсказам всякаго рода писателей. Сверх сего приметил я, что большая часть из них в подлиннике несравненно сквернее и гаже, нежели каковыми их изображают в комедиях и трагедиях. Филантроп, взирая на сие конечное повреждение естества человеческаго, непременно пролил бы источники филантропических слез, а Мизантроп со всею адскою злобою разсмеялся; но я, не принадлежа ни к тому, ни к другому ордену, делал только себе коротенькия поучения из предложения: должно убегать пороков. Но поелику таковыя поучения очень обыкновенны и каждому известны, то я не скажу тебе из них ни одного слова.

Может быть это будет последнее письмо мое к тебе Л. Д. Путешествие, хотя оно и не продолжительно было, очень утомило меня. Разлука с тобою начинает тяготить сердце мое. Завтрашний день я отправляюсь в путь. Скоро надеюсь броситься в твои объятия.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ ПИСЕМ

ПРИМЕЧАНИЯ

Эпиграф: Quid rides? mutato nomine de te fabula narrature — Чего смеешься? с изменением имени о тебе речь идет. Этим изречением Горация ранее автора „Путешествия критики“ воспользовался А. Н. Радищев в „Путешествии из Петербурга в Москву“ в главе Хоталов: „премени имя, повесть о тебе вещает“.

Стр. 9. Астреин век (миф) — Астрея богиня справедливости, покинувшая землю с наступлением „железного века“.

Стр. 10. Эккартгаузен — немецкий философ второй половины XVIII века — мистик, реакционер.

Стр. 80. Митрофан в отставке — намек на комедию Городчанинова „Митрофанушка в отставке“. М., 1800.

Стр. 102. Судьи Шемяки. Шемяка — действующее лицо из повести XVII века „Шемякин суд“. Автор „Путешествия критики“ мог знать эту повесть из лубочных изданий. Кроме того, в 1794 году в Москве А. Осиповым был напечатан „Шемякин суд“, а в 1801 году переиздан.

Царь-горох. О царе Горохе было много народных присказок. Имя „Царь-горох“ стало нарицательным для обозначения человека пустого, смешного.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Редактор *Р. А. Ковнатор*

Оформление книги художника
Н. В. Ильина

Техн. редактор *В. В. Мезьер*

Подписано в печать 16.VI.1951 г.
Т05012 Тираж 15000 Изд. № 160
Печ. л. 6,32 Уч.-изд. л. 7,1
Ф. бум. $84 \times 108^1/_{32}$ Заказ № 765

Типография издательства МГУ
Москва 9, Моховая, 9

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
14	16 св.	в конце очерка	в начале очерка
14	8 сн.	дворянского крепостного общества	дворянского крепостнического общества
30	18 сн.	бучше	лучше
108	7 св.	взять	зять
109	сн.	применить	приметить
115	17 сн.	ко врем	ко всем

В примечаниях 1-й абзац следует читать:

Эпиграф: Quid rides? mutato nomine fabula de te narratur — Чего смеешься? с изменением имени о тебе речь идет. Этим изречением Горация ранее автора «Путешествия критики» воспользовался А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе Хотилов: «премени имя, повесть о тебе вещает».

К зак. 765